LitRPG

Иван Логинов

ПРИЗВАННЫЙ

Возможно, баллада

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Новое произведение нового автора в набирающем популярность жанре ЛитРПГ

-
- Глава I
-
- Глава II
- Глава III
- Глава IV
- Глава V
- Глава VI
- Глава VII
- Глава VIII
- Глава IX
- Глава X
- Глава XI
- Глава XII
- Глава XIII
- Глава XIV

Иван Логинов

ПРИЗВАННЫЙ

Возможно, баллада

Пространство огромно, ограничено лишь звездами на черно-фиолетовом небе, изогнувшемся гигантским куполом. Снизу, в некотором углублении, противолежит ему широкая заснеженная котловина, круглая, как арена, окаймленная черно-зеленой зубчатой стеной вековых елей. Солнце сползло за кромку

горизонта, по-видимому, недавно – слева подножие неба еще темно-синее. Но полная луна справа уже набрала свой максимум мертвенного света. Звенящий звук, скорее возвращенное эхо, объемная акустика почти необъятного пространства, утяжеляется, ритмизуется, будто далеко-далеко, где-то там, за пределами окоема, спокойно, ровно, холодно бьется громадное сердце. Подмораживает. Стылые крупные звезды лениво мигают, прикрывая веки на три четверти. Равнина отблескивает мириадами льдистых кристаллов, словно присыпанная алмазной пылью. Если ступить на твердый наст, хруст, скрип, шорох отчетливо разнесутся по всей округе. Но ощущение, возможно, обманчиво. Впереди, у дальнего края черно-зеленой каймы, зарождается еще неявное мельтешение, некое колыхание теней, змеящиеся разводы. В полном безмолвии, сопровождаемое лишь мистическим пульсом пространства, больше ритмом, чем звуком, клубящееся и роящееся облако отделяется от мглисто-темного фона и, постепенно приближаясь, принимается растекаться в размерах. По обеим сторонам из него вырываются стелющимся рыскающим наметом матерые волчары, серебристо-серые, почти светящиеся под луной, с шарящим взглядом настороженных злобно-зеленых глаз. А в самом центре, вкруг коего и плетутся охранные кружева сопровождения, бесшумно и величественно выдвигается в переливчато-аспидной чешуе нечто гордо-крылатое, но перемещающееся в ползучей манере, плавными извивами, враскачку, балансируя далеко отставленным хвостом с вздернутым веретенообразным кончиком. Но трепещущее охвостье, вопреки ожиданиям, не дребезжит, не шелестит и даже не мерцает при вращении, и не оно неотразимо притягивает внимание. Вытянутая морда крылатого увенчана узким обоюдоострым костяным наростом, который медленно наливается фиолетовым и на пике насыщенности вспыхивает ослепительно-сиреневым в такт вселенскому пульсу. Время застывает. Движение продолжается, однако нигде ничего не меняется, композиция достигает завершенности. Наступает вечность.

Но не навсегда. Изображение начинает съеживаться, сначала едва заметно, потом с нарастающим ускорением, лавинообразно, водопадно, сбегается к фокусу, втягивается в некрутящуюся воронку и стремительно отдаляется в глубину тоннеля. Сливается в точку и, выбросив напоследок четыре длинных луча, исчезает.

Видимо, это не здесь и не сейчас.

Глава I

Абсолютно черный фон.

Но существовавший еще до начала ритм постепенно нарастает и убыстряется до почти сплошного низкого гула. Звук из пронзительно-запредельного превращается в оглушающе-вязкий, словно пространство катастрофически уменьшилось или просто заложило уши от резкого перепада высот. Неожиданно интенсивность его достигает осязаемой, давящей, плющащей плотности, затем он рывком отваливает, нависающий грохот сменяется спешно удаляющимся рокотом, потом и стихающее стрекотание растворяется.

Фон тот же. Но кромешная беспросветность смещена к противоположному краю спектра и граничит уже не с ультрафиолетовым, а инфракрасным. Черное разжижается, мутнеет, наливается бурым, ржавым и охряным. Сквозь пятна, разводы и оплывы проступает рельеф заброшенного глиняного карьера. Серо-рыжая пыль, застилающая еще низкое, но уже жаркое летнее солнце, медленно оседает обратно на растрескавшуюся бесплодную почву. На плоском, чисто выметенном бугре, посреди неглубокого, но раскидистого котлована ничком лежит человек. На нем широкие штаны и нечто вроде свободной легкой курточки со стягивающимся низом примерно одной расцветки, хорошо сливающейся с ландшафтом, и только высокие башмаки на рифленой подошве скорее черные.

Больше у него, кажется, ничего нет, что, вообще-то, не вызывает удивления. Это как раз нормально. И даже традиционно.

Человек слегка шевелится, подтягивает колено, упирает ладони на уровне плеч, приподнимается на руках, встает на четвереньки, затем садится на корточки. На вид ему лет двадцать пять, с вероятностной погрешностью в десять процентов, волосы темные, глаза светлые. Не из качков, определенно. Он ошалело оглядывается, встряхивает стриженой головой и восклицает с чувством: «Что за черт, где это?» Не получив ответа ни снаружи, ни изнутри, задумывается, погрузившись в себя. Наконец, возвращается в мир и тихо, так чтобы никто и случайно не услышал, спрашивает: «Кто я?» После чего замирает, ожидая

указаний.

Ситуация проясняется окончательно: у нас, похоже, совсем ничего нет, даже прошлого. Ибо уже не приходится сомневаться, что именно это и есть мы, и путь нам предстоит, как водится, из грязи в князи.

И путь, видимо, длинный или долгий. Не исключено, впрочем, что то и другое одновременно. Куда-то туда, где над снежным настом неслышно плывет крылатый, завораживающе пульсируя рогом.

Но пока у нас лето, заброшенный карьер и человек, явно не готовый к битве с мифологическим чудищем.

Намечаем движение вправо – послушно поворачивает взор. Ну, все так и есть.

Что ж, с богом! Встаем на ноги.

Но прежде чем трогаться, неплохо бы осмотреться повнимательней, в самом деле, черт его знает, куда нас занесло. Музыкальный фон на грани слышимости (верховой ветер над помертвевшей планетой) намекает, что нашему появлению, совершенно точно, никто не обрадовался, одна надежда, что и не заинтересовался.

Сначала взгляд по сторонам, круговым обзором.

Насколько хватает видимости, все пусто, выжжено, заброшенно.

Однако дальние края карьера расплываются в белесом мареве, и, значит, потенциально опасны.

Возможно, стоило, вопреки автоопределению, повысить разрешение монитора, но существует вероятность, что процессор или адаптер не потянут, происходящее в своих насыщенных моментах начнет вязнуть и клинить, угнетая вазомоторику несовпадением ритмов. Да и дальность обзора зависит чаще не от настроек. В любом случае, все уже началось, и следует обходиться тем, что имеешь.

Пока не просматривается непосредственной угрозы, можно, не теряя из виду подступов, познакомиться с самим собою поближе. Нам теперь быть вместе до самого конца. Если изначально подойдем друг другу. Ежели не выпрет какая-нибудь мерзкая деталь, иногда просто словечко, вызывающее инстинктивное отторжение. Вроде эвфемистической присказки: «Капец!» И тогда единственное, что способно увлечь – хотя бы ненадолго – планомерный вывод своего героя в короли дебилов. Но это уже мазохизм: по-любому, он часть нас. Или, коли абсолютно нечем будет больше заняться, придется проходить дистанцию при выключенных колонках. Подо что-нибудь ненавязчивое из рядом стоящего музыкального центра. Ладно, все

это за кадром.

Итак, на нас штаны и куртка, очевидно, из одного комплекта, под полузастегнутым на молнию верхом некая футболка телесного цвета (если, конечно, все лето не мыться). Высокие голенища шнурованных спереди ботинок не только обжимают лодыжки, но и подпирают икры. Потертые и разношенные башмаки из плотной кожи, похоже, очень прочны и выглядят не совсем по сезону, однако экипировка в нашем деле обычно мало соотносится с погодными условиями. Не исключено, что зимой мы будем ходить уже в доспехах полностью из стали, включая исподнее: нательную рубаху и подштанники. С наружной стороны в голенища обоих ботинок вшиты длинные узкие ножны, из правых торчит рукоятка, криво обмотанная синей изолентой.

Вытягиваем. Плоское лезвие, явно не кованное, скорее штампованная отливка, шириной у основания сантиметра четыре, длиной за двадцать, с односторонней заточкой. В общем, не кинжал, хотя кончик заостренный. И для метания не очень удобен – не так сбалансирован. Центр тяжести смещен к ручке. Больше смахивает на разделочный нож из ресторанной кухни (спасибо, не столовый из зала). Но в ладони лежит неплохо, вот только кожей ощущается неравномерность, с морщинистыми складками, слоев обмотки. Снимаем изоленту. Останавливаем первоначальный порыв уронить под ноги и, аккуратно свернув, пристраиваем в нагрудный карман куртки. Во-первых, след, во-вторых, вдруг потом сгодится. Рукоять из эбонита, на ней незатейливым шрифтом выгравировано: Брайан. Буквы «йа» с осязаемым чувством зачеркнуты глубокой царапиной, после заглавного «Б» с помощью птички тем же, очевидно, гвоздем вставлено маленькое «а», так что теперь уже читается: Баран. Какая сволочь схохмила?

Брайан. Это наше имя?

Никакого отклика в душе.

И почему, собственно, Брайан? Совсем, вроде, чужеязыкое. Всплывает лишь бесконечно растягивающийся обрывок мелодичной темы: “*for the heart of the sun, the heart of the sun*…”, родившейся, кажется, в тот момент, когда плывущий над настом крылатый приближался к вечности. Что-то откровенно психоделическое. Но откуда? Откуда-то сильно издалека. Из такого далека, что здесь и не определить.

А вот с какого перепоя вцарапано «Баран», хорошо понятно. Возможно, сами бы внесли исправление, просиди, к примеру, неделю в одиночке и ничего кроме этой надписи и кривого гвоздика не обнаружив. Хотя, недели могло и не хватить. Но месяц – точно, с большим запасом.

Ладно, вгоняем обратно в ножны. Замечаем, что на запястьях

ощущается нечто облегающее. Отдергиваем рукава с манжетами на резинке. Не только запястья, но и почти полностью оба предплечья обхвачены широкими браслетами, скорее даже нарукавниками из какого-то темного плотного материала, гибкого, но явно очень прочного. Правый по всей длине равномерно оплетен массивными поперечными кольцами. С внутренней стороны левого, ближе к ладони, над поверхностью выступает плоское прямоугольное утолщение где-то четыре на шесть, видимо, дисплей, хотя в данный момент он тоже темен. Никаких кнопок или клавиш не заметно. Ощупываем само утолщение. Когда проводим пальцем по левому, или – если поднять руку – нижнему обрезу, раздается «би-ип», экран остается матово-черным, но на нем одна за другой начинают высвечиваться зеленые строки. Все же горизонтально, и так удобнее читать украдкой: не надо при этом вскидывать руку в оскорбительном жесте, достаточно слегка опустить глаза. Что называется, все продумано до мелочей. Мигнув несколько раз, строка уступает место следующей.

Активация.
Поиск сети
Не обнаружено.
Направление на ближайший терминал
Не установлено.
Работа в автономном режиме.
Загрузка персональных файлов.
Идентификационный номер: 9099079979
Используемое имя: Брайан.
Экипировка стандартная:
комбинезон камуфляжный «Лето» б/у
майка х/б стираная
ботинки кожаные маршевые разношенные
носки разовые новые.
Наручи углепластиковые индивидуальной подгонки
левый со встроенным рейдовым навигатором
правый с куммулятивно-кинетическим браслетом.
Вооружение:
именной ятаган.
ЛИЧНОСТЬ
СПОСОБНОСТИ:
1. Сила 1
2. Ловкость 1
3. Выносливость 1
4. Воля 1

5. Восприятие 1
6. Интеллект 1
7. Обаяние 1
8. Удача 1
9. Безумие 1
ЗДОРОВЬЕ:
19 хитов
НАВЫКИ/УМЕНИЯ:
ближний бой +
ОСОБЕННОСТИ:
прочерк
СУДЬБА
ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ:
прочерк
ГЕРМЕНЕВТИЧНОСТЬ:
прочерк
ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ:
прочерк
Сканирование локационного пула.
Ситуационный модификатор: 3.
Персональный модификатор: 1.
Ситуационное соответствие: 0.333(3).
Общее отношение: отсутствует.
Карма: никакая.
МОДАЛЬНОСТЬ: фоновая декорация.
Страховой полис выписан 11.06. 0299, 06:17
Желаете перестраховаться?

На черном фоне возникают два подмигивающих квадратика: «***Да***», «***Нет***». Тычем пальцем в «***Да***». Экран с одобрительным бипом откликается:

Вся ваша жизнь по настоящий момент включительно застрахована в полном объеме и останется сохраненной вплоть до особого распоряжения. Удачи!

Но и на этом «рейдовый навигатор» не успокаивается. Появляется строка:

Знакомство с интерфейсом

Одновременно по левому, сверху вниз, а потом и правому обрезу, по очереди начинают пульсировать расположенные столбцами прямоугольнички со стилизованными изображениями

циферблата, лица, рюкзака, медицинского кубка со спесивым гадом, раскрытых страниц блокнота, пера, тянущего строку, ландшафтного контура, сложенных стопкой книг и чего-то еще, с ходу не узнанного.

Ждущий режим

Буквы постепенно меркнут, сливаются с фоном.

Подробное знакомство, конечно, не помешает. Даже в самом заведомо типовом раскладе возможны варианты. Иногда весьма интересные. Но пока, пожалуй, и так достаточно чего, настоятельно требующего вдумчивого осознания. Интенциональность, герменевтичность, модальность! Нас что, одев в бэушный комбез и сунув за правое голенище именной свинотык, прислали на философский симпозиум? Отчего ж в таком случае левой рукой мы не прижимаем к груди «Критику чистого разума»? Мы бы тогда поинтересовались внизу семнадцатой страницы, какой библиотекой выдано (не может ведь нормальный человек иметь своего личного Канта). Ладно, с деталями ознакомимся в процессе. Не торчать же здесь до полудня. Уж больно хорошо мы тут просматриваемся. *Как одинокая вошь на генеральской лысине,* – всплывает вдруг фраза вместе с характерной интонацией, предполагающей обязательную вставку, куда влезут, ударных междометий.

Сейчас.

Лишь глянем на правую «наручь».

Не знамо почему, но это существительное удобнее ложится на язык в женском роде.

Итак, на ней, меж двумя первыми оплетающими кольцами, с внутренней стороны запястья тоже притаился темный слегка выступающий прямоугольник, меньших размеров, примерно два на четыре, и широкая сторона проходит не вдоль предплечья, а поперек. Обводим пальцем края. На «бип» он не раскошеливается, но строку все же высвечивает.

Физических характеристик носителя не достаточно для активного режима

А вот эту строку удобнее читать, вскинув руку.

Не достаточно. Может, надо кулак покрепче сжать?

Пробуем. Наши потуги браслет не трогают.

Плевать.

Подкидываем нож. Перевернувшись в воздухе дважды, влипает обратно в ладонь. Умеем, однако. Действие побуждает к

действию. Теперь бы нам какого-нибудь врага – опробовать пусть не больно грозное, но оружие. И не абы какое – именное, мать вашу! Врученное, возможно, перед общим строем, под барабанный бой, у развернутого знамени, кое мы потом, преклонив одно колено, целовали, присягая… ээ… кому, кстати? Стоп, ятаган? Какой же это к чертям собачим ятаган?! И вообще, почему ятаган? Как там? *Иншалла!* Вслушиваемся в себя. Что очень-очень далекое, и в качестве синонимично-ассоциативного ряда вызывающее: авось, небось, господи пронеси и в гробу я вас всех видал! *Аллах акбар!* Совсем не трогает. Так ежели мы не из сынов Пророка, выходит, янычары?

Безродный Брайан, янычар…

Замечательная строка для зачина героического эпоса. Хотя, это, пожалуй, другой жанр. Чуть более элегичный, однако тоже зависящий от того, станет ли происходящее впоследствии легендарным.

Ладно, разберемся. Господь не выдаст – свинья не съест.

Где там интерфейс? Кладем палец на географический символ. Появляется карта, озаглавленная: ***Шлюзовая локация первой части.*** Но на ней ничего, кроме контуров бугра и маленького зеленого треугольничка в самой середине. Понятно, территория на соответствующем плане прорисовывается только после того, как ее исходишь собственноножно.

Спускаться с бугра удобнее с восточной стороны, скат там менее выражен. Да и дно карьера повышается, кажется, в том направлении. Туда и двигаем маршевым ходом, стараясь, чтобы центр тяжести тела не рыскал по вертикали. Ровный, на четыре шага вдох, и акцентированный выдох. Похоже, какая-то подготовка у нас есть.

Метров через триста дальние склоны карьера, уже не такие высокие, начинают медленно сближаться, постепенно образуя узкую горловину, плавно заворачивающую влево, на северо-восток. Дорога, а это явно когда-то было дорогой, с окаменевшей в глине колеей, заметно идет на подъем, еще чуть-чуть, и снизившиеся откосы откроют горизонт.

Но не успевают. За последним поворотом, там, где уже просматривается выезд и колея на радостях разбегается не то на две, не то даже на три, путь наверх перекрыт стаей псов, на первый, беглый, взгляд, бродячих, разлегшихся, словно на привале. Во всяком случае, они никуда не торопятся и при нашем появлении не начинают собираться. Свора насчитывает с полтора десятка рыл, как одно повернутых к спуску. Все остаются лежать, лишь ближайший приподнимается на передних лапах, обозначая сидячее положение.

– Ну, чо, блохастые, не ждали? – спрашиваем с нажимом.

Псы молчат, видимо, дело обстояло как раз наоборот.

Ладно, попробуем по-другому. Наклонившись, вытягиваем из голенища «именной ятаган», подбрасываем с переворотом и громко интересуемся:

– Кто желает заработать славу героя и умереть первым в назидание потомкам, а, сучьи дети?

Еще парочка – из ближних – привстает. Остальные просто ждут, в глаза вроде ни один не смотрит, но и из вида никто не упускает.

Пора переходить к делу, а то, ведь, и смеяться начнут.

Выдыхаем со всхрипом и устремляемся прямо в гущу, громко топоча, утробно ухая и потрясая ножом. Передний подбирается, выжидает момент, поводя опущенным хвостом, и внезапно, почти с места, прыгает нам на грудь. Хорошо еще, что попадает в шаг. Слегка прогнувшись назад, пинком снизу в брюхо успеваем добавить траектории его движения нужной размашистости, и он с недоуменным вяканьем взмывает над нашей головой. Пока он там раздумывает, как ему опускаться обратно: планировать или валиться кулем, рвемся дальше. Следующего, низко припавшего к земле, просто перепрыгиваем. Но тот, что за ним, готов к любому повороту: стоит в полный рост и оскаленной пастью выцеливает нашу ногу. Когда он понимает, что в зубах окажется именно правый ботинок и уже устремляет морду навстречь, мы, резко наклонившись, наотмашь хлещем его лезвием по глазам. Судя по переливчатому визгу, попадаем удачно. Но справа, из-под руки, чуть ли не из-за спины, стремительно выбрасывается тень, немыслимо изогнувшись в полете, по-акульи изворачивается на спину и с размаху смыкает клыки на нашем горле.

Неожиданно резкая боль. Волна шока. Провал.

Мутная тьма.

Равнодушный голос откуда-то сверху:

Ваш труп с выеденными внутренностями пролежал в карьере несколько дней, пока вороны, а затем муравьи не завершили начатое стаей голодных псов. Хоронить останки никому не пришло в голову. Бесхозные выцветшие кости лишь придали пейзажу колорита.

Из темноты, медленно наливаясь зеленым, проступает, наконец, строка, с сопроводительными квадратиками:

Желаете вернуться к тому, что сохранено?
Да. Нет.

Естественно, да, скоты противные!

Не надо было гневить Брайана, он у нас янычар.

Теперь у него есть враг. И не просто враг – кровный.

Там, на выходе из карьера, в ленивом ожидании (куда ж он денется!) выкусывают себя блохастые, загодя смакуя победу.

Подождите, идет загрузка…

Ждем.

Всплывает строка:

Знакомство с интерфейсом

Одновременно по левому, сверху вниз, а потом и правому обрезу, по очереди начинают пульсировать расположенные столбцами прямоугольнички со стилизованными изображениями циферблата, лица, рюкзака, медицинского кубка со спесивым гадом, раскрытых страниц блокнота, пера, тянущего строку, ландшафтного контура, сложенных стопкой книг и чего-то еще, с ходу не узнанного.

Ждущий режим

Буквы постепенно меркнут, сливаются с фоном.

Приходится знакомиться заново, поскольку последнее и пока единственное сохранение вклинилось внутрь отрывка с автоматическим прогоном.

Спасибо, не в самое начало. Не хочется сейчас смотреть на наши личные характеристики: Сила 1, Ловкость 1, Здоровье 19… Это даже не худо-бедно, а много беднее, чем худо, и сильно хуже, чем бедно. Таких способностей обычно хватает лишь на то, чтобы дышать без перебоев. А если хотя бы разок забудешь это сделать, что с таким интеллектом никого не удивит, запросто можно самопроизвольно отбросить копыта. Остается надеяться, что и здешние обитатели не на порядок круче, а то, дабы выбиться в люди, придется, как однажды уже доводилось, все лето таскать послания от двери к двери и выслушивать: «Ты принес пакет, урод? Или ты его потерял?» Терпеливо переминаться с ноги на ногу и украдкой сглатывать слюну, дожидаясь, когда пожалуют обещанные одно очко опыта на повышение убогих навыков и одну местную денежку на починку разбитых вдрызг башмаков. А могут и не пожаловать – тоже бывало. Правда, потом мы того индюка надутого все же прирезали. Прямо на родном крыльце, когда он,

вышед, раскрыл рот, намереваясь снова сообщить, что за помятый пакет платить не станет («Ты чо, в натуре, за лоха меня держишь?»). Но пусть земля ему будет прахом – он остался там, а мы вот теперь здесь, уже с Брайаном, не помнящим родства.

Однако следует обязательно сохраниться перед последним поворотом, черт его знает, с какого раза прорвемся.

А классно, кстати, вышло с ближайшим. Можно попробовать повторить. Взятая линия начинается раньше столкновения, так что они этого не помнят, для них все будет в первый раз. С обоими следующими тоже неплохо получилось, а вот четвертый нас сделал, вчистую сделал. Где ж ты, скот, так насобачился, из спецназа тебя, что ль, выгнали, за хронический педикулез? В самом деле, как он там, под правой рукой у нас, оказался? Надо обратить внимание. К сожалению, мы не сумели заметить, кто именно из них это был. Тот, которого мы с ходу перемахнули, не успел бы описать необходимой для подобного броска дуги. Значит, теперь так: набегаем, первого ловим на взлете пинком в брюхо, перепрыгиваем второго, и перед тем, как, наклонившись, хлестнуть наотмашь третьего, – взгляд вправо: кто и откуда? Пусть третий на этот раз увернется, черт с ним. Запись будет неподалеку, повторим набег. Зато станет известно, где затаился самый опасный.

Снова направляемся на восток. Маршевым ходом: ровный, на четыре шага, вдох и акцентированный выдох. Продвигаться нам по плоскому дну карьера с полкилометра, пока дальние склоны не стянутся в узкое, заворачивающее влево ущелье, перекрытое на выходе собачьим дозором. Забавно, наверное, наблюдать наше черепашье перемещенье с высоты птичьего полета. Орлиного паренья с раскинутыми крылами. Вон того самого, который надменно плывет в белесом небе. Ладно, он гордый, зато мы – упорные. И каждый достаточно хорош для своего места, иначе бы на нем не был.

Двигаемся уже по ущелью с низкими откосами, плавно загибающемуся к северу. Солнце теперь не слепит глаза, но по-прицельному печет правый висок. Вот и последний непросматриваемый участок.

Останавливаемся. Кладем палец на дисплей навигатора. Высвечивается интерфейс. Касаемся изображения пера. На экране появляется строка с квадратиками сопровождения:

Страховой полис выписан 11.06. 0299, 06:29
Желаете перестраховаться?
Да. Нет.

Тычем в «***Да***».

Одобрительный бип.

Вся ваша жизнь по настоящий момент включительно застрахована в полном объеме и останется сохраненной вплоть до особого распоряжения. Удачи!

Спокойным шагом и с веселой улыбкой на лице появляемся из-за поворота.

– Ну, чо, уроды, ждем? – задаем мы вопрос в иной, но тоже не требующей ответа форме.

Они и не отвечают, как и в наш прошлый раз.

Диспозиция та же. Пятнадцать морд изначально обращены к нам. Нет, чуть меньше. Ровно тринадцать. И это правильно. Чертова дюжина гораздо символичней. Различать их непросто: все они примерно одного среднекрупного размера, бурого окраса и умеренного уровня волосатости. Возможно, родственники не только по духу и судьбе, но и крови.

Ближайший привстает на передних лапах, переходя в сидячее положение. Ну, это тот, что чуть позже прыгнет выше головы. Ежели мы не промахнемся. За ним лежит другой, предпочитающий от земли не отрываться. Чуть далее третий – схватывающий все на лету. А вот правее его – целых двое. И кто именно из них насобачившийся в бросках с изворотом – неясно. И тот, и другой, с виду, обычной бродячей потрепанности. А, вон, разные уши порваны: у одного левое, у второго оба.

Ладно, как и было задумано, разведка боем.

С силой выдыхаем без остатка, подпирая легкие диафрагмой, и устремляемся прямо в гущу вражьих рядов, с тяжелым топаньем, зловещим уханьем и грозным потрясанием ножа. Передний подбирается, выжидает момент, поводя опущенным хвостом, и резко, почти с места, прыгает нам на грудь. Хорошо, что опять попадает в шаг. Слегка прогнувшись назад, маховым пинком снизу в брюхо добавляем его движению необходимый для выхода на орбиту вектор, и он с недоуменным вяканьем взмывает над нашей головой. Пока он там раздумывает, как ему опускаться обратно: планировать, раскинув лапы, или, согнувшись, валиться кулем, рвемся дальше. Следующего, низко припавшего к земле, с ходу перепрыгиваем. (Правда, теперь он, вскинув морду, успевает располосовать штанину комбеза). Тот, что за ним, знамо, готов к любому повороту: стоит в полный рост и оскаленной пастью выцеливает нашу ногу. Когда он понимает, какой именно ботинок окажется в зубах и уже устремляет морду навстречу, мы, резко наклонившись, хлещем лезвием наотмашь, одновременно

скашивая взгляд вправо. Судя по злобному тявку, третий успевает, отдернув башку, уберечь глаза. Справа тоже облом – совсем рядом там пусто. Но слева, из-под руки, чуть ли не из-за спины, стремительно выбрасывается тень, немыслимо изогнувшись в полете, по-акульи изворачивается на спину и с размаху вонзает клыки в наше горло. На этот раз мы успеваем еще осознать, что заднюю часть вытянувшегося тела с поджатыми лапами по инерции проносит дальше, как ручку консервного ножа, и сомкнувшиеся челюсти, которым добавлено вращательного момента, с противным хрустом вспарывают мышцы, сухожилия, хрящи и аорту.

Неожиданно резкая боль. Волна шока. Провал.

Мутная тьма.

Равнодушный голос откуда-то сверху:

Ваш труп с выеденными внутренностями пролежал в карьере несколько дней, пока вороны, а затем муравьи не завершили начатое стаей голодных псов. Хоронить останки никому не пришло в голову. Бесхозные выцветшие кости лишь придали пейзажу колорита.

Из темноты, медленно наливаясь зеленым, проступает, наконец, строка, с сопроводительными квадратиками:

Желаете вернуться к тому, что сохранено?
Да. Нет.

Уф, но все-таки, да. Не такой Брайан человек, чтобы остановить его двойным перегрызом горла.

Подождите, идет загрузка…

Ждем.

Хорошо, что не поленились перезаписаться, а то опять бы пришлось тащиться с полкилометра по обожженной глине под присмотром парящего в небе орла, который, может, и не совсем орел – отсюда не разберешь.

Проявляемся на последнем непросматриваемом участке дороги перед поворотом, за которым выход из карьера перекрыт пикетом отборных блохоносцев. Да, похоже, чуть ли не каждый из них горазд. На заднем плане забрезживает какая-то рифма, но пока не всплывает. Наверно, потому, что голова занята другим.

Что-то ты, Брайан, делаешь не так. Речь не о том, что, возможно, стоило бы поискать иной способ выбраться из карьера.

На девяносто девять, девяносто девять и девять в периоде другого выхода просто нет, и пробиваться все равно придется здесь, но вот наша с тобой тактика…

Ладно, мы не записные теоретики, и размышлять нам удобнее не из-за угла.

Мерным шагом, как сама неотвратимость, выходим на сцену.

Но идея неотвратимости возникает лишь в нашей голове. Дозорные предыдущих появлений Брайана не помнят, нынешнее для них по-прежнему первое, потому как мы каждый раз потом перезагружались, и никакого особого психологического воздействия оно на них не оказывает.

Останавливаемся шагов за десять до того, как ближайший приподнимется на передних лапах. Брайан думать пришел. Поближе к предмету осмысления.

Для начала, чтобы не нарушать установленной нами же доброй традиции, громко интересуемся:

– А почему без цветов?

Ожидающие опять демонстрируют равнодушие к риторике.

На сей раз нас это слегка задевает. Равнодушие, вообще-то говоря, граничит с презрением, свидетельствуя о хорошем самообладании, настоянном на уверенности в своих силах и ощущении собственного превосходства. Безоговорочного.

Подожди, Брайан, не заводись, успеется.

Итак, подробная диспозиция. Впереди потенциальный летун, сразу за ним гад ползучий. Потом виртуоз ловли ботинков пастью. Чуть далее на подхвате следующий, ничем доныне себя не проявивший. Справа пара, из которой один – дюже насобачившийся в бросках с акульим переворотом. А слева? Слева чем-то похожая пара, и с ушами у них примерно аналогичная история – у первого аристократично купированы, у второго по-простонародному обгрызены под корень. Кому, кстати, ударила в голову идея купировать уши дворняге? Или в этой паре именно ты натаскан рвать горло в акробатическом прыжке?

А и в самом деле, расположение-то у них откровенно парное, приспособленное для работы с подстраховкой. Не случайный сброд, команда.

Правда, на заднем плане более сложная фигура. Нечто вроде креста или ромба с выраженным центром.

Думай, Брайан, включай свой интеллект в целую полновесную единицу. Понятно, общей теории поля не создашь, но этого никто пока и не требует. Противостоят тебе тоже не Эйнштейны, вишь, какие покатые лбы и отчетливые надбровные дуги? И только у того, который обозначает собой перекрестье ромба, рыло не столь плавно, как у прочих, перетекает в загривок.

На общем фоне он скорее даже лобастый.

А ведь как есть, вожак. В окружении личной свиты. Один прикрывает тыл, двое фланги, вертлявый спереди явно вестовой, или, если не льстить, шестерка на побегушках.

– Ну, что ж, общая картина ясна, – объявляем во всеуслышание и начинаем прохаживаться поперек колеи. – И роль каждого можно считать установленной. Включая вожака.

Разворачиваемся и оглядываем ряды.

Никто из аудитории и ухом не ведет.

Само собой, коли собрались вместе, всякий должен быть чем-то занят, как же по-другому? И ежели есть стая, куда без вожака?

Внутренне признаемся, что пока не намного продвинулись.

Понятное дело, стая, не раздумывая, последует за вожаком. Но в вожаки он ведь выбился не только за счет башковитости и первым, совершенно точно, не побежит. И вторым тоже. Лишь в случае массовой паники, причем, возникшей не по его личной вине, возглавит, как и положено по рангу, группу отхода.

– Признавайтесь, сучьи дети, кто из вас самый трусливый?

Как же, признаются!

Придется выяснять самим.

И построже с ними, Брайан, построже.

– Всем сидеть смирно, не чесаться, тупыми башками не вертеть, блудливых глаз не прятать, изучать вас буду!

От хлесткого окрика вздрагивает, похоже, только хозяйская шестерка. Остальные лишь едва заметно подбираются. Кто-то слева недовольно взрыкивает.

Боковым зрением усматриваем аристократа с купированными ушами. Ну, этого не проймешь, нечего и пытаться.

Делаем вид, что ошиблись – несправедливая обида ранит гораздо больнее.

– Эй, я к тебе обращаюсь, вертлявый! Разве было предложено высказаться? Кто интересовался твоим собачьим мнением? От него за версту против ветра разит псиной! Своими соображениями ты можешь подтереться. Хотя, в вашем племени, кажется, и нет такого обычая. Дерьмое-еды! Зады у вас, извиняюсь, принято, вроде, об землю вытирать?

В стане соперника начинает ощущаться некое подспудное брожение, даже, пожалуй, беспокойство: все ли идет, как задумано? Для того разве собраны, чтобы выслушивать глумления? Не пора ли дать укорот?

Но вожак неколебим, задача поставлена предельно четко: не пропускать. Ничего другого не вменялось, и отсебятины никто здесь не допустит.

Ладно, общая взвинченность в рядах уже на достаточном

уровне, возвращаемся персонально к вертлявому, пока ему не показалось, что он вовсе не самый последний урод, а всего лишь один из. За коллективную вину стыд глаза совсем не ест.

Пройдя пару шагов, останавливаемся.

– Рыкать он тут, видите ли, будет! Тебя что, сученыш, мало били? Я спрашиваю, мало?

Вертлявый начинает ожесточенно выкусывать из лапы какую-то очень злую блоху. Всем блохам блоху.

– Тебе, я смотрю, неймется. Просто так, конечно же, жить скучно, надо обязательно нарваться! Ну, гляди, сам напросился.

Продолжаем движение перед аудиторией.

Повисает гнетущая пауза.

Вертлявый как бы случайно оглядывается: нет ли у хозяина желания вступиться за своих?

Вожак тоже как бы по делу отводит морду: исправно ли бдят на фланге?

Вертлявый обреченно отворачивается.

Пора, Брайан!

Скользящим прыжком посылаем тело под прямым углом влево, делая длиннющий приставной шаг, и с разворота на передней опорной ноге, на выдохе, швыряем нож. Сверкнув лезвием на еще низком солнце, он, вытянувшись в струнку, чертит над поверхностью стремительную горизонталь.

И в тот момент, когда вожак возвращает свою насупленную морду в положение анфас, влипает торцом рукоятки прямо ему в мудрый лобешник.

В притихшем ущелье четко слышится: «Дум!», роскошно, видимо, отдаваясь под сводами кумпола гулким колокольным раскатом.

Черепушку ему слегка отбрасывает назад, и на целую секунду он теряет ориентацию.

Но в предводители лобастого выбрали не зря: реагирует он еще раньше, чем приходит в себя. Чтоб никто не успел подумать, что его можно застать врасплох, с коротким рыком, на возвратном движении массивной башки, с маху вцепляется клыками в ляжку понуро притихшего спереди вертлявого. Тот, никак не ожидавший в данный момент боли сзади, хотя почти все удары судьбы настигали его именно оттуда, взвизгивает и безоглядной опрометью бросается куда подальше. Получается, большей частью, вперед. Остальные, столь же привыкшие, что опасность нагло расхаживает перед глазами, вскакивают на ноги, крутят головами, пытаясь понять, кто атакует, почему сзади и, самое главное, кого рвать в первую очередь? Пока суть да дело, вертлявый метущейся рысью, с заносами, обходит посты боевых

сотоварищей и вываливается прямо на нас.

Мы, тоже не совсем готовые к именно такому развитию, не очень логично, но с полной убежденностью выдыхаем:

– Ну, все, вертлявый, достал уже. Абзац тебе!

И разъяренным носорогом бросаемся навстречу.

Вертлявый, вскинув морду, обнаруживает себя впереди самого переднего и со скребущим скрежетом тормозит всеми четырьмя лапами, активно помогая задом. В широко выпученных глазах стремительно увеличивается в размерах изображение грозной фигуры набегающего Брайана.

Заверещав по-кроличьи, вертлявый бросается обратно, уже никого не обходя, то есть, натыкаясь без разбору на кого ни попадя. Получается, почти на всех подряд.

Изрядно ошалевшие от резкой смены направлений рядовые стражники практически одновременно уясняют: обложили!

Кто-то, кажется, подкореньобгрызенноухий, тонко взвизгивает (явно: «Атас!»), вся стая слаженно срывается с места и, не ломая рядов, несется к выходу из ущелья, ища простора, чтобы, усложняя задачу преследователям, броситься врассыпную.

В первых рядах, как и положено вожаку, лобастый.

И это уже не зазорно, потому что теперь всем понятно, кто именно ответственен за срыв операции и будет показательно экзекутирован перед общим строем, чтоб другим неповадно.

Поскольку по пути приходилось нагибаться, подхватывая на ходу нож, настичь нам удается только самого последнего. Как ни странно, это тот же вертлявый, стартовавший вроде бы раньше всех.

Идея неотвратимости настолько глубоко проникла в его сознание, что продвигается он на полусогнутых задних, каким-то чудным семенящим скоком, прикрываясь низко опущенным хвостом.

Дабы не обманывать его предчувствий, подстраиваем шаг и, резко наддав, размашисто пинаем прямо в поджатый зад.

Вякнув совсем тихохонько, чтоб никого не злить дополнительно, он добавляет скорости и исчезает за горбом дороги. Гнаться теперь и за ним бесполезно.

Снижаем темп, и нас плавно выносит на гребень.

Ни одного блохастого в пределах прицельной видимости не наблюдается, лишь справа в бурьяне заметно легкое, быстро удаляющееся, веерно-лучевое шевеление. Но недолго.

– Уроды вы все, а я красавец! – оглашаем окрестности победным криком.

И словно в подтверждение, раздается звон колокольчиков, чистый и приятный.

Включается навигатор, на экране которого высвечивается прописными буквами:

ВЫПОЛНЕНО ВХОДНОЕ ЗАДАНИЕ ПЕРВОГО ЭТАПА

И после паузы, отпущенной на то, чтобы, при желании, постучать себя кулаками по груди, выбивая горделивое уханье, снова колокольчики, но уже короче, и новая строка на дисплее:

Внесены изменения в персональные файлы

Следует перечисление с подмигивающими изменениями:

ЛИЧНОСТЬ
СПОСОБНОСТИ:
1. Сила 2
2. Ловкость 2
3. Выносливость 2
4. Воля 2
5. Восприятие 2
6. Интеллект 2
7. Обаяние 2
8. Удача 2
9. Безумие 2
ЗДОРОВЬЕ:
38 хитов
НАВЫКИ/УМЕНИЯ:
ближний бой +
метательное оружие +
Ситуационный модификатор: 3.
Персональный модификатор: 2.
Ситуационное соответствие: 0.666(6).
Общее отношение: жалостливое.
Карма: убогий

И после новой паузы:

Страховой полис выписан 11.06. 0299, 06:41
Желаете перестраховаться?
Да. Нет.

Такие достижения стоит сохранить, несмотря на то, что «улучшенная» карма нравится нам куда меньше, чем предыдущая.

Но, возможно, мы пока чего-то не понимаем, или просто через это нужно пройти.

Одобрительный бип.

Вся ваша жизнь по настоящий момент включительно застрахована в полном объеме и останется сохраненной вплоть до особого распоряжения. Удачи!

Таким аллюром до конца игры мы доберемся за восемь заданий, если, конечно, способности меряют тут не в процентах. Что, впрочем, было бы явным перебором. С другой стороны, и девять шагов до геройского пьедестала – где это видано? Не аркада же для сеговской консоли – добротная полновесная эрпэгэ, заявленная как культовая и исполненная, судя по рекомендуемым системным требованиям, специально под компьютер нормальной геймеровской конфигурации.

Опять колокольчики, уже деловитые.

Установлено направление на ближайший терминал

Начинает мерцать прямоугольник с ландшафтным контуром.

Тычем пальцем. Появляется карта, озаглавленная ***Урочище***, на которой пока нет ничего, кроме входа в ущелье на самом юге, где располагается зеленый треугольничек нашего настоящего местоположения, и мерцающей звездочки на поле верхнего обреза, без малого посредине.

Почти север, разве что градусов десять к востоку.

Глава II

Дорога, выходящая из карьера, через сотню метров, завершив пологую дугу, окончательно выворачивает на север. Слева, вплоть до белесовато-светящегося туманного марева на низком горизонте, обозначающего, как правило, границу кадра, простирается глинистая равнина, на которой ничего не растет. Совсем ничего – ни травинки, ни былинки. Зато справа, метрах в десяти от обочины, начинается буйное море пыльного полынного бурьяна вперемешку с репейником и возвышающимися над поверхностью одиночными особями цветущего борщевика, размером с добрую иву. Основная их масса чуть далее встает уже сплошной стеной. Чтобы пробиться сквозь, видимо, нужно иметь мачете и три поколения непрерывной практики на плантациях.

Но нам не туда, нам на север.

Трогаемся с места бесшумным сторожким шагом, уделяя особое внимание правой обочине. Бурьян постепенно хиреет, редеет и, на открывшейся вдруг прогалине, переходит в обычный сухой травостой с прутьями жидкого кустарника, окаймляющего невысокий лиственный лесок, подступающий прямо к дороге.

Лесок за канавой большей частью осинов и вроде бы не густ, но дальше первого ряда деревьев почти не просматривается. Следуем вдоль, слегка плавая головой, чтобы заглянуть на ходу сквозь пышную листву поглубже.

За этим не очень успешным занятием едва не пропускаем момент, когда впереди, у левой обочины, в пределах прямой видимости возникает придорожный валун, на котором тихонько сидит человек. Судя по наклону головы, нас он еще не заметил.

Не меняя ни направления, ни ритма, продолжаем продвигаться, держа силуэт боковым зрением.

Человек остается совершенно неподвижным, не то глубоко задумавшись, не то сильно пригорюнившись.

Избегая беспокоящего взгляда в упор, начинаем украдкой изучать. Что-то в нем настораживает. Цвет. Он темен не только одеждой, вернее, отрепьем, но также лицом и свисающими с колен кистями рук. Истлевшие лохмотья и кожа примерно одинакового землистого оттенка.

Ба, да это же мертвяк!

Вытянув нож из голенища и укрыв лезвие за предплечьем, спешно вырабатываем план действий.

Принять влево и зайти со стороны глинистой равнины? Интересно, Брайан знаком с этим классным трюком: удар с разбега сзади в голову? Из самой тупой непробиваемой башки, как минимум, треть здоровья вышибается. Судя по послужному списку, еще не знаком. Да и нежить всякая обычно очень чувствительна и со спины не подпустит. Они не видят, но *чуют*. С метанием тоже лучше не рисковать. Если с первого удара не уложишь, уйдет вместе с ножом. А куда янычару без ятагана? Только дезертировать, пока перед общим строем не посадили на кол за потерю именного оружия.

В конце концов решаем действовать без изысков. Просто идем себе и идем, слегка наклонившись и перенеся тяжесть тела на передние части стоп. А как заметит, резко стартуем и, с набега, с какой стороны ни придется, опять же в голову.

Мертвяк поднимает темное осунувшееся лицо и смотрит на нас. Вовсе не испуганно, а как-то устало и выжидательно. Словно мы его звали и вот он, отложив все дела, пришел. Зачем понадобился?

Все это мелькает ощущением в нашем сознании в момент рефлекторно начатого рывка. Но не тормозить же для осмысления, думать будем на бегу. «В танце главное не останавливаться». Так, с кавычками, в памяти и всплывает, чтобы не возникло соблазна принять за свое.

Долгую секунду, если не две, мертвяк наблюдает за тем, как мы рвемся к нему с ножом в руке.

Затем вскакивает с камня, перебегает дорогу и ныряет в лесок.

Положив корпус вправо, вместо дуги режем хорду на упреждение и вламываемся в заросли на два дерева раньше. Теперь не потерять бы за стволами. Но за первыми рядами никакой особой чащи там нет.

Есть некая проплешина с хилым редколесьем над беспорядочно разбросанными могилками без оградок и надгробий. Печальнейшее зрелище: заброшенное кладбище. Большинство захоронений напоминает о себе лишь прямоугольными оплывами, а то уже и провалами земли. Только над некоторыми, самыми дальними от дороги, насыпные холмики еще не просели окончательно. В один из них, с не до конца догнившим крестом из случайных, видимо, штакетин, и зарывается проворным вараном наш мертвяк.

Теперь его не достать, ножом, точно, не докопаешься. Да и святотатство, по всем конфессиональным канонам. Обязательно внесут в список. Так и останется несмываемым пятном. И свой самый главный подвиг уже совершишь, а в карме по-прежнему

будет злорадно высвечиваться: ***Спаситель человечества. Осквернитель могил.***

Ладно, мертвечина, живи себе дальше.

Осматриваем то, что служит крестом, даже несколько раз проводим пальцем по лицевой стороне поперечины. Никакой надписи нет и, похоже, изначально не было. Все-таки как-то не по-христиански – без имени и даты. И помянуть-то некого. Вероятно, предполагалось, что будет и некому.

Выбираемся обратно на дорогу.

Прямо напротив камня на противоположной обочине.

Есть в них – придорожных валунах – какая-то древняя магия. Так и манят присесть, отдохнуть, поразмыслить, просто подождать.

Час, день, неделю. Все равно, идущий тебя не минует. Тот, кому на роду написан путь на север в конце концов появится вон оттуда, потому как пройти ему больше негде. Суетиться ни к чему, все продуманно, нужно только дождаться.

И это последнее, что требуется сделать. И самое простое, потому что от тебя ничем не зависящее. Неизбежное. Все сомнения останутся здесь. Вместе с ненужным телом. От долга освободят. Наступит полный покой. Окончательно. Безвозвратно. Надо только дождаться.

Стряхиваем наваждение и встаем с камня. Нам-то ждать некого.

На всякий случай, тычем пальцем в перо на дисплее.

Страховой полис выписан 11.06. 0299, 07:11
Желаете перестраховаться?
Да. Нет.

Да.

Хм, судя по текущей дате, предыдущая запись сделана семь дней назад.

Что за глюки? Какой раздолбай готовил снаряжение для нашего выхода в рейд? Майку, видите ли, постирать не забыли, а проверить навигатор – да ну его, чего с железякой сделается!

Вернемся, подадим рапорт.

Решительным шагом направляемся дальше.

Возмущенно трезвонят колокольчики, и дисплей уведомляет:

Запущена программа самотестирования

Демонстративно пожужжав, выдает строку с восклицательным знаком в конце:

Устройство функционирует нормально!

Хорошо еще, матерное слово не вставляет.

Мы бы, пожалуй, не удержались.

Получается, глюк был не в навигаторе.

Ладно, замнем пока.

Продолжаем движение, присматриваясь к трем сторонам и прислушиваясь ко всем четырем.

Неожиданно осознаем, что тишина необыкновенная даже для полного безлюдья. Почему листья не шелестят, понятно – ветра нет. Ну а пернатые, отчего не щебечут? Нас боятся? Брайан хоть и янычар, но на птиц не бросается, ручаемся. По крайней мере, на самых мелких, которые, как правило, и поют.

Так, поддерживая бодрость духа непритязательной шуткой, продвигаемся дальше. Местность начинает слегка понижаться. Вдали, за небольшим гребнем, выпирает вверх какая-то толстая палка. При приближении она открывается в полную длину, и вот уже во всей документальной красе – штыковая лопата, воткнутая в бруствер окопа.

А где тогда дот, чтобы кинжальным огнем с фланга положить всю психическую атаку к такой-то матери?

Но никаких рукотворных сооружений в пейзаже более не просматривается.

Подходим, заглядываем за бруствер. Это даже не окоп, а целый ров, дно которого щетинится заостренными концами торчащих из земли кольев.

Пока не очень понятно. Но не ломать же голову на каждом шагу.

Форвард! Нах норд, коли так.

Дорога ныряет вниз, одновременно принимая немного вправо. Лесок отодвигается еще дальше, образуя каемку по верхнему краю ложбины. Пологий склон, поросший кустарником каким-то квадратно-гнездовым способом, тянется по правой руке метров сто пятьдесят, затем деревья снова подступают почти вплотную, но к обочине не спускаются, оставаясь на крутом бугре. Слева, вдоль постепенно углубляющейся дороги, склона нет, сразу же взмывает ввысь глинистый откос, на верхнем обрезе которого проглядывает густое переплетение откуда-то взявшегося бурелома.

У выхода из ложбины нас окликают:

– А ты уверен, что стоит так удаляться?

Справа и уже сзади (где ж он прятался?) наискось по скату, приставным шагом, словно на лыжах, спускается мужик в

выцветшей брезентовой робе, слегка помогая себе увесистой суковатой клюкой, кою, в случае надобности, очень удобно использовать в качестве дубины.

Мужичище дюже приземист и зело набычен, ступает он не очень ловко, как-то скособочено, но продвигается сноровисто и, судя по взятому направлению, шибко настроился отрезать нас от выхода. И если сейчас рванет со всей дури, то может, пожалуй, успеть. Не то чтобы перекрыть путь или охлобучить по голове, но вот прицельно метнуть, как копье, свой костыль нам в спину – это к бабке не ходи.

Однако тут же понимаем, что на рывок он не пойдет – уж больно ноги у него разные. Такая колченогость не располагает к быстрому бегу даже на короткие дистанции.

Значит, не меняя ритма, продолжит заговаривать зубы.

А мужичина явно опасен и подпускать его без крайней необходимости не стоит.

Изображаем разогревающий бег на месте и весело интересуемся:

– Чо, мужик, в салочки захотелось поиграть?

Он слегка вскидывается и тормозит.

– Э, да ты ж живой!

Похоже, он в самом деле сильно удивлен.

– А ты считаешь, что это непорядок?

Осознав подложку вопроса, он немного тушуется и отводит взгляд.

– Да нет, я не о том…

– Ну так я пошел себе?

Уловленная насмешка возвращает его в чувство.

– Шастать тут все равно не положено! Больше уже не пущу.

– Даже если мне нужно будет?

– Особенно, если тебе нужно будет! – окончательно взъяривается он.

– Ладно, я запомню твои слова, вдруг еще доведется столкнуться…

– Да и я тебя, пронырливый, не забуду!

Тепло попрощавшись, расстаемся.

Дорога, слегка виляя, втягивается в длинную горловину, образованную почти отвесной стеной глинистого обрыва слева и крутым склоном бугра, подступающего справа. Затем ныряет во вторую ложбину, расположенную уступом ниже.

И этот уступ последний. Дальше следует затяжной подъем, и дорога, перевалив гребень, скрывается из виду. Но это дальше. Сильно дальше. Можно сказать, за пределами досягаемости. Потому как в самой нижней части поперек пролегает мощная

овражистая балка, и глиняная насыпь, по которой дорога перебиралась на другую сторону, напрочь разрушена. То ли буйным весенним размывом, то ли самопроизвольным оползнем под тяжестью лет.

Как-то сразу делается понятным, что даже если нам удастся спуститься на дно оврага и форсировать топкую жижу, то выбраться по оплывающему и осыпающемуся обрыву на другую сторону – уже нет. И лучше не пробовать, поскольку и обратно подняться, скорее всего, тоже не получится.

И что теперь? Резать под корень строевой лес и рубить – тем же ножом – мост? Ежели не перекуривать – к осени запросто успеем.

Растерянно оглядываемся.

Неподалеку от дороги, под сенью невысокого деревца с ажурной листвой, на остатках белесовато-серого бревна сидит дедок, смотрит на нас светлыми глазами и лыбится.

– Скажи-ка, дедушка, – обращаемся к нему, – как тут на север пройти?

Дедок не теряется.

– А зачем тебе север, болезный, солнце мешает?

От такого поворота мы слегка торопеем.

– Да нет, просто надо до дракона добраться.

– Дракона? – задумчиво тянет дедок.

– Ну да, змей такой, – подсказываем с надеждой.

– Тебя что, милок, гадюка укусила?

Обидные слова, вообще-то.

– Никто меня не кусал.

Разве что собаки. И то, как посмотреть. Горло Брайану перерывали в брошенных линиях, мы потом каждый раз перезагружались. Тем и славен герой – ни одной своей смерти не помнит…

Но дедку, конечно, это неинтересно, он гнет свое.

– А на что тебе тогда дракон сдался? Плюнь ты на него, да и спи себе спокойно, чего ж шарашиться? Пусть теперь другие колготятся, их очередь.

Наконец до нас доходит, кем мы старикану помстились.

– Дедуля, а мертвяки дерутся? – начинаем вкрадчиво.

Он настораживается.

– Ну, коли никак не могут упокоиться, то, наверное, со временем злобнеют.

– Выходит, если дать тебе по башке, ты все равно не поверишь, что я живой?

– Господь с тобой, милок! – слегка отшатывается он. – Какая мне разница? Я сам уже одной ногой там. Жду лишь, когда репа

поспеет.

– Репа? – опять торопеем мы.

– Ну да, свояченица по весне семян передала. Я сдуру посадил, а теперь вот душа болит – уродится ли? Не хотелось бы потом шастать взад-вперед до осени.

Дедок поднимает взор и начинает неторопливо осматривать доступный окоем.

– А почему мертвяки не упокаиваются? – возвращаем мы его обратно.

– Ну так по-разному. Кто сам чего не доделал, кого в загробье не пускают, пока порученье не сполнит.

– Кто не пускает?

– Да откуда ж мне знать? Мертвяки ничего не сказывают, молчаливые они.

– Совсем молчаливые?

– Шлендать тут постоянно шлендают, особенно по ночам, но чтобы кто горланить взялся под окном – такого не упомню.

– А отчего у вас все могилки безымянные? – вспоминаем мы с укоризной. – Не по-людски как-то…

– Ежели ты про погост в Мертвом лесу, то на нем лишь пришлые да проходящие. Своих хоронят на местном, поближе к жилью.

– Колченогий там для надзора поставлен?

– Вроде того.

– Кем?

– Не знаю, к нему не подступишься, больно уж гордый. Попробуй в поселении поспрошать.

– А проходящие куда направлялись?

– Да, как и ты, на север. Тож все никак не успокоитесь, вроде живые, а не вдруг и различишь…

Дедок снова настраивается отплыть в свое.

Пока не успел, возвращаемся к основному вопросу:

– Так как теперь туда попасть?

– Ну, ежели окончательно втемяшилось, подожди. Занадобится кого не из местных пристроить с глаз, притащатся, денек-другой на той стороне поматюкаются, покумекают да и наладят всем миром переправу. Мабуть.

Пошамкав губами, дедок меняет тему:

– А про драконов ты вон старуху пытай. Это у нее пра-мать-ее-бабка служила в гарнизонной библиотеке.

И он кивает нам за спину.

– Что за гарнизон был? – пробуем еще осведомиться.

Но дедок отмахивается:

– Извини, милок, утомился я.

И без перехода задремывает, уронив свою луневую голову на грудь.

В собеседники он больше не годится.

Оглядываемся.

Старуха все же не за спиной, а метрах в пятидесяти и чуть навскось – на правом пологом склоне, который в данный момент от нас слева. Рядом с ней некое строение, не то чтобы сильно покосившееся – уже окончательно завалившееся и напоминающее теперь очертаниями землянку. На задах грунт ископан, видимо, там дед и посадил свою репку. От входа в ложбину все это дело прикрывают буйные заросли каких-то кустов, ежевики ли, жимолости, и одна кривенькая – мнится нам – яблонька. Но настаивать остережемся, потому как ветви до земли не гнутся, ввиду того, что плодов на них не висит.

Эк нас сегодня в сказовость клонит.

Боян бо вещий как зачнет терзать меха… хотя нет, там не меха, а некая мышь древесная, кою никак не уловишь… и растекашеся брага по столешнице… черт! кто затащил эту пьянь на свадьбу?

Встряхиваемся и направляемся к старухе, которая сама не решается подойти.

С ходу приступаем:

– Здравствуй, бабушка.

– Здравствуй, солдатик.

– Расскажи о драконе.

Едва ощутимая пауза.

– О Змее-Горыныче, что ли?

Более заметная пауза.

– Мм, не вспомню, у Горыныча рог есть?

Долгая пауза. Старуха воздевает очи, потом разводит руками:

– Три головы есть, бывает даже шесть, девять, а то и все двенадцать, а вот рогом его бог, кажется, обидел.

Выходит, Горыныч, богом обиженный, нам не нужен.

– А про какого-нибудь другого дракона, рогом не обделенного, ничего не знаешь?

Старуха опять воздевает очи и потом разводит руками:

– Нет, касатик, не знаю.

А после хорошо выдержанной паузы добавляет с деланным сомнением:

– Слыхала, правда, что за морем они на наших не похожи…

За морем. Что, Брайану теперь готовить себя к долгому заплыву? Ага, по северному океану ледокольным кролем.

– Не томи, бабка, от кого слыхала?

– Да от сестры. Она с детства всем заморским

интересовалась, даже ихний язык выучила.

– И где она его выучила? – пытаемся мы попутно добыть немного сведений о структуре местного общества.

– Нигде, сама. По какой-то ешкиной азбуке из прабабкиного сундука.

– Это той, которая в гарнизонной библиотеке служила? – демонстрируем мы свою сообразительность.

– Той самой, – легко подтверждает она.

И не давая нам уклониться от предначертания, театрально вздыхает:

– Так что, касатик, тебе к сестре моей надобно. Заодно и гостинец снесешь.

– И куда это самое заодно нести предстоит?

– К Кабаньей дубраве, она на заимке живет.

– Ну и где тут у вас кабаны? – расправляем мы грудь.

– Там, – машет она небрежной рукой в обратную сторону, – сразу за Мертвым лесом свернешь налево, переберешься через ручей и выйдешь на вырубки. За ними и начинается Кабанья дубрава, а заимка так прямо на опушке.

Значит, обратно. Через урочище, где хозяйничает колченогий, мимо кладбища с неупокоенными проходимцами, а потом все-таки сквозь борщевик. Колченого, правда, легко минуть, загрузив предыдущую запись у придорожного камня, но там Брайан еще не имеет указаний, куда идти, а в таких случаях заимки у Кабаньей дубравы может вовсе не оказаться. Или бабкина сестра не станет с нами разговаривать. Вместо приветствия толкнет ногою дверь и прям с порога как жахнет из дробовика. Придется сначала петлять по кустам, а потом, скрывшись из виду, тащиться обратно сюда, чтобы получить задание. А, и гостинец тоже.

Бойкая старуха успела слетать в свою землянку и вернуться с узелком на палочке.

– Ты только его не развязывай, там ядовитое, – начинает она стращать и голосом, и взором.

– Гадюка, что ли?

– Да нет, гриб редкий, сатанинский, лишь тут у нас и растет. Сестре зачем-то понадобился. Она и семян-то с таким расчетом послала, чтоб мы грибом отдарились. Давно бы надо снесть, да там по дороге псов бродячих расплодилось. Но солдат они еще с прежних времен сами боятся, когда служивые по утрам вместо физкультуры устраивали соревнования, кто первым догонит и пнет сапогом. Доска почетная, говорят, на плацу висела, с фамилиями и крестиками напротив. Дежурный офицер грифелем отмечал. Победителей каждую неделю награждали большой банкой тушенки. Сам полковник ввел тот обычай приказом по

части, собаки ему в детстве вроде чо-то отгрызли.

Ой, бабка, до чего ж ты мастерица зубы заговаривать.

И какие героические деяния запечатлеваются в коллективной памяти!

Какие поэтичные легенды рождаются потом в народном сознании, оставленном без присмотра!

Вот только у псов память, кажется, покороче, а обойденный колченогий ныне уже утроил злобу и учетверил бдительность. Потому как он, скорее всего, знает, что дальше дороги нет и нам некуда деваться, кроме как назад через его урочище.

– Сестра-то у тебя, что, знахарка?

Как раз у знахарок герои обычно и разживаются магией или, по крайней мере, зельями. Хотя Брайан, кажется, не из магистров, скорее рейнджер.

– На старости лет чем только не займешься, – отмахивается старуха.

– А к поселению с заимки есть проход?

– Есть-есть, как не быть? Сразу за дубравой огороды и начинаются.

– Ладно, бабка, давай уж свой узелок.

И забросив его на плечо, направляемся к проходу между двумя ложбинами.

Надо записаться.

Страховой полис выписан 18.06. 0299, 07:36
Желаете перестраховаться?
Да. Нет.

Да.

С палкой на плече, каликой перехожей, медленно продвигаемся по горловине. Черт его знает, где колченогий устроил засаду.

Никакого особого плана у нас нет. Есть решительность и абсолютная уверенность. Если Брайану надо в ту сторону, он пойдет именно в ту сторону, и колченогий ему не указ. Слишком разного уровня их миссии, смешно и сравнивать.

А вот образ требует кардинальной переработки. В настоящий момент мы очень убедительно смахиваем на голь перекатную.

Останавливаемся, снимаем палку с плеча, обламываем под корень и всовываем огрызок с привязанным узелком за пояс. Застегиваем куртку. Чего-то все-таки не хватает. Оглядываемся. Вон то подойдет. Срываем одну волчью ягодину и кладем в рот. Затем срезаем ветку, обрываем все листья и для пробы хлопаем по штанине. В самый раз.

Так и идем, катая кончиком языка горькую ягодку у нижних зубов и постукивая себя прутом по правому голенищу башмака, словно стеком.

А вот и наш колченогий. Сидит в самом узком месте горловины на притащенном обрубке бревна.

Чуть дальше, параболой перекрывая выход, расположилась вся собачья рать. Псы откровенно воротят морды: а чо? мы ничо! привели, вот и сидим себе. Поперед всех выдвинут одинокий вертлявый, уволенный, вероятно, с должности личного порученца и переведенный в разряд тех, кому положено бросаться под танки. Тот вообще уткнулся носом в землю и глубоко подвернул под себя зад. Он совершенно точно знает, что при любом развороте пострадает именно это место.

При нашем приближении колченогий встает.

– Ну, – говорим, выплевывая ягоду и глядя ему в глаза, – докладывай.

Он слегка выпучивает свои буркалы и теряется.

– Молчишь, – мы даже не спрашиваем, мы констатируем. – Похвастаться нечем. Совсем мышей не ловишь. Мертвяки по всей округе оравами шастают, орут по ночам, что твои мартовские коты, у ветерана репу на корню сожрали.

Есть ли у них тут ветераны? Не имеет значения, проверяющий из центра вовсе не обязан разбираться в местных реалиях. Важен лишь тон: свысока, брюзгливо, через губу. Именно так разговаривает белая кость. Это свои командиры топают ногами и брызжут слюной. Поорут-поорут и простят, поскольку все понимают, у самих, в каком подразделении ни возьми, аналогичный бардак. А у тех, что с верха, сферы персональной ответственности нет, они ни за что не простят, потому как никогда не поймут. Остается стоять руки по швам и ждать, когда отбудет.

Колченогий так и делает.

– Фортификационный ров на дороге твоя придумка?

Он выпучивает глаза еще пуще, но рта не открывает.

– На тот случай, если они в танковый прорыв пойдут?

– Не ров, яма. Укрыть не успел, – подает он сиплый голос.

– Где ты видел, чтоб мертвяки в волчьи ямы попадались? Знакомые охотники за штофом сивухи сказывали?

Ответа он даже не ищет.

– Сколько у тебя захоронений?

– Сто семнадцать, – тут он выдает без запинки.

– Все пронумерованы?

Он смущается:

– Еще нет.

– Пронумеруй. В следующий раз начнем прямо с инвентарной описи. И чтоб для каждого номера были четко указаны повадки. Уже известно, кто именно гонял дозорных псов по карьеру?

Ему не известно. Он вообще на нас грешил, хотя признаться не решается.

– Выясни. А сейчас убери чурбан с дороги, пройти по-человечески невозможно.

Колченогий начинает корячиться. Из оттопыренного нагрудного кармана брезентухи вываливается болт. Но то лишь первое впечатление, мелькнувшее, вероятно, из-за того, что упал он резко, даже взметнув немного дорожной пыли. При втором взгляде заметно, что вещица гораздо тоньше и не только размером.

– Что это? – указываем мы стеком.

– Мм, не знаю, – отвечает раскоряченный колченогий.

– Что значит не знаю, объяснись. И встань, когда разговариваешь.

Колченогий бросает свой кругляк, который уже было покатил, и выпрямляется.

– Не моя вещь.

– Чья?

– Не знаю, у карьера нашел.

– Когда нашел?

– На прошлой неделе.

Смотрим ему в глаза, не давая их отвести.

– На рассвете?

– Так точно! – вспоминает он уставной оборот.

– И, говоришь, не знаешь, чья вещь?

– Вы обронили, – с облегчением догадывается он.

– Дай сюда.

Он опускается на одно колено и, не вставая, подает.

Со стороны, надо полагать, выглядит картинно.

Хотя смотреть на нас со стороны некому. Псы и те как-то незаметно разбрелись и скрылись из виду.

Огибаем коленопреклоненного колченого и, сунув прут подмышку, двигаемся на юг, рассматривая добытую вещичку повнимательнее.

Она похожа на темную каленую иглу сантиметров десяти-двенадцати, оперенную на тупом конце разрезной пластиковой оборкой. Но для иглы она удивительно тяжела и центр тяжести непонятным образом смещен совсем к острию – никаких утолщений на нем не имеется. Судя по балансировке, это хороший метательный дротик. И не подсуетись колченогий, он попался бы нам на выходе из карьера.

Зачем так сложно? Можно было сразу выдать, вместе с ятаганом. Дорогу, что ли, провешивают, дабы не уклонились? Но куда тут уклонишься, если выход один?

Брайан, а ты, кстати, понимаешь, что тебя в карьер на вертушке забросили?

Молчит, хотя вроде бы должен догадываться. Про дракона ведь, рогом в снегах пульсирующего, знает. Но тот ролик ему, возможно, и вкрутили на место отшибленной памяти. Зачем герою прошлое, назад оглядываться? Путь его лежит не откуда, а куда. Точно, именно так, в полном беспамятстве, и доставили. Какая-то скотина в это время на лавке напротив скрашивала ожидание переправлением имени на рукоятке. Долетев до места, даже не стали садиться – выкинули, зависнув над глиняным бугром.

– Если долго стоять на одном месте, можно и корни в почву пустить, – раздается показательно раздумчивый голос героя.

Оказывается, мы уже давно торчим столбом посреди дороги и даже в затылке не чешем.

Ты прав, Брайан. Жизнь коротка, надо успеть добраться до вечности.

Пожимаем плечами и втыкаем дротик в левый отворот куртки – пусть остается под рукой. На всякий случай.

Продолжаем движение, ритмично похлопывая прутом по голенищу башмака.

Победно звенят колокольчики, и навигатор коротко уведомляет о внесенных в персональные файлы изменениях:

ЛИЧНОСТЬ
ЗДОРОВЬЕ:
41 хит
СУДЬБА
ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ:
устремленность +

Выходит, дротиком просто маркируется этап. С истинно солдатской прямотой. Чтобы наверняка связалось. Осилил полосу препятствия – на тебе прямо в ее конце блестящий значок почетного штурмовика.

В соответствии с проявившейся интенциональностью устремляемся дальше. Мимо заросших кустами ям на месте стоявших когда-то изб, на взгорок, начиная от которого Мертвый лес подступает вплотную к дороге.

Интересно, чем колченогий станет нумеровать захоронения? И на чем? Ежели на крестах, то как минимум сотня штакетин

понадобится, а коли не ломать пополам, то и все двести. Где ж тут такие длинные заборы? Мы пока ни одного не видали. Ну, как-нибудь извернется. Починит переправу и совершит серию ночных набегов на огороды поселения. Нагрузит вязанку на спину и домовитым ежом обратно. Так, глядишь, и натаскает.

А вон, однако, и камень у обочины, на котором мы в помрачении просидели целую неделю, ожидая, когда Брайан появится со стороны карьера. Зачем, кстати? Вряд ли пожелать доброго пути. Что было нужно нам передать?

И, наверное, очень нужно, потому как на придорожном валуне по-прежнему сидит мертвяк.

Правда, в другой позе, не столь расслабленной. Теперь он в беспокойстве крутит головой. Сомневается. По правилам должен вроде из карьера, но оттуда уже появлялся. Тревога усиливается. Если прошел, то не вернется. Живые не возвращаются. Нехорошо на душе, тоскливо, маетно. Не исполнил. Не отпустят.

Но мы возвращаемся. Потому что не прошли.

Дождавшись, когда он нас заметит, останавливаемся и демонстрируем пустые руки. Брайан все понял и пришел на встречу. Неторопливо идем к нему, не пряча раскрытых ладоней. Он привстает. Затем медленно переходит дорогу. На обочине оборачивается, смотрит. Мы тормозим. Что-то не так? Он переводит взгляд на камень. На камне лежит какая-то трухлявая деревяшка с воткнутым в нее крестиком. Это нам? Он опускает землистые веки. Подходим к камню, берем в руки, показываем, что вещь у нас. Он исполнил, что было поручено. Теперь свободен. Повернувшись спиной, он скрывается за деревьями.

Покойся с миром.

То, что воткнуто в дощечку, не совсем крестик. Скорее, заколка, стилизованная под старинный стилет, с круглой рукояткой, узким обоюдоострым клинком и удлиненным перекрестьем, в центре которого имеется некая овальная выпуклость, похожая на глаз с вертикальным зрачком. Миниатюрный стилет сделан из какого-то белого металла, но не алюминия, иначе он был бы заметно легче. Вероятно, серебро, на рукояти черненное. От навершия до колющего кончика лезвия около двенадцати сантиметров.

Метнуть эту штуку, конечно же, тоже можно, но функциональное назначение у нее явно другое.

Чтобы пригвоздить?

Закрываем глаза.

Что-то ритуальное, зародившееся в глубине веков, сопряженное с неусыпной бдительностью, пожизненным служением и – абсолютным одиночеством. И, кажется, совсем

нездешнее. Какие-то катакомбы под древним городом, худой человек без возраста, склонившийся над манускриптом, чадящий факел на стене…

Большего нам не удается почувствовать.

Пожимаем плечами и втыкаем заколку в правый отворот куртки – вдруг понадобится неожиданно.

Снова победно звенят колокольчики, и навигатор уведомляет об изменениях, внесенных в наши персональные файлы:

ЛИЧНОСТЬ
ЗДОРОВЬЕ:
44 хита
СУДЬБА
ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ:
устремленность +
ГЕРМЕНЕВТИЧНОСТЬ:
эмпатия +

Ну вот, подправив личные характеристики, мы плотно взялись за судьбу, попутно здоровея.

Итак, мы научились стремиться, прониклись сочувствием к мертвякам, и скоро, видимо, узнаем свое предназначение. Бог даст, оно не в том, чтобы возглавить поход упырей туда, где их перестанет беспокоить солнце.

Ваше Вурдалачество, вот последний бурдюк с человечьей кровью. Прикажете рядовому составу перейти на собачью?

Но у нас не стратегия и Брайан не полководец. Он сам герой. Один такой во всем поле.

Его задача предельно проста – пройти до конца. А ежели кому-то там надо, чтобы мы по пути еще чего-то исполнили, пусть лично выйдет к дороге и ясно изложит свою просьбу. А мы уж решим, обязательно это для нас или нет.

А то ишь чо удумали – мертвяков гонцами засылать. Щас мы все бросим и начнем вглядываться, кто это там, в герменевтической глубине, таится. Мартина Бубера, блин, нашли.

В наших краях все по-простому. Так и изложено, емко и афористично. *Я из лесу вышел, рылом.* А коли из лесу не вышел, то, значит, именно рылом.

Хотя его оттуда, кажется, мороз выгнал: зипун-то, вроде, прохудился. Или дровосек с аршинным топором, который потом долго еще в чаще не мог утихомириться. Раздавал и раздавал. Дрова, что ли? Черт, отчего оно все норовит запомниться как-то по-своему? Лишь бы только свободу воли проявить.

Но совершенно точно, можно даже не клясться, где-то там и

прозвучала наша самая заветная отповедь.

«Ступай себе мимо, как я погляжу!»

Ни с того, ни с сего оборачиваемся. Но то не нагрянувшая паранойя – на камне снова кто-то сидит и смотрит нам в спину.

И это опять мертвяк. Правда, уже другой. Заметно свежее, видимо, из последнего поступления.

И смотрит он не нас, а куда-то дальше, просто мы на траектории маячим.

Почувствовав наше внимание, поднимается, переходит дорогу и останавливается за стволом первой осинки, так и не отведя напряженного взгляда от той точки, на которую смотрел.

Как и предыдущий, он ждет, когда из карьера покажется тот, кому на роду написан путь на север. Он знает, что поста у камня не миновать, но еще не свыкся с тем, что ждать придется долго. Возможно, даже год.

Серьезный у них тут подход к делу.

И обидный. Мы еще не скрылись за первым поворотом, а на дистанции уже вовсю делаются ставки на следующего.

Это вызов, и не только Брайану как таковому.

Но не сдержать своего высказывания по данному поводу мы не успеваем, потому как неожиданно осознаем то, что не бросилось в глаза, пока он сидел на свету. Сейчас под осиновой сенью хорошо заметно, что контур его тела обведен желтым.

Мы даже делаем несколько непроизвольных шагов, желая рассмотреть поближе. Обводная линия чуть меняет окрас, наливаясь оранжевым. Мертвяк начинает встревожено переминаться с ноги на ногу.

Поднимаем ладони: пардон, мы по своим делам.

Отходим назад. Оранжевое возвращается к желтому.

Ладно, Мартина Бубера берем обратно. Оказывается, и герменевтика в рейдовом снаряжении очень даже кстати.

И с тем, что кто-то чем-то не вышел из лесу, мы тоже погорячились.

Каждый имеет право быть по-своему правым, если мы, конечно, опять чего-нибудь не напутали.

– А вот интенцию, – говорим мы громко, но ни к кому персонально не обращаясь, – к нуждам простого рейдера приспособить не удалось. Наверное, сообразительности не хватило!

Никто нам не отвечает.

Видимо, сказать нечего.

Или без согласования не положено.

Пока доложат по инстанции, пока то, что решат на самом верху, растолкуют тем, кто внизу, мы уже забудем о своей

претензии.

Вокруг правого запястья ощущается какая-то жужжащая вибрация.

Опускаем глаза. Оказывается, включился экран, как мы помним, кумулятивно-кинетического браслета. Неизвестно, правда, только что или чуть раньше. Мы давно уже перестали обращать на него внимание. С того самого момента, как он заявил, что наших физических характеристик ему не достаточно.

На экране контуром обозначена дорога, на которой со спокойным достоинством светится зеленый треугольничек. Несомненно, мы. А рядом у кромки леса неуверенно пульсирует желтая точка. Мертвяк, кому же еще быть. Больше ничего не обозначено, не светится и не пульсирует. И на побуждающие прикосновения браслет не реагирует.

Ну и какой нам прок от мертвяка точкой на плане? Вживе-то он много красивше – обведен абрисом. Да и выглядывает из-за дерева – хоть в блокбастер зови.

Интересно, если сейчас завернуть в карьер, а потом выйти оттуда, вытирая со лба пот, и двинуться по дороге на север, примет он нас за следующего? Отдаст заготовленный стилет?

Не должен бы. Иначе это уже ошибка разработчиков. Вроде мелочь, а доверие сильно снижается. Не мешает сразу проверить, все ли предусмотрено. А то майся потом, зайдя в тупик: что-то упустил или сделать вообще уже ничего невозможно? *Game error.*

Доходим до оконечности Мертвого леса и выписываем дугу ко входу в ущелье. Ныряем за гребень и скрываемся из виду. Потоптавшись на месте, разворачиваемся и двигаем обратно.

На взгорке тормозим, оглядываем окрестности и пускаемся в путь пружинящим шагом, не отрывая взгляда от пыльного бурьяна, сухого травостоя на прогалине, жидкого кустарника и шеренги осинника вдоль правой обочины.

Краем глаза отмечаем, что на камне слева кто-то сидит. Затем поднимается, пересекает дорогу и останавливается за первым стволом на обочине.

Теперь он уже не на периферии, а в центральном поле нашего зрения.

Смотрит он не на нас, а дальше.

Напряженно ждет, когда из карьера появится тот, чей путь лежит на север. Он знает, что поста у камня не миновать, но еще не свыкся с тем, что ждать придется очень долго.

Черт, как же он нас различает?

Может, просто чует, что стилет уже выдан? Попробовать еще раз, оставив его в карьере?

Ну да, а заодно добраться до бугра в центре. Вдруг там у

самых наших ног лежал себе набитый доверху вещмешок, а мы его не заметили, потому что контролировали дальние подходы.

Правильно, это маразм.

Тычем в перо.

Да, желаем перестраховаться.

С момента предыдущей записи прошло всего тридцать девять минут.

Странное все-таки место.

То целая неделя пролетает незамеченной, то без видимого основания возникает стойкое ощущение, что уже который день тут топчемся.

Надо срочно валить отсюда, пока мхом не обросли.

И без оглядки.

Глава III

Сразу за Мертвым лесом сворачиваем налево и очень скоро утыкаемся в заросли борщевика, которые вблизи не кажутся непроходимыми. Для этого даже не нужно рубиться ножом, как тесаком, достаточно отодвигать некоторые стебли лезвием. Наш энтузиазм не простирается настолько далеко, чтобы делать больше. Во всяком случае, мы не станем изображать из себя дровосека там, где без этого можно обойтись.

Посему просто пробираемся. Борщевик недовольно мотает над нашей головой всем тем, что у него сверху – зонтичными соцветиями и разлапистыми листьями. Он не настолько тупой, чтобы выбрасывать листья на стволе, там, где никакого солнца не уловишь. Но и не до такой степени добрый, чтобы не осыпать нас какой-то трухой. Вследствие чего продвигаемся хоть без особых проблем, однако то и дело чешась в затылке, загривке и захребетье. Особенно, когда начинает навязчиво мниться, что то не дождь семян и сухих лепестков, а десантно-штурмовое соединение клещей.

Неожиданно, во время того как очередной борщевик описывает вершиной размашистую дугу, справа мелькает нечто красноватое и вроде бы кирпичное. Клоним в ту сторону. Стебли зловредного зонтичного редеют, и вот уже сквозь них проглядывает, боже ж ты мой, церковь! Не белокаменная – из обожженного кирпича, так что не из ранних, но совершенно точно православная. Заброшенная и сильно запущенная, однако не часовенка, не церквушка отшибная – именно церковь. Величественная, с четырьмя входами и надвратной колокольней, возвышающейся, как и положено, над западным. Северный, напротив которого нас вынесло из зарослей, забран узорной черной решеткой, видимо, чугунной, поскольку она даже не тронута ржавчиной. Но оконные проемы рядом зияют, приглашая если уж не забраться, то хотя бы заглянуть.

Заглядываем. Вся внутренняя часть, косо подсвеченная падающими в основном откуда-то сверху лучами, усыпана мелко битым кирпичом вперемешку со штукатурной крошкой. Южный вход, расположенный почти напротив, перекрыт сплошной дверью темного цвета, отсюда не видно, из чего сделанной. Но есть еще два, и если хотя бы один из них не заперт, лезть в церковь через окно как-то не по-христиански.

Подаемся направо, меж стволов совсем забубенных особей

борщевика и по пояс в разнузданном репейнике, богобоязненностью никогда не отличавшемся – чертополох, одним словом.

Центральный заход перекрыт все же не воротами, просящимися на это место, а широкой одностворчатой дверью из темного дерева – мореного дуба? – окованного поперечными полосами не до конца проржавевшего металла с выпуклыми массивными заклепками.

Толкаем. Никакого эффекта.

Тянем. С длинным, неожиданно очень громким, скрипом раскрывается.

В подвратье темно, но это только со свету, потому что дверь, ведущая в неф, отсутствует. Равно как и восточная входная – за алтарем. В створе просматриваются мясистые стебли того же борщевика, осадившего храм вкруговую.

Вступаем в неф, который нынче почти квадратен, поскольку боковые колонны напоминают о своем былом присутствии лишь оплывшими сталактитами да куцыми сталагмитами.

Купол в центральной части прогнулся в обратную сторону, образовав ближе к алтарю воронку с провалившимся дном. По краям пролома свисают корни кривой ползучей березки, чудом удержавшейся на крыше.

Стены пусты, штукатурка ободрана. Ни образов, ни фресок, лишь над проемом выхода еще заметна надпись, или часть ее, намалеванная уже на пощербленном кирпиче: КЛИН-10. Вероятно, это местный вариант общегалактического: «Здесь был Вася».

Прямо над нашей макушкой – в сквозной воронке – высокое небо. Если Господь там, ему нас видно.

Медленным шагом выходим из-под церковных сводов и задираем голову.

В том же направлении устремлен шпиль колокольни.

Длинный, узкий, острый.

Креста на нем нет. Вернее, нет перекладин, и лишенный поперечин символ походит больше на пику или древко сорванного знамени.

Сдается, Господь на нас не смотрит.

Наверное, мы пасынки, а то уже и сироты.

Но в проемах вытянутой вверх ротонды виден, мать моя, колокол!

По крайней мере, мы еще не онемели.

Деловито оглядываемся. Ну и как же взбирался туда пономарь? Знамо дело, не по наружной стене, но ведь и в интерьере никакого лаза мы не заметили.

Осматриваем сумрачное подвратье. За приставленным к левой стене трухлявым каркасом бывшей двери, очевидно, той, что закрывала когда-то проход в центральное помещение, темнеет провал. Протискиваемся в щель. Темнота не такая уж полная, даже со свету. Что-то брезжит сверху, но не напрямую, а как бы из-за угла. Ждем, когда глаза окончательно привыкнут.

Постепенно проясняется, что стоим мы на дне круглого колодца с округлой же сердцевиной, соединенной кирпичной перемычкой с обводной стеною справа. Слева круто загибающий вправо проход, который приводит нас, хотя и с обратной стороны, но к той же самой перемычке.

Что за черт? Извиняемся – совсем не к месту помянут.

Задирая голову, присматриваемся повнимательней. У входа совершенно темно, видимо, сверху в этом месте сплошное перекрытие. Свет начинает брезжить дальше. На внешней и, напротив – на сердцевинной – стенах проглядывают симметричные выступы. Чем дальше, тем выше.

Понятно. Восходящий настил винтовой лестницы. Но в плюсквамперфекте. В предпрошедшем времени. Абсолютном, то есть. Которое само закончилось к некоему моменту в завершенном же прошлом.

Типично интеллигентская привычка – пускаться в философские извивы и филологические изыски, когда надо прыгать.

Какой университет кончали, дружище Брайан? Оксфорд или Кембридж? Что вы говорите, Гейдельберг? То-то я дивлюсь, отчего у вас вся рожа в шрамах. Двадцать семь дуэлей? А прямо сейчас будет двадцать восьмая? Прошу простить великодушно, спешно отзываю свои последние слова обратно…

Да-да, однако прыгать-то по-прежнему надо.

Но прыгать с вытянутыми руками в темноту наверху, не видя точно, где начинается обрез перекрытия? Хруст пальцев отчетливо слышен заранее.

Что ж, придется карабкаться, никуда не денешься. В раскоряку, с одновременной опорой на обе стены, то руками-ногами, то спиною-ногами, пытаясь правой рукой нащупать над головою закраину. Наконец, удается во что-то вцепиться.

Подъем переворотом отбрасываем сразу – оценить, наверняка, некому. Да и с нашим текущим показателем ловкости может не получиться. А было бы классно. Снизу, из кромешной тьмы, откуда уже века никого не ждут, вымахивая на руки и почти без паузы переходя в кульбит с полуоборотом и зафиксированным приземлением на обе стопы – оба на! – Брайан.

Ладно, прибережем на будущее. Бог даст, возможность

блеснуть еще представится.

Пока же исполняем медленный, вкрадчивый, выход силой, готовые в любой момент разжать пальцы и обрушится назад в темноту. На тот невероятный случай, если наверху все же кто-то есть, повернут к провалу лицом и посему, будучи с бодуна, или элементарно с испугу, может запросто заехать нам навстречу сапогом в рыло. Мы бы на его месте именно так и поступили, а как еще прикажите в подобных обстоятельствах реагировать? *Обстали беси мнози, свят, свят…*

Но наверху, естественно, никого нет. Давно. Но не триста лет. И хорошо, кстати, что мы не рискнули пойти на кульбит. Могло кончиться переломом ног. Кирпичное перекрытие описывает горизонтальное полукружие, а над ним, все выше и выше, с выступа на выступ, от стены к стене, переброшены посеревшие от старости, но еще не иструхлявившиеся доски. У подножия этой зигзагообразной винтовой лестницы брошена некая жердина, явно чтобы опираться на стены при восхождении. Надо полагать, тот, кто упорно перся наверх, вернулся обратно тем же путем.

Берем в руки жердь, чуть перебираем пальцами, отыскивая центр тяжести. Можно попробовать пройти с балансировкой.

Давай, Брайан, не тормози.

Доски качаются, прогибаются, но держат. И не будь необходимости смотреть под ноги, голова бы, наверное, не кружилась. По крайней мере, на первом обороте. Затем нас начинает вести по часовой стрелке даже при закрытых глазах. Приходится опираться на стену внутреннего цилиндра, временами наваливаться, переводя дух. С каждым кругом становится все светлее, и вот из-за поворота показывается проем, залитый солнцем. Кажущийся особенно ослепительным оттого, что внутренние стены и низкий потолок верхнего помещения основательно закопчены. Однако с самого последнего выступа на полукружие сплошного кирпичного перекрытия, совпадающего уже с уровнем крыши, на которую и выводит распахнутая дверь, никакой доски не перекинуто – видать, не хватило. Но по левую руку от нас узкий провал некой бойницы. В нее и протискиваемся боком. Выползаем у восточной стены невысокого, даже не в рост, барабана, накрывающего выход из винтового подъема.

Крыша рельефом напоминает глиняный отвал, усыпанный строительным мусором и поросший, главным образом, лебедой да кой-где ползучими кривыми березками. Глину, вероятно, нанесло пылью с соседнего карьера, семена из леска, а вот строительный мусор местного происхождения – от развалившихся фронтонов, треугольно венчавших некогда все четыре фасада. Теперь от них сохранились лишь фрагменты.

Передвигаться тут следует с осторожностью. Своды церкви, как запомнилось нам, вовсе не горизонтальны, и в какую сторону поползет насыпной грунт под ногой, не вдруг угадаешь. Прямо напротив основного выхода из колодца – высокий барабан с узкой удлиненной ротондой вознесенной колокольни. Восточнее его другой, более массивный, поддерживающий главный купол храма. И вот на нем креста совсем нет. Лишь сиротливо покосившаяся маковка.

Не за ним ли лез сюда наш упорный предшественник?

А ведь точно, больше не за чем было.

Богоносный народ. Ну куда теперь можно пристроить купольный крест? Однако ж приперся, издалека, с досками на горбу, как-то забросил их наверх, настелил извилистый путь, вскарабкался на свод, раскачал и вывернул с корнем. Взвалил на спину и потащил.

Поворачиваем голову.

Вон по той дороге, поддерживая закинутыми на перекладину руками, и тащил его, сгибаясь под тяжестью. В этом тоже какая-то приговоренность.

Хотя нет, чересчур красиво, да и морда у него, прямо отсюда видно, больно уж хитрая.

Лошадью он правил. Сидя боком, встряхивая вожжами и чмокая толстыми губами. Доски были за спиной навалены. Забрался на крышу, крест заарканил петлей, сбросил конец веревки. Спустился, привязал к заднику и, нещадно нахлестывая бедную животину, стянул с купола. Потом на той же телеге и увез. Может, даже знал куда.

Но не совсем же бесследно исчез. Должна сохраниться хотя бы легенда. Герострата и того скрыть не удалось. А из мифов о Сизифе чуть ли не антологию можно составить.

Ладно, никуда он не денется.

Переступая по грудам замусоренной глины, доходим до круглого подножия колокольни. Заглядываем в затемненный проем. Такой же колодец, но более узкий и ныне уже без сердцевины. Колонна, исполнявшая ее роль, развалилась и осыпалась, подняв при этом уровень дна чуть ли не на метр. Взбираемся на холмик и поднимаем лицо.

Винтовой лестницы, опиравшейся когда-то на еще торчащие из стены кирпичи, конечно же, давным-давно нет. Верхнее перекрытие барабана, служившее заодно и полом ротонды, тоже нашего прихода не сумело дождаться. Остался, правда, неширокий, вмурованный в ее основание, кольцевой каменный козырек, на котором деревянный настил в свое время и держался. Но он метрах в пяти над головой. И именно над головой – не над

подножием башенки и даже не над нашими подошвами. Еще выше в сквозной дыре виднеется колокол, который откровенно кажет язык. Вид строго снизу. С кончика языка свисает охвостье какого-то вервия, да не простого, а круто, знать, просмоленного, коли до сих пор не отгнило.

Неужели не удастся шугануть окрестную нечисть разлихим перезвоном?

А ведь так уже настроились.

Пытаться допрыгнуть даже не человекообразная обезьяна не станет. Выходит, думать надо. Не понапрасну ж мы совсем недавно повысили себе интеллект аж до двух единиц.

Прогнав в уме сложную операцию по поэтапному перемещению досок из нижнего подъема, быстро понимаем – работа впустую. В этом барабане внутреннего цилиндра нет, поэтому зигзагообразно-поперечно – пусть в небольшой, но распор – их не поставишь. Если же настелить по-простому, наклонными хордами по-над стеночкой, они под нашим весом поползут и мы сверху и с маху, что именно, не скажем – такие слова тут не принято употреблять.

Ладно, интеллект мы задействовали, пора, видимо, переходить к ловкости, которая у нас нисколько не ниже. Колокольный колодец более узок, чем подъем на крышу, кирпичные выступы, хотя сохранились хуже, но расположены чаще, потому как заворот здесь круче. И если, навалившись на стену ладонями, сделать длинный приставной шаг вправо и вверх, то выходя в полушпагат, можно нащупать ногой следующий выпирающий кирпич.

Поплевав на ладони, спохватываемся – что за плебейская привычка? – и вытираем их об штаны.

Пошел, Брайан!

И Брайан пошел, как по-писаному, только не так быстро.

Потому что, выходя в полушпагат, надо не просто дотянуться ногой до следующей опоры, но и перенести на нее вес тела, не забыв оставить место для подтягиваемой ступни. А следующий кронштейн расположен не только сильно дальше, но и значительно выше. Кирпичи вытарчивают из стены лишь на длину одного, поэтому угол наклона тела, позволяющий опираться руками на стену, близок вертикальному, а чуть завалишь его назад, обратно уже не вернешь. Про такие мелочи, как залитые потом глаза, исцарапанный нос и стертые колени даже поминать не станем.

Подтянувшись на руках, закидываем ногу и переваливаемся на круговой карниз. Его ширины как раз хватает, чтобы не скатиться обратно.

Лежим, изогнувшись на правом боку, плотно вжимая спину в балюстраду. Левая рука, вцепившись в закраину опоясывающего кольца, служит стопором. Закрываем глаза.

Хорошо бы свернуться в клубочек, так спокойней. Никому пока от нас ничего не надо. Захотим – появимся на свет, а то и еще подождут.

Славное было время.

Но опять же в плюсквамперфекте, не даунничай, Брайан.

Или тебе в ухо подуть?

Ладно, уговорили. Встаем.

Ротонда не широка, и много по ней не походишь. Но это и ни к чему, обзор из любой точки во все стороны света.

На юго-западе раскинулся карьер. Широкий, плоский, мелкий. Гребни склонов скрывают дно лишь в передней половине, далее оно хорошо просматривается. Граница проходит как раз по задней части небольшого возвышения в середине котлована. Кажется, если подпрыгнуть, можно увидеть человека, лежащего на бугре ничком.

Но мы его уже видели.

Влечемся взглядом вдоль дороги, выходящей из глиняной котловины и равняющей западную оконечность Мертвого леса. Далее проселок ныряет в глубокую ложбину, долго выбирается из нее и заворачивает вправо к непаханым полям с наброшенными кружевами околков и рощиц, сквозь которые проступает то тем, то другим кривым боком негустая россыпь худых селеньиц, явно не городского типа.

Еще дальше весь северо-восток, включая значительные части собственно севера и востока, перегорожен по выпуклой дуге холмистой ли, гористой грядой.

Но это ближний план, если не всматриваться в дымчатое марево на горизонте, не оглядываться и не привставать на цыпочки.

За северными отрогами гряды видно плохо, но леса заметно темнеют, хвойнеют, а меж ними опять принимается виться какая-то змейка, уходящая сквозь возрастающую контрастность в слепящую белизну.

На западе уже через неделю пути начинает ощущаться, что шумно и тесно. А вскоре сплошной гомон перекрывается рокотом волн, накатывающих на береговые утесы.

По южному направлению редколесье постепенно переходит в лесостепи, в конце концов утыкающиеся в подножие чего-то, большими когортами не преодолимого.

На восток, за холмы, не знамо сколько тянутся хилые клочковатые леса, где-то за окоемом сменяясь немерены

степями, передвигаться по которым, можно только очень сильно прищурившись.

Пока тихо.

Но звонарь не зря не спускается с колокольни до глубокой темноты.

Непорядок, Брайан, ты настороже, но все же не готов. Веревка колокола должна быть обмотана вокруг пояса, вдруг напечет голову и грохнешься в обморок.

Так. Вервие непростое свисает нам почти до колена. Но не рядом. И сразу видно, что рукой не дотянуться. Даже если другой уцепиться за балясину ротонды и наклониться, сколько можно, над провалом. Вот именно таким манером. Всего сорока сантиметров, но не хватает. Пробуем подтащить ножом, держа его за самый кончик ручки. Уже на десять, но по-прежнему не дотягиваемся. Метнуть? Но не вопьется он, скорее перережет.

Однако у нас есть, что впить.

Вытаскиваем из отворота черную иглу неизвестного металла. Примеряемся. Точно. Прямо в середину войдет, а насквозь, если что, оперение не пропустит. Но ведь вервие-то при этом не откачнется, лишь вздрогнет на месте. Значит, надо чем-нибудь назад.

Осматриваемся, охлопываемся.

Из нагрудного кармана достаем притаившийся маленький скруток. Синяя изолента, которой какая-то скотина прикрывала свои исправления, внесенные в написание нашего светлого имени.

Но мы его прощаем. Возможно даже, по возвращении подадим рапорт с просьбой представить к награде. К какой-нибудь из самых фанфарных.

За непроизвольный пук на ночном посту, коим подкрадывающийся сзади ворог был не токмо зело озадачен, но и своевременно ввергнут в глубокий обморок, длившийся до рассвета в бурьяне, где на него бдительно наступил спешащий из заблуда патруль.

Текст на своей медали пусть чеканит сам. Пока не закончит, в столовую, хохмача, не пускать!

Одним концом липкой ленты, коротко обматываем стрелку у оперения, другим нижнюю фалангу мизинца.

Качнув пару раз, снова приноравливаемся. Вносим коррективы от дополнительной турбулентности. Повиснув на левой руке, вытягиваемся в струнку, намечаем точку на вервии и – тук! Как и было задумано.

Подтягиваем, перехватываем.

Теперь мы не безгласны, никакой ворог не подкрадется, ни

тать, ни рать врасплох не застанет.

Но есть ли кого поднимать? Неупокоенных из Мертвого леса? Зрелище, конечно, еще то получится, прямо из видения на Патмосе. Однако на чью сторону они встанут?

А вот татей и ратей вокруг… видимо-невидимо.

За спиною – то там, то сям в южной влажной ночи – кто-то упорно точит кинжал. Но поскольку Ередея их достославный каким-то заезжим ухарем был походя зарезан прям *пред полкы*, то прежде чем двинуться в массовый всеплеменной набег, надо выяснить, кто его гордо возглавит. А на беду, тут все как на подбор, один другого круче. Выяснять не перевыяснить…

С северо-запада из своего Варяжского моря выгребают на *лодьях воряги*, шаря по берегам, чтоб не с пустыми руками на Цареградский базар…

Не спи, славяне, свезут в наложницы и янычары!

Баум, баум, баум! – раскачал-таки Брайан колокольное било.

Справа из века в век тьмами накатывают басурмане, коим вообще-то дальше, туда, где много, но по пути тоже надо кормиться, да обозные повозки чинить.

Выходи православные, солнце багрово, сеча нещадна на Калке-Непрядве! Топот и стон, дикое длинное ржание, мутным и темным заливает глаза, мать-перемать, Пересвет с астролябией! Биться не можешь – запускай петуха по амбарам с сусеками, чтоб ничего не досталось поганым, да прячься с коровкой поглубже в лесах.

Баум, баум, баум!

Слева ляхи-ливонцы, да позже немцы-тевтонцы, тесно которым, прут и прут на просторный восток.

Поднимайся народ, угонят в полон строить им новый орднунг!

Баум, баум, баум!!

Девятью валами туда и оттуда.

Всесметающий перехлест цунами.

Опадающий откат с затухающим переплеском.

Тихо, пусто, заброшенно.

Что-то окончательно разладилось.

Только там, впереди, в белесоватой дымке с алмазными проблесками, далеко за низким горизонтом, зарождается невиданной яркости фиолетово-сиреневая пульсация, расходящаяся концентрическими кругами во все стороны.

Set the controls…

Но вот от глиняного карьера, мимо Мертвого леса и дальше на север, с разрывом в год, однако след в след, потянулись под ту же гребенку стриженные и равно бэушно одетые – не отличить –

Брайаны, оседая по пути на запущенных придорожных погостах для безымянных проходящих.

Вон и самый последний еще бредет по неторной дороге со снежными заносами, наклонясь на встречную метель. Отворачивает лицо от секущего ветра, опускается на корточки, покачивается, заваливается набок, подтягивает колени к груди.

Вставай, Брайан, уснешь – замерзнешь!

Баум. Баум! Баум!! Баум!!!

Не слышит, не шевелится.

Вервие непростое не выдерживает, обрывается, не дослужив последней службы.

Баум, баум…

Колокол смолкает.

Но поднимать все равно уже некого. Никого больше не осталось.

Только мы.

Выходит, наш черед. Туда, где аспидно-черный извивается четко в такт заевшему на вкрадчивом: *for the heart of the sun, the heart of the sun, the heart of the sun…*

Строгий перезвон колокольчиков, и навигатор объявляет об изменениях в наших файлах:

ЛИЧНОСТЬ
ЗДОРОВЬЕ:
47 хитов
СУДЬБА
ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ:
устремленность +
ГЕРМЕНЕВТИЧНОСТЬ:
эмпатия +
ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ:
Призванный +

То, что было нашей личной, правильной, но все-таки полудогадкой, бодрящей походной шуткой (надо ж ведь знать, куда идешь), становится теперь, как написано зеленым по матово-темному, судьбой, предначертанной свыше.

А слово, известное дело, не воробей, вылетит – топором не зарубишь. Бесполезно и гоняться по полям и весям…

Нисходим мы много быстрее, чем восходили. Придерживаясь за обрез козырька, умещаемся обеими ногами на верхнем кронштейне. Затем, перебирая ладонями по стене, приседаем и делаем длинный шаг влево-вниз, нащупывая следующую опору, но на нее вес тела не переносим. Уцепляемся пальцами за

кирпичный карнизик, на котором стоим, спускаем одну ногу, потом другую и повисаем на вытянутых руках. Чуть откачнувшись, разжимаем ладони и прыгаем, выворачиваясь в падении на пол-оборота. Приземлившись на мусорный холмик, ныряем в кувырок и через проем выкатываемся на крышу прямо перед входом в подъемный барабан. Останься в колодце нормальный винтовой настил, можно было бы, наверное, не тормозить, только восхищенно ругнуться уже в подвратье – ошеломительное низвержение!

Заглядываем в раскрытую дверь. От полукружия кирпичного перекрытия до первой настеленной доски по-прежнему далековато для успешного прыжка. Но не это привлекает наше внимание. То, что на подъеме мы залитыми от пота глазами приняли за копоть на стенах и потолке, на самом деле ковер из сложенных крыльев сотен, тысячи бабочек, неподвижно сидящих всюду, куда не падает прямой солнечный свет.

Общее очертание тела не очень характерно собственно для бабочек. Больше тянет назвать их мотыльками, вернее, мотылищами. Уж больно брюхо толстое. По сравнению с ним скошенные черные крылья длиною сантиметров в десять-двенадцать кажутся не сильно впечатляющими, а ведь в размахе получится чуть ли не четверть метра.

Судя по тому, что они спят днем, это ночные бабочки. Возможно, бражник. Абриса мертвой головы в таком положении не разглядеть, но будить, чтоб продемонстрировали, желания у нас не возникает. А ну как сдуру кто-нибудь из них сядет на лицо? На вид они влажные, жирные и липкие. Заранее передергивает.

Добираемся до боковой бойницы и втискиваемся в нее. А дальше против часовой стрелки вниз, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, заваливая корпус влево, дабы не чиркнуть по внешней стене. В конце не остается ничего, кроме как на всем разбеге прыгнуть с заворотом в темноту.

От кувырка, по приземлении на дно, в последнее мгновение отказываемся, так что в подвратье не выкатываемся, а выбегаем на четвереньках. Слегка боком, но тоже сойдет, не убились и ладно.

Снизившееся солнце теперь стоит прямо напротив главного выхода из храма. Веревка колокола оборвалась, знать, не сразу.

Если хотим добраться до жилья засветло, надо поторапливаться.

Огибаем угол и возвращаемся на торимую нами тропу. Борщевик добрее не стал, кажется, он даже поднакопил не нужной ему трухи поболее.

Земля заметно идет под уклон, затем ныряет, спускаясь, видимо, к ручью, через который нужно перебраться, чтобы выйти на вырубки.

Ручья как такового нам не попадается. В самой нижней точке под ногой что-то по-болотному чавкает, но тем и ограничивается. Дальше следует пологий подъем, заросший уже не борщевиком пополам с кустарником, а кривыми деревцами, покрытыми плесенью и увешанными паутиной. На взгорке начинают встречаться вполне себе нормальные осины, а потом уже вязы да клены.

Вырубками это место называется, наверное, по старой традиции. Даже ни одного пня не сохранилось. Подвернувшийся по пути поваленный ствол именно повален, а не спилен или срублен. По сухой голой древесине с шорохом пробегают длинные черные жуки – короеды, надо полагать. Точно, всю кору пожрали, теперь мечутся в сумнении: кто виноват и что делать? Извини, мужики, ничего мы вам подсказать не можем. Кумекайте сами.

Сквозь поредевшие заросли проступает поляна, на той стороне которой стеною встает кряжистое дубье. На опушке, как и говорилось, сторожка, крытая жердями. Из кирпичной трубы вьется дымок. Учуяв человечий дух, бабкина сестра отложила свою ежкину азбуку, спешно растопила печь и взгромоздила на нее котел с водой.

На поляне никого не хрюкает и в нетерпении землю не роет. Возможно, у кабанов с нюхом похуже. Или, наоборот, они не выносят дыма, а на наше появление им плевать.

Доходим до крылечка, останавливаемся метрах в трех, отпечатавшись тенью прямо на двери.

– Топ-топ-топ! – говорим громко.

Потом вежливо добавляем:

– Тук-тук-тук.

Никто не хлопает. Ни дверью, ни в ладоши. Только из дубравы доносится, словно спросонья:

– У-гу!

В смысле, не заперто?

Раздается длинный скрип, и из проема показывается худая старуха в наброшенном бушлате.

Она щурится, поскольку наш силуэт ей видится как раз на фоне заходящего солнца.

– С гостинцем я, бабушка, от сестры твоей, – помогаем мы ей въехать в ситуацию.

– Коли так, милости прошу.

Она сторонится.

Пригнув голову, входим.

Внутри темно, но не затхло. Окошки маленькие, однако стекол в них нету. Слегка тянет дымком от затепленной печки, на которой действительно побулькивает, но все же не котел, а чугунок. Помимо того пахнет чем-то душистым и пряным. Все углы завешаны пучками подсохших трав. Из мебели есть стол, окруженный со всех сторон лавками. На него и кладем узелок. В дальнем углу темнеет огромный окованный сундук, вероятно, та самая фамильная реликвия.

– Присаживайся, мил человек, – кивает бабка на лавку и уходит к печке.

Возвращается с жестяной кружкой, из которой вьется парок со смородиновым духом, ставит перед нами и принимается разматывать тряпицу на гостинце.

– Заела-таки сестрицу совесть, – усмехается она удовлетворенно.

– А зачем тебе сатанинский гриб, отравить кого задумала? – шутливо интересуемся мы.

– Да кого же? Тех, что сюда забредают, травить поздно. Кабанов я отваживаю. Так и норовят все грядки изрыть. В последнее время какой-то взялся по ночам чесаться об угол избенки, того и гляди завалит. Дубов в дубраве ему, видите ли, мало. Как начнут матереть, никакой управы на них не сыщешь. С вожаком схлестнуться пока остерегаются, а удаль молодецкую показать уже невтерпеж, вот и озоруют, как умеют. А сатанинским отваром вокруг побрызгаешь, они и отстанут почитай на полгода.

– Веселая тут у вас жизнь.

– А ты, похоже, не из местных.

– Похоже, – соглашаемся мы.

Старуха садится напротив.

– Колокол давеча заполошно звонил – твоих рук дело?

Неопределенно пожимаем плечами.

– С баловства или для бахвальства?

– Вроде того.

Разве объяснишь? Да и не обязан Брайан отчетом. Не с него спрос…

– А в наши края каким ветром занесло? – продолжает пытать старуха. – За чашей Грааля снарядился?

Мы даже вскидываемся ошарашено.

– Эк ты загнула, бабуся! Чуть ли не под прямым углом.

– А чего ж тогда шатаешься по свету, словно неупокоенный?

– Дракона ищу, с рогом на носу.

– Трубить потом в ущелье будешь?

– Трубить? Почему в ущелье?

– Ну, как неистовый Ролан.

– Знаешь, бабуся, ты с азбукой-то заморской поосторожней, не перебарщивай, а то у тебя и эльфы в дубраве заведутся. Расскажи-ка лучше о драконе. Своими словами.

– Ладно, мил человек, гриб ты принес, никуда не денешься. Усаживайся поудобнее, история долгая.

Демонстративно поерзав на лавке, замираем.

– Шел себе как-то по дороге солдатик, – зачинает сказительница. – Долго ли, коротко шел, но солнце к закату стало клониться.

– Если в самоволке, то лучше не по дороге, а по кустам вдоль обочины. А то ведь на патруль напорешься.

– Да не самовольно он, отпустили со службы.

– В увольнение? А в срок разве успеет вернуться?

– Возвращаться не надо было, его совсем отпустили.

– По старости или инвалидности?

– Да нет же, – отмахивается старуха, – лет ему примерно, как тебе. Руки-ноги тоже на месте.

– Тогда со службы только в запаянном гробу отпускают.

– Кончились деньги у соседнего барона, вот он и распустил свою армию.

– Наемник, выходит, – тянем понятливо. – Солдат фортуны, рыцарь удачи.

– Хоть бы и так, не важно.

– Не скажи, разная у них судьба.

– Ты лучше уж слушай.

Закрываем рот и запечатываем его ладонью. Старуха подпирает пальцем щеку.

– Шел, значит, солдатик, шел и добрался до вилляжа.

– Чего?

– Ну, деревенька ж по-ихнему.

Старуха, вытянув губы гузкой, косит на нас хитрым глазом.

Ладно, бабуська, будем считать, что уела.

Наслаждается она чуть ли не минуту, но спохватывается все же без посторонней помощи.

– Направляется он, стало быть, к таверне, чтобы переночевать, а на площади как раз глашатай из ближнего городка королевский указ зачитывает. Тому, кто освободит окрестные земли от дракона, обещано пожаловать в полное владение пограничный замок и принцессу в придачу.

– Точно замок, не полкоролевства?

– Точно-точно. Прижимистые они там, как ни крути. Каждый *соверен* по три раза пересчитывают.

На соверен мы не реагируем, и бабка, вздохнув, продолжает.

– Подумал-подумал солдатик, замок хоть и пограничный, а все же лучше, чем бездомному мыкаться. Авось и принцесса не совсем криворука и обеда не испортит. Так что ни свет ни заря он уже стучится ногою в городские ворота. «Открывай, – кричит, – я с драконом вашим биться пришел!» Послали к королю, сказать, что герой пожаловал.

– На рассвете?

– Он в последнее время рано привык подниматься. Свесился король со стены, осмотрел солдатика и махнул стражникам, чтоб отворяли. Впустили его, провели ко дворцу. Рассказали о драконе, который обложил королевство данью, требуя, чтобы каждый день приносили одного упитанного жителя к горе, где он расположился гнездом. Попробовали как-то не дать, де запамятовали, да после своей придумке не рады были. К полудню прилетел, злой как черт, взгромоздился на самый высокий шпиль с королевским штандартом, обвил хвостом, раскачал и обрушил. Затем башенные часы на ратуше рогом из стены выковырял. А напоследок всю городскую площадь каким-то зловещим узором, извиняюсь, загадил – заклятье свое наложил. Так и не удалось позже толком убрать – закаменело в момент. Подивился солдатик драконьей лютости, проникся поставленной задачей. Провели его еще по двору, показали снизу принцессу. Она в окошке платочком обмахивалась.

– Уронила?

– Нет, удержала. Дорогой был платочек, с вензелем. Потом проводили солдатика в арсенал, выдали большой нож.

– А меч пожалели?

– То был специальный нож, на дракона наточенный.

– Метательный?

– Не знаю, королевский егерь им кабанов свежевал.

– Значит, тоже со свинотыком, – вздох Брайана повисает апарт.

– Посадили солдатика в клетку и понесли к горе, – продолжает старуха.

– Почему в клетку?

– Чтоб не передумал.

– Он же сам пришел.

– Ну, так и замыслено было, чтоб сам.

– А если сам, то с чего вдруг передумает?

– Э-эх, родимый, – вздыхает сказительница, – сколько их вызывалось, а как завидят дракона, сразу же наутек.

– А зачем тогда шли? – не унимается Брайан.

– Выходит, на роду было написано.

– Посмотреть и наутек?

– Так и положено, пока не появится герой.

– Все равно, что-то тут не так.

– Ежели перебивать беспрестанно будешь, – строжится старуха, – до конца мы с тобой не доберемся, мне раньше надоест.

Потом, ввиду недоверчивого молчания, установившегося в избушке, снисходит до еще одного объяснения:

– До горы драконьей путь не близок, зачем герою ноги бить понапрасну? Есть на то стражники, которые уже привыкли носить.

– Сдается мне, – говорит Брайан, глядя в окошко, – что героем тут выступает кто-то совсем другой. У кого, кстати, ключ от клетки?

– У королевского егеря. Он всегда сопровождает, чтоб чего непредвиденного в дороге не случилось.

– Вот-вот, если кто и герой в твоей сказке, так это именно он. А солдатика нашего в обычный корм несут. Или же в качестве приманки, ежели вдруг сегодня егерь, наконец-то, раздухарился.

Брайан переводит взгляд на старуху и рубит с плеча:

– А ты, бабуся, похоже, у них зазывалой подрабатываешь.

Старуха ошарашено молчит. Затем встает и в сердцах произносит:

– Коли ты такой умный, рассказывай дальше сам.

И отходит к печи, помешать свое варево.

Э, Брайан, похоже, ты напросился. Молчал бы себе в тряпочку: верить никто не заставляет, а выслушать никогда не мешает. Так что давай уж, блистай. Назвался героем – полезай в клетку. Ничего-ничего, языком мести – не цепом трясти.

Брайан приосанивается и начинает распевно:

– Несут, значит, солдатика, а он, вцепившись в прутья решетки, чтоб поменьше качало, осматривает окрестности и, ввиду вдруг вскрывшихся обстоятельств, размышляет в спешном порядке, что теперь предпринять.

Осилив зачин, Брайан переходит на более энергичный тон.

– Долго раздумывать солдатик не привык. «Тормози!» – орет он посреди дороги. Егерь вскидывает голову: до горы далековато, играть в открытую рано, и он дает отмашку носильщикам. Приближается к клетке: ну, чего еще? «План «бэ» обсудить надо, – подмигивает ему солдатик. – Приватно». Егерь жестом отгоняет стражников и для правдоподобия подступает вплотную. Ухватывает его солдатик левой рукой за лацкан, притягивает к решетке, правой ключ с пояса срывает. Открывает дверцу, выходит, а егеря на свое место заталкивает. Затем запирает и дает знак носильщиками тащить дальше.

– А те так сразу и поверили в план «бэ», – встревает ехидная старуха.

– Ну не совсем сразу, пришлось убеждать. Сапогом. Но до вынимания ножа из голенища дело не дошло – королевские служаки оказались народом на диво понятливым и покладистым. Даже скорость продвижения согласись сменить на маршевую. Когда добрались до горы, велел им солдатик поставить клетку, куда принято, и валить гуртом по домам. Сам засел в кустах и ждет. В заведенное время прилетает дракон, садится на крышу и наклоняется, чтобы рогом замок сковырнуть. Тут-то солдатик и мечет свой нож из кустов. Прямо в левый глаз. По рукоятку. Дракон от неожиданности каркает, срывается с клетки и сломя голову несется за горизонт, забирая все время вправо. Больше он в этих краях ни разу не показывался, с одним-то глазом не больно покрасуешься.

Брайан выдерживает паузу и заворачивает к концу.

– Пограничного замка солдатику, правда, не дали, потому как казенный нож в арсенал не вернул, от принцессы он сам отказался – таскай ее еще за собой. Плюнул на городские ворота и пошел себе дальше. Может, до сих пор где-то странствует.

В заимке воцаряется тишина. Долго царит, пока из наружной темноты, чуть ли не в самое окошко, кто-то, окончательно проснувшись, не принимается за свое:

– У-гу! У-гу! У-гу!

Ладно, пометим это ремаркой как восхищенные крики с галерки.

– Ну что, запомнишь новую редакцию? – интересуемся окольно старухиным мнением.

– Сам ее распространяй, – отвечает она, поджав губы. – Вот по дороге и повествуй всем встречным-поперечным; да крепко, сапогом, наказывай передавать из поколения в поколение. Меня ж от своей бэшной версии с каркающим драконом избавь.

– Злая ты, бабуся. Ведьма, поди, никакая не знахарка.

– Ну, коли с вами сапогастыми ужиться не смогла, получается, ведьма.

Старуха принимается шуровать кочергой в печи. Затем закрывает задвижку. Не поворачивая головы, спрашивает:

– Где ляжешь-то, брат Гримм? На полати сопреешь, наверное?

– Да я лучше на лавке, за столом. И никто случайно не заденет, а то у меня дурная привычка спросонья нож метать.

– Кому ты нужен, солдатик. Ежели мне вдруг мясца захочется, вон оно, куда как вкуснее, по кустам себе хрюкает. Завтра пойдешь через дубраву, убедишься, что его там на целую армию хватит. А сейчас, будь добр, выдь на крыльцо, мне переодеться

надо.

Прямо напротив двери над темными кронами деревьев на дальней стороне поляны висит огромная луна. Выше все усеяно звездами, расположение которых нам ни о чем не говорит, поскольку мы никогда в нем особенно не разбирались.

Тихо звенят колокольчики рейдового навигатора, и на экране проявляются зеленоватые строки:

ЛИЧНОСТЬ
ЗДОРОВЬЕ:
50 хитов
МОДАЛЬНОСТЬ: второстепенный персонаж

С очередным повышением тебя, Брайан!

Одно настораживает: мы уже всеми регалиями обвешались, а зарезать до сих пор никого не удалось. Уж не в Махатмы ли Ганди нас позвали? Довести какое-нибудь зло несгибаемым непротивлением до полного умопомешательства. Коли так, честное слово, вернемся в Пустоши, у нас там потомок выходца из Убежища уже десять своих лет за патрулями Анклава с двумя игольчатыми пистолетами охотится. А патрулей в тех краях стреляно-неперестреляно. И список доступных в процессе способностей исчерпан едва наполовину.

Но, может, завтра в дубраве повезет.

Возвращаемся внутрь. Старуха уже затушила фитилек на плошке и улеглась. На ощупь залезаем на лавку головой в угол и отключаемся, не забыв записаться.

Глава IV

Кабанью дубраву проходим триумфально.

Разжиться шкурой, правда, не получается. Проблема в возрастной дивергенции и стадном коллективизме местной популяции. Разбредшийся по кустам легконогий молодняк держится настороже и чуть что несется сломя голову и недорезано визжа. На поднятый хай моментально является старшее поколение, метко обозванное секачами. И не в одном единственном экземпляре. Пока схватываешься с первым, подтягиваются вторые, третьи и прочие – пересчитать ни разу не удалось.

После пятого перезагруза осознаем, что тактика прохождения этапа задумана явно другой. Надо осваивать навык скрытного передвижения по пересеченной местности, густо населенной враждебно настроенными обитателями.

Крадемся по подлеску между очагами деловитого хрюка.

На беду натыкаемся на торчащий из зарослей лещины щетинистый зад, чье рыло в данный момент сосредоточено роется в корнях.

Размашистую ногу удержать не успеваем – безусловный рефлекс, знаете ли.

В рыло, мгновенно поменявшееся с задом местами, пинать уже не рискуем – больно оно клыкасто. Настолько, что клыки в пасти не умещаются.

Оцениванием ситуации кабан себя не затрудняет – просто бросается вперед.

У нас реакция тоже неплохая – уворачиваемся и с ходу пытаемся оторваться, с тем чтобы, скрывшись из виду, перейти на бесшумный бег и резко поменять направление.

Может, и получилось бы. Не затей по ту сторону кустов некая свинища принимать в тенечке грязевые ванны. Визжит она так, что в ушах вибрирует. Но поставить ей это в упрек язык не поворачивается – наступили-то мы прямо на брюхо.

В конце концов, бог с ним – с навыком скрытного передвижения. Мы давно уже привыкли обходиться без него. У нас своя метода выполнения заданий по незаметному проникновению в населенные пункты. Засесть на самой окраине, желательно поближе к телепорту, высмотреть отдалившегося, и с разбега в голову. Затем сразу же назад, пока остальные не набежали большой толпой. Добиваем в кустах. Ежели собралось

чересчур много, ныряем в телепорт. Выжидаем, когда утихнет переполох и народ разойдется, затем повторяем маневр. Так постепенно, дом за домом, улица за улицей – всех под корень. Потом спокойно, в полный рост, идем себе, куда надо, кося глазом на надпись: *Выполнено задание «Прокрасться в город»*. Не то чтобы мы как-то уж по-особенному кровожадны, просто, за убийство любых врагов полагается опыт на повышение навыков и какие-нибудь трофеи для приобретения оружия и брони. К окончанию хочется подойти в полном великолепии.

Перезагружаться нам надоело, скользить тенью больше не имеет смысла, так что несемся с широко расправленной грудью во главе целой армии, к коей по дороге присоединяются все новые и новые повстанцы.

Чтоб не забыли, кто тут командует, время от времени покрикиваем: «Не отставать, на эскалопы пущу!»

Но это только в первые пятнадцать минут. Дальше они и без понуканий начинают потихоньку настигать. Видимо, взятого темпа не выдерживаем как раз мы. Местность-то действительно пересеченная. В ровном ритме двигаться никак не удается, приходится то и дело закладывать виражи перед зарослями боярышника, уклоняться от вырастающих прямо перед лицом корявых стволов, с разбегу ухать в неожиданные овражки и взбегать на противоположные склоны. Рядовому же нашему составу все нипочем. То ли они подменяются на дистанции, передавая нас по эстафете, то ли в здешней дубраве издревле селекционируется беговой подвид непарнопятокового рода.

Поскольку второе дыхание закончилось давно, включаем третье, перенастраивая организм именно на рваный ритм – выдох не на восьмом, а на самом тяжелом шаге и резче, злее, в голос: ух! ах! нах! Возглавляет дикую дивизию, понятно, не выпускница института благородных девиц.

К исходу получаса (сколько же верст в этом свинарнике?) нас упорно принимается доставать ощущение, что перезагружаться все-таки придется: похоже, не уйти.

Сбросить скорость не дает одно – повторный забег совсем в лом.

Держи, Брайан, темп, держи!

Через не могу держи!

Иначе впишут в плодоносную карту дубравы, как самый крупный в ее истории желудь.

Довольные победители будут долго потом чавкать, на радостях изроют место последней битвы и заминируют все подходы. Прийти помянуть героя никто не рискнет.

Но бог не выдал – впереди замелькали просветы в кронах,

заплясали разрывы в сплошной зелени, меж скачущих дубов замельтешили прогалы.

Через один из них и выносимся в широкое светлое поле. Силы оставляют нас в двадцати шагах от лесной кромки. Развернувшись лицом к деревьям, стоим полусогбенно. Остатка выучки хватает лишь на то, чтобы не повалиться ничком на землю да при выдохе конвульсивно всплескивать руками.

Ополчение, рассыпавшись по всей опушке, злобно визжит, матеро хрюкает, но из-под сводов отчего-то не выходит.

Подбадривает навигатор сообщением о подоспевших изменениях в персональных файлах.

ЛИЧНОСТЬ
СПОСОБНОСТИ:
3. Выносливость 3
ЗДОРОВЬЕ:
52 хита
Ситуационный модификатор: 3.
Персональный модификатор: 2.111(1).
Ситуационное соответствие: 0.7037(037).
Общее отношение: пренебрежительное.
Карма: появившийся ниоткуда

– Лихо, солдат, лихо! – раздается одобрительный голос.

За спиною чуть поодаль в траве стоит крепкий еще старикан в штанах с ушами, подвернутых выше колен. Больше на нем ничего нет – сапоги, связанные веревочкой, болтаются на груди. В правой руке в роли посоха длинный металлический штырь. Плечи отведены назад, голова выдвинута вперед, подбородок вздернут – орел, в общем. Из тех, что с жилистой шеей.

– Выносливость, смотрю, тренируешь? – оглядывает он нас пытливым оком.

– Ну, – добавляем мы осмысленности в один из выдохов.

– Разумно, солдат, разумно. Когда-нибудь ведь и наши спохватятся. А какой первый шаг для возрождения отечества? Правильно, всеобщая мобилизация. И прямо с пункта марш-бросок до ближайшей станции. Если форму не поддерживать, то можно и не добраться. Жаль, что тут только один это понимает. Правда, у него крыша совсем съехала, он даже меня за своего не признает. Ну, если останешься, сам увидишь.

Дыханье наше постепенно приходит в норму, мы перестаем имитировать руками баттерфляй и молодцевато расправляем грудь. Старикан одобрительно щурится.

– Одно время я тоже пробовал пробежки по дубраве. Да

кабаны далеко не дают забраться, сразу вычисляют. А на стометровке выносливость не шибко-то выработаешь. А ты сколько бежал?

– От заимки.

– Впечатляет, солдат, впечатляет. Прокрасться настолько вглубь… Ты, получается, из диверсантов?

– Я просто с той стороны зашел.

– Интересный ход! – загорается старикан, но тут же потухает. – Хотя, кругалем… Это ж в полночь надо в путь пускаться, да там еще… Как, кстати, Хромой, хромает?

– Мне показалось, что больше колченожится.

– Колченожится, говоришь? – старикан отрывисто хохочет. – Да уж, пристроился он на придурочную должность – сторожить мертвых, чтоб не разбежались. Живые-то куда проворнее.

Он приосанивается. Заметив наш взгляд на свои босые ноги, объясняет:

– Ступни к стерне приучаю. Вдруг ночью сапоги скрадут, а под утро тревога. Я при любых обстоятельствах привык самым первым прибывать.

Старикан еще больше отводит плечи, выдвигает голову и вскидывает подбородок. Затем переходит на назидательный тон:

– Но солдат должен уметь не только бегать. Когда догонишь врага, надо свернуть его в бараний рог. Вот так, демонстрирую.

Положив штырь на плечи, он напрягается и, сводя руки, медленно сгибает его вокруг шеи, словно хомут.

– Главное, – поясняет он серьезным тоном, – при этом не пукнуть. Иначе попытка не засчитывается.

И громко хохочет. Понятно – юмор.

Отсмеявшись, хитро косится и спрашивает:

– Слабо повторить?

– На себе?

– Ну, учиться всегда на себе приходится.

– Не получится, пожалуй, – признаемся мы.

– Силу, значит, надо тренировать.

– Наверное.

– Так пойдем. Вишь сарайку, первую в ряду, со старым деревом у калитки? Вот этими руками сработано. Вообще-то, я городошный, тут у меня просто участок, в самом престижном месте, у Липового острова. И витамины свои, и тренажерный зал на открытом воздухе.

«Сарайка» неказиста, да дюже добротна, и больше смахивает на бревенчатый амбар, обнесенный по периметру сложносоставным забором из попавшегося под руку материала. На задах расположилось похожее по типу строение, уменьшенных

размеров, но с трубой на крыше.

Приближаемся. Хозяин вешает на воротный кол металлический хомут, отодвигает пролет в загородке и ведет нас меж грядок к запертой двери. Достает из одного уха своего галифе сейфовый ключ, открывает навесной замок и заходит внутрь, не затрудняя себя приглашением в гости. Чем-то гремит, с чувством матюкается и выносит наружу два ведра.

– А что ж, сарайка-то без окон? – интересуемся для заполнения паузы.

– Чтоб не заглядывали да не лезли. Ты не отвлекайся. Вот ведра, вон бочка у стены, а там, за углом забора тропинка к роднику. Бочка двухсотлитровая, так что за десять ходок управишься, если по дороге не будешь расплескивать. До родника метров сто пятьдесят, значит, в полчаса уложишься. Время пошло.

Берем ведра и направляемся вдоль забора. За углом заворачиваем вправо, проходим огороды и углубляемся в липовую рощу. Подлеска в ней практически нет, тропинка особо не петляет и не прячется. Только идет под уклон.

На бугорке слева просматривается небольшой насыпной холмик, из которого торчит крест из двух связанных палок.

Сходим с тропы, приближаемся.

Поперечина креста надтесана и на ней, очевидно, ножом вырезано: «Джек». Слава богу, не Брайан. Но может, тоже коллега? Голова у нас и так непокрыта, так что стягивать с нее нечего.

Двигаем дальше вниз.

Тропа выводит к речонке, поросшей ивняком. Хотя, возможно, то не ивняк. Брайан у нас не ботаник. Во всяком случае, деревца не плачут. Однако чему ж еще расти вдоль воды?

Под обрывистым берегом в сырую землю вкопано бетонное кольцо, переполненное водой. Надо полагать, родник.

Заглядываем. На дне вверх брюхом лежит толстая лягва. И судя по цвету, давно. Если на этой неделе старикан поливал свой огород, подобные мелочи его не смущают. Нам тем более до фонаря. Предпочитаете родниковую – да на здоровье!

Зачерпываем ведра и ломимся в гору, наверстывая ушедшее на ротозейство время.

Наш инструктор сидит у двери сарайки на вынесенном стуле и чем-то смазывает сапоги. Над окрестностями витает отчетливый дух казармы. При нашем появлении он оставляет сапог и показательно стучит пальцем по пустому запястью. По его мнению, из графика мы выбиваемся.

Опрокидываем ведра в бочку и устремляемся обратно. Бежать налегке под уклон приятно. А с наполненными ведрами на

подъем – не очень. К тому же, надо бы поменьше их расплескивать. Переходим на мелкий торопливый шаг. Когда уже семеним вдоль забора, начинает казаться, что получается неплохо.

Но инструктор неумолимо постукивает пальцем.

Опрокидываем ведра и увеличиваем темп на четверть.

При втором нашем возвращении инструктор по-прежнему морщится и долбит костлявым пальцем, как дятел клювом.

Выливаем воду в бочку и, подавив желание навернуть ему с маху пустым ведром по башке, увеличиваем темп еще на четверть.

На следующем заходе увеличить темп уже не удается. Более того, после пятого тура он сам по себе начинает падать.

Когда бочка наполняется, инструктор долго крутит носом, потом качает головой.

– Нет, солдат, ты еще не готов.

С минуту пошевелив бровями и подвигав губами, демонстративно вздыхает:

– Ладно, придется продолжить.

После чего снимает галифе, аккуратно расправив, вешает на спинку стула и остается в длинных черных трусах. Сатиновых?

Затем, размашисто перекрестившись, ухает в бочку с головой.

Вынырнув, тут же выпрыгивает из нее и встряхивается поэтапным манером сверху донизу. Присев, отжимает трусы на себе и влезает обратно в галифе.

– Теперь, – сообщает он нам, – в бочке сто сорок литров. Ровно двадцать леек. Грядок тоже предельно круглое число – десять. Следовательно, на каждую приходится по две полные лейки. Отмеряем шагами, если глазомер еще недостаточно отточен, половину и равномерно – я подчеркиваю – равномерно распределяем по грядке воду из лейки. По минуте на лейку, всего получается, двадцать. Задача ясна?

Не заметив огня в наших глазах, хмурится:

– Ну что тут можно не понять, солдат? На вид ты вроде сообразительный.

– А какое отношение это имеет к выработке силы? – недоверчиво спрашиваем мы.

– Разогреться надо перед основным упражнением, – объясняет старикан, – а то пупок развяжется.

И громко хохочет, не смущаясь отсутствием поддержки.

Отсмеявшись, принимает деловитый вид.

– Начинай, солдат, некогда мне тут с тобой валандаться.

Он кивает на лейку, которая торчит вверх дном на колу неподалеку от бочки.

Притопив ее в воде, интересуемся:

– Джек кто был?

– Джек? А, вон за тем забором, не затыкаясь, гавкал, пока бараньей костью не подавился.

– Где ж он барана надыбал?

– Один добрый человек поделился.

– А хоронил тоже он?

– Издеваешься? Хоронил уже хозяин. Со всеми почестями. Троекратным салютом на могилке и приглашением на поминки окрестных джековских соратников. Потом до позднего вечера шатался с ружьем по округе и орал, что непременно найдет и отомстит злодею. Спи, мол, спокойно, дорогой товарищ. Ты давай, солдат, глаза боятся, руки делают.

Принимаемся за поливку. Старикан не в силах смотреть на нашу медлительность скрывается в своем амбаре.

Когда заканчиваем, выходит наружу с топором в руке.

– А теперь главный номер, к которому ты, солдат, и готовился. Вон от того дерева у калитки никакого проку, только ближние грядки затеняет, гусеницы с ветвей постоянно десантируются да комары целыми эскадрильями пикируют. Пора пускать его на дрова. Банька у меня духовитая, но больно прожорливая.

Торжественно, держа обеими руками, старикан вручает нам топор. Скорее, колун.

– Полученный в итоге чурбан должен быть длиной в локоть и толщиной в ляжку, – показывает он для наглядности на себе. – Действуй, солдат, а мне на службу надо заглянуть.

Сев на стул, обматывает ступни портянками, вбивает в сапоги, заправляет в голенища развернутые штанины, встает и притопывает. Затем влезает руками во френч и застегивает его до последнего крючка на воротнике.

Уносит стул в сарайку, запирает дверь и сует ключ в левое ухо галифе. Из правого уже торчит горлышко бутылки, заткнутое пробкой из свернутой бумаги.

– Пойду напарнику сообщу, чтобы на смену попозже ждал. Да штырь кузнецу передам, на предмет обратно выправить.

Взяв в руку металлический хомут и задрав подбородок, удаляется по центральной дорожке с глубоко втоптанным щебнем, слегка поводя плечами в прогулочной манере.

У соседнего участка оборачивается и кричит:

– Вернусь ровно через час, к этому времени дерево должно, по крайней мере, уже лежать.

Оставшись в одиночестве, задумчиво подкидываем топор с переворотом. Поймать, правда, не удается, зато успеваем

отдернуть подбородок от резкого закрута рукояти и убрать ногу с того места, куда он со всего маху втыкается. Это действительно колун, с сильно перетяжеленной головной частью.

Подходим к ясеню и хлопаем его левой ладонью по морщинистой щеке.

– Извини, брат. Кажется, я твоя смерть.

Заносим палаческую секиру и рубим сплеча.

– Буммм, – басовито отзывается ясень и щедро осыпает нас листьями, веточками и гусеницами.

Лезвие отлетает от ствола. То ли угол атаки выбран неправильно, то ли выданное орудие поставленной задаче не соответствует. Может, все вместе. Вкупе с отсутствием дровосечного навыка. В музыке это называется бекар.

Что делаем, когда задание в настоящих условиях явно невыполнимо? Правильно, изучаем, возможно ли было другое толкование. Как звучала наша задача? Повалить ясень. А сверхзадача? Пустить на дрова. И это именно тот счастливый случай, когда сверхзадача значительно проще самой задачи.

Ясеню, правда, от другого решения не легче. Аутодафе усекновения главы ничем не слаще. Ммм, нет, аутодафе, это если бы он сам. Ладно, пусть будет сожжение на костре против четвертования. Зато напоследок можно вообразить себя этаким Джордано Бруно. Хоть горько, но гордо.

Отправляемся в ближайшие заросли. Возвращаемся с охапкой хвороста и жменей бересты. Обкладываем ствол. Охлопываемся. Черт, а чем зажигать? Осматриваемся. На соседних участках безлюдно, вьющихся дымков не наблюдается. Огнива у нас тоже нет. Так, и чем их там высекают, искры? Каким-то белым камнем вроде. Выискиваем на центральной дорожке, выковыриваем, пробуем. Искры действительно высекаются каким-то белым камнем. Который при этом источает ядовитый запах. Ну а кому понравится, когда бьют? Находим ему пару, чтобы усилить эффект вдвое.

Присев на корточки у корней, колотим одним белым камнем по другому. Камни слабо искрят и все сильнее воняют. А чего злиться? Давайте нормальную искру, мы и отстанем. Нужны вы нам сто лет. Наконец, до них доходит, чего мы добиваемся.

Тоненькая полоска бересты вспыхивает, огонек переползает на соседние, лижет сухие веточки, с потрескиванием взвивается, и костер занимается вкруговую. Замыкая в себе и топорище забытого у ствола колуна.

Пламя дотягивается до нижних ветвей, карабкается по коре выше, и вот окрестный пейзаж оживляется взметенным мощным факелом. Минут десять радует он глаз своей неукротимостью.

Заодно сгорает и забор по всему периметру. Сарайка с банькой избегают ослепительной участи. Знать, их удел – гнить дальше. По крайней мере, до появления следующего добросовестного рекрута, четко знающего, что всякое задание должно быть выполнено. Даже вперекор своей принципиальной невыполнимости.

Через полчаса на дорожке показывается бегущий старикан. Рот раскрыт, глаза выпучены, френч не застегнут. Сапоги, правда, обуты.

– Ты… ты… – начинает он еще на подбеге.

Поднимаем брови:

– Кто ж еще?

– Ты что сотворил, вредитель?

Надуваем губы:

– Сказано ж было, на дрова пустить.

Старикан слегка осекается. Слова в самом деле его собственные. А поставленная задача не должна допускать толкований. Подчиненному нельзя доверять выбор. Что правильно, определяет исключительно старший по званию. *Я начальник – ты дурак. Ты начальник – я дурак.* Приходится признавать свои ошибки.

– Знаешь, – говорит он раздумчиво, – я человек прямой. Добро бы ты где-нибудь достал бензопилу и раскатал дерево, особо не напрягаясь. В конце концов, ловкость тоже полезное качество. Каким тебя уродили, конечно же, не твоя вина. Но скажу откровенно, по-моему, ты настолько тупой, что научить тебя ничему невозможно. Так что ступай не солоно хлебавши. Пока я тебе то, чем хлебают…

Фраза повисает в воздухе.

Пожимаем плечами:

– Выходит, не судьба стать сильнее.

И понуро удаляемся по дорожке.

Когда скрываемся из виду, раздаются веселые колокольчики навигатора.

ЛИЧНОСТЬ

СПОСОБНОСТИ:

6. Интеллект 3

ЗДОРОВЬЕ:

54 хита

Ситуационный модификатор: 3.

Персональный модификатор: 2.222(2).

Ситуационное соответствие: 0.74(074)

Получается, не прав ты, старикан, способность к обучению у нас в норме. И вместе с выносливостью уже соответствует местному общему уровню.

Проходим участки с дощатыми постройками, огибаем липовую рощу и выбираемся на основную дорогу, идущую в этом месте на спуск. Внизу, по дну поперечного оврага, протекает ручей, наверняка именуемый здесь речкой. Высокий мост, перекинутый на ту сторону, сильно обветшал и многажды латан, но в основе своей все-таки не деревянен, а железобетонен. Значит, дорога магистральная, по крайней мере, таковой была. У въезда на правой обочине путника встречает покосившийся указатель с неряшливо подкрашенной надписью: «Надоль».

Другой берег не в пример круче. Дорога просто так на подъем не вскарабкалась бы. Пришлось прорывать для нее ущелье. Справа на гребне кособочатся обычные деревенские избы, слева доживают свой век какие-то полуразвалившиеся коровники. Но может, и конюшни. Потому как по-над самым обрывом, у квадратного строения с двумя стенами (весовая, ведь?), пасется белый конь. Или сивый мерин, отсюда не видно.

Ммм, если честно, нам и вблизи их не различить. В голове всплывает почему-то: еще и конь не валялся. Но это явно по другому поводу.

В начале подъема, целеустремленно вытянув руки вперед, на дороге ничком лежит здоровенный бугай человечьего рода. Вокруг с визгливыми криками суетится дебелая деваха в коротком линялом сарафане, попеременно, то пиная его по ребрам кокетливым полусапожком самодельной работы (в простонародье опорок), то охаживая по могутной спине и ниже уже знакомой металлической петлей.

Из тех слов, которые удается разобрать, к печати пригодно только одно, зато какое роскошное!

– …… Ирод!.....

Так что мы уже и не знаем, как его теперь именовать. Ну да ладно, первое слово дороже второго.

Бугай никак не реагирует, лишь что-то бурчит в землю. Кажется, недовольно. Но не факт, бугаи существа загадочные.

– Что, всех цыплят передавил? – интересуемся, поравнявшись.

– Чево? – вскидывается деваха с петлей в руке.

– Пардон, не хотел отвлечь.

То ли ловко ввернутое французское слово производит впечатление, то ли деваться ей больше некуда, но она меняет тон.

– Слышь, паря, помоги.

– Пинать или сверху наворачивать?

– Поднять его надо.

– А не лучше ли ему тут… ээ… отдохнуть?

– Ну, ему-то, может, и лучше, только если он до кузни не доберется, кузнец попрет его с работы. Грозился уже.

– А что, он и в таком виде к работе способен?

– Кузнецовы проблемы, с меня главное, чтоб заявился.

– А работа в чем заключается?

– Работа простая. Молотом махать, да готовое разносить.

Сегодня мы все утро только и знаем, что тренируемся. Взяться за еще одно дело – по виду совсем неподъемное – это надо решиться.

– Ромео? – киваем мы на распростертое тело.

– Каво?

– Ну, возлюбленный?

– Да чтоб он сдох! Братан.

– А здесь как оказался?

– На работу шел. Дошел, докуда дошел. Не тупи, паря.

– Но почему шел-то оттуда?

– А-а. Он на дачах ночует. Ну, когда переберет. Там редиски побольше. Как проспится, так на работу. Я по утрам из окошка слежу, чтоб добрался.

Она изящно кажет отставленным мизинцем на крайнюю беленую хату вверху правого косогора.

– А сегодня, получается, не проспавшись, двинулся?

– Да какое не проспавшись, уже к обеду. С утра, верно, добавил. Железяка в руках была, еле вырвала. Видать, заказ передали, вместе с оплатой.

Ну, спасибо, старикан, еще одно задание подкинул. И опять в своем духе. Завязать бы тебе этот хомут на шее. Мертвым узлом, чтобы никогда не снялся.

– А кузня далеко?

– Да рядом. Со взгорка налево, там эмтээс, кузня прям за воротами.

– Что, говоришь, там?

– Ну, комбайны да трактора старые за забором. Эмтээсом зовут. Ты с городка, что ли?

– Нездешний я.

– А-а.

Она, похоже, не знает, как в сложившихся условиях к этому отнестись. Поэтому оставляет без внимания.

Ни с того ни с сего, бормочущий бугай вдруг мощно взревывает: «Завсегда!» и принимается подтягивать под себя ноги. Зад начинает возвышаться, переходя чуть ли ни в положение «на корточках». Передняя часть, правда, все еще лежит, приникнув к мать сырой земле.

– Встает-встает! – радостно вскрикивает деваха и вцепляется в правую руку. – Подсобляй!

Ничего не остается, как ухватиться за левую. Совместными усилиями заводим их за спину, словно крылья, и выворачиваем вверх. Грудь слегка отрывается от дороги, но поникшая головушка чересчур тяжела, а молодец нетерпелив. Он устремляется вперед. Будь склон в обратном направлении, что-то и вышло бы. По крайней мере, произвело больше впечатления.

Пропахав лицом с метр, он снова вытягивается во всю свою длину. Примерно так передвигается гусеница, но та повторяет эти движения без остановки. Бугай же замирает и даже прекращает бормотать. На сегодня подвигов достаточно?

Деваха пинает его в бок, но без энтузиазма. Так, для порядка.

– А к купаниям он как относится? – спрашиваем мы.

– Ну как, не любит, естественно.

– Тогда, может, попробовать водой окатить?

– Попробуем, – вздыхает она. – Только ты не уходи, я мигом.

Она лезет напрямую по косогору. На середине склона оборачивается и кричит:

– Следи, чтоб в другую сторону не развернулся!

Киваем и отводим взгляд. С противоположного верха на нас косится белый конь. Он же сивый мерин. Верно, цирк. Брайан на ковре. Положено, вообще-то, во всю ржать. Но видимо, сам номер уже заезжен.

Возвращается деваха по дороге. С двумя полными ведрами в руках. Одно опускает на обочину, другое махом выплескивает на бугая.

– Ух! – восклицает он и без посторонней помощи проделывает колено гусеничного хода. Целое, но только одно.

Деваха выплескивает второе ведро.

– Нах! – убежденно отвечает бугай и остается совершенно недвижим.

Следует искать другие пути. Возможно, это та ситуация, которую умом не осилить. Надо просто тащить. Но волоком точно не получится – больно объект тяжел. Если он не будет перебирать ногами, с места мы не двинемся. Нужно поднимать и подставлять плечо.

Но за что? Волосы пострижены почти под корень.

– Слушай, – обращаемся к девахе, – уши у него крепкие?

– Ну, батяне за все детство не удалось оборвать.

– Тогда по моей команде ухватываешься как можно крепче за оба и тянешь вверх. Главное, головой ему не давай вертеть.

Так, опускаемся возле бугая на одно колено и закидываем его левую руку на свое плечо.

– Давай!

Деваха приседает справа, вцепляется в уши и рвет на себя, как уздечку.

Бугай произносит и «ух», и «нах», пытаясь вывернуться, затем отрывает лицо от поверхности и начинает подтягивать задние копыта.

– Еще чуток!

Деваха с напряженным мычанием добавляет усилий. Бугай почти вскидывается на дыбы и резко ломится вперед. Подставить плечо под его грудь мы не успеваем. Будь опять же склон в обратном направлении, и без того прекрасно бы обошлось.

Пробежав с недовыпрямленным корпусом метров пять, бугай врезается в дорогу. Земля ощутимо вздрагивает.

Уф.

– Вторая попытка, – объявляем мы, пока деваху не навестило сомнение.

Подходим, опускаемся на колено, закидываем руку себе на спину.

– Давай!

Она рвет за уздцы, бугай вскидывается и сноровисто ломится вперед. Но на этот раз мы подныриваем под его грудь и, поддерживая ее на спине, бежим вместе. Если сейчас остановимся, застокилограммовая туша нас просто задавит.

Сверху раздается заливистое ржание. Такого элемента в номере, видать, еще не было.

Пробегаем чуть более трети склона, далее делается совсем невмоготу. Хотя мы, можно сказать, ускользаем от туши, но поддерживать ее в вертикальном положении все-таки надо, поэтому как минимум половина веса остается на наших плечах.

Резко отрываясь, падаем влево. Бугай галопирует в одиночку еще метров пять.

Лежим на дороге, пока не подходит деваха.

– Гы-гы-гы, – говорит она, – здорово у вас получается на пару!

Поди разберись, насмешка или завуалированный комплимент?

Но вставать в любом случае надо.

Подковано-копытного на левом обрыве не видно. Наверно, отправился разносить новость. Никакой он не белый конь, типичный сивый мерин.

Минут через десять повторяем маневр. Осиливаем чуть менее еще одной трети.

Отдыхаем с четверть часа.

Последний рывок. Падаем уже на гребне.

Лежим минут двадцать. Прямо посреди развилки. Основная

дорога, с деревянными домиками по обеим сторонам, уходит дальше, а влево от нее ответвляется совсем не короткий тупик, упирающийся в покосившиеся ворота, за которыми ржавеет сиротливыми кучками вся бывшая сельская механизация.

Но наверху становится полегче. И не только оттого что подъем кончился. Бугай немного приходит в себя, и при очередной постановке на дыбы ему удается, наконец, полностью выпрямиться. Его, конечно же, еще нещадно мотает из стороны в сторону и постоянно заносит, но он уже не валится фатально вперед. Полуобняв своего нового друга, он даже затягивает какую-то песнь с неразборчивыми словами и неуловимой мелодией, с лихвой компенсируя недостатки чувством и громкостью. Проще выражаясь, бодро орет нам в правое ухо.

До ворот добираемся меньше чем за час. Значит, описанная по пути кривая, не столь замысловата, как казалось в процессе.

Толкнув створки ногой, бугай едва не опрокидывается навзничь, но удерживается. Вернее, мы его удерживаем. Ворота со скрипом разъезжаются. Неподалеку от входа стоит приземистое бетонное сооружение, с кучами разноформатных железяк вокруг. Ведущая к нему дорожка усыпана угольной пылью.

При виде места своей деятельности бугай наполняется гордостью.

– Сам, – отчетливо выговаривает он и отодвигает нас в сторону.

Зафиксировав направление, бежит к кузнице. И можно сказать, добегает. Потому что падает уже на пороге, головой в распахнувшуюся дверь.

Молотобоец на работу пришел.

Выходим за ворота и опускаемся на железную скамеечку, наваливаясь спиной на забор, к которому она приварена.

– Ну, чо, – подмигивает нам деваха, – пойдем?

– Не, – отвечаем, – сидеть будем.

– Ладно, – соглашается она, – тогда за семками схожу, а то так сидеть скушно.

И вразвалку удаляется.

Звучат колокольчики навигатора.

ЛИЧНОСТЬ

СПОСОБНОСТИ:

1. Сила 3

ЗДОРОВЬЕ:

56 хитов

Ситуационный модификатор: 3.

Персональный модификатор: 2.333(3).

Ситуационное соответствие: 0.777(7)

Тычем пальцем в перо.

Да, желаем перестраховаться.

Потом касаемся ландшафтного символа.

Появляется карта, озаглавленная «Поселок». Про Надоль ни слова. Местный, что ли, топоним? Или картографирование велось с упором на родовую сущность, а не на видовые различия?

Направление на загадочный терминал указано строго на север, а единственная тут дорога ведет на восток.

Если сориентироваться на местности, первый располагается где-то у нас за спиной, а вторая уходит влево.

Однако ежели мы желаем, чтобы вернувшаяся с «семками» деваха нас не застала, пора уж решить, куда двигать.

Или просто двигать.

Отрываемся от скамейки. На кладбище металлолома не хочется, назад к развилке тоже не тянет. Следуем вдоль забора влево. Направление на терминал не смещается. Значит, он не за оградой, а много дальше.

Тропа вьется между беспорядочно разбросанными строениями. В каком-то смысле, это тоже улица – дома к нам повернуты не задом – только очень извилистая. Кое-где она сужается до предела, изредка же, наоборот, раскидывается целыми полянами, большую часть которых занимают обычно болотца с камышами и громкоголосыми кваками.

Людей не видно даже на огородах. Наконец, на глаза попадается копающаяся в палисаднике перед покосившейся избенкой старуха.

– Бог в помощь! – вспоминаем мы принятое приветствие.

Она медленно распрямляется, держась за поясницу, смотрит, потом отвечает:

– Ступай, солдатик, ничего у меня нет.

Ладно, ступаем.

На взгорке дорожка заворачивает влево и ныряет вниз, описывая загибающуюся уже вправо дугу. В нижней части петли у раскрытых дверей бревенчатого сарая с высокой крышей стоит старик. Дождавшись, когда мы приблизимся, спрашивает:

– Молочка хочешь?

Вслушиваемся в себя.

– Да вроде нет.

– А чего ж, вина, что ли?

– Тоже обойдусь.

Старик выпячивает нижнюю губу и отворачивает голову.

– С тобой каши не сваришь.

– Какой еще каши?

– Пшенной. На молоке.

– А в чем проблема-то?

– Да корова который уж день горькое молоко дает. Вот и сейчас все нету и нету. Видать, полынь свою где-то жрет. Пошукал бы ты ее, а?

Старик смотрит на нас с надеждой.

В нашем деле от предложенных заданий не отказываются.

– Как выглядит? – интересуемся деловито.

Он задумывается.

– Ну, как называется, так и выглядит. Рога, копыта, хвост – с кем тут перепутаешь? Да и ума у ней не больно много, чтоб кого другого из себя строить…

– Окрас-то какой? – обрываем мы, похоже, развеселившегося старика.

Он опять задумывается.

– Ну, мы ее буренкой кличем.

Так, значит, цвет бурый. Ближе к коричневому.

– С какой стороны начинать поиски?

– Обычно она у речки пасется. Но сейчас там нету, я с огорода выглядывал. Может, дальше по берегу ушла.

Он кивает за спину и влево. Для нас это вниз и по ходу.

Для начала идем вниз. По узенькой тропинке вдоль загородки из жердей. Прямо по отчетливо выраженным следам от раздвоенных копыт. У черта, кажется, точно такие же. Рога и хвост тоже есть. Но в отличие от коровы, он способен менять облик. И вряд ли станет расхаживать по окрестностям в своем природном виде.

С угла огорода открывается обзор на широкую речную пойму. Слева далеко просматривающийся луг. Никого на нем не пасется. Справа вдоль берега густые заросли того же ивняка. По кромке вьется тропинка.

Двигаем по ней, высматривая следы. Следов на влажной земле много, и не только от раздвоенных копыт. Здесь же пробегало босоногое детство, кто-то что-то тащил волоком, да и сивый мерин не забыл оставить глубокие отпечатки своих подков. Метров через триста прибрежные заросли заканчиваются, и дальше снова тянутся заливные луга. На которых опять же никого не пасется.

Все ясно, рогатая скотина укрылась на поросшем ивняком мыске.

Надо прочесывать. Хорошо бы цепью, тогда бы точно не ускользнула. Но у нас есть сопутствующий ориентир – полынь. Запах должен быть соответственно горьким. Как у тубероз или

абсента. Жаль, мы знакомы с ними лишь понаслышке.

Углубляемся в заросли. За час исхаживаем их и вдоль, и поперек. Шарим по кустам, высматривая коричневое и вынюхивая горькое. Где-то впереди все время что-то противно звякает. Черт нас что ли по чащобе водит?

Коричневое в глаза не бросается, тянет прелыми листьями да водяной гнилью из бочажин. Неожиданно к этим запахам примешивается новый. Останавливаемся, пытаясь идентифицировать. Что-то очень знакомое, не раз, конечно же, нюханое.

Опускаем глаза. И точно, на земле лежат две свежие коровьи лепехи, в одной из которых мы и стоим, вляпавшись всем левым ботинком. Вторая располагается чуть далее. Через две точки можно провести лишь одну прямую. В том направлении и устремляемся. Из кустов выбрасывается нечто бурое и с жестяным бряком ломится вперед.

– Стой, скотина!

Корова переходит на брыкающийся галоп, но от Брайана не уйдешь. Догоняем и ухватываем норовистое животное за рога. Оно принимается мотать головой. Гнем к земле.

– Муу! – обиженно говорит корова. Уж и пошутить нельзя.

Отчего ж, пошутить можно. Мы не в претензии.

Переносим правую руку на левый рог, левую снимаем и ведем волоокую Европу под закатными лучами солнца обратно в стойло. Она покорно следует обок, меланхолично жуя и позвякивая жестяным колокольчиком на шее.

Стоп. Коровой, вернее, быком, там, наоборот, был Зевс, как раз и увезший на своей спине красавицу Европу на Крит. А волоокая это вообще кто-то другая. Черт, какой образ загубили. Двойной, с аллюзией на Шпенглера.

Ладно, корова, пойдем по-простому.

Поднимаемся по склону вдоль огорода.

Старик, завидев нас, выбегает из ворот, вцепляется буренке в правый рог и, покрикивая: «Цыля! Цыля!», загоняет в сарай.

– Где нашел? – спрашивает у нас.

– В ивняке на берегу.

– Ну слава богу, молоко сегодня нормальное.

Заметив вопросительный взгляд, поясняет ход своей мысли:

– В сырых местах полынь не растет.

Выходит, зря мы принюхивались. Хотя, почему зря? Вынюхали все-таки.

– Мог бы и предупредить, что она с колокольчиком, – произносим с ленивым упреком.

– Дык говорил ведь, что блудливая, куда ж ей без ботала?

– Ладно, я переночую у тебя?

– Да вон сеновал свободный. Лезь, коли хошь.

– И тебе спокойной ночи.

Забираемся наверх. Навигатор радует сообщением об очередном повышении наших характеристик.

ЛИЧНОСТЬ

СПОСОБНОСТИ:

5. Восприятие 3

ЗДОРОВЬЕ:

58 хитов

Ситуационный модификатор: 3.

Персональный модификатор: 2.444(4).

Ситуационное соответствие: 0.814(814)

В наступающей темноте перезаписываемся, снимаем ботинки и под звуки мерно доимой внизу буренки отключаемся.

Глава V

– Ку-ка-ре-ку! – орет кто-то с напрягом и чуть ли не в ухо.

Петел, так его, взлетевший на сеновал, чтоб подальше было слышно. Обнаружив нового постояльца, настраивает себя на выяснение, кто круче. Чего-то кулдычит, трясет гребнем и бородой, топчется на месте и распушает перья – петушится, одним словом.

Нет, дружище, биться мы с тобой не будем.

Обуваем башмаки, уклоняемся от атаки и спрыгиваем с сарая.

– Ку-ка-ре-ку! – оглашаются окрестности победным кличем.

Да-да, равных тебе нет. Даже в супе.

Старика не видно. Ни во дворе, ни в окнах домика, ни на огороде. Открытый сарай тоже пуст – буренка уже отправилась на поиски полыни. Прощаться не с кем.

Не желая разбираться с калиточной щеколдой, перемахиваем забор и продолжаем прерванное вчера движение.

Петляющая дорожка постепенно спрямляется, образуя обычную сельскую улицу, которая выходит на широкое более или менее открытое пространство. Похоже, центр поселка. К краям жмутся одноэтажные шлакоблочные бараки, в середине возвышается нечто сильно обугленное двухэтажное, отчего-то не сгоревшее до конца, вопреки своей бревенчатости. Загадка.

На дальней от нас стороне среди деревьев проглядывают опять же бревенчатые, но одноэтажные, строения. Тоже крайне потемневшие, однако не от огня, а от старости с сыростью. Все они явно заброшены, за исключением переднего с когда-то крашеными в зеленый цвет окнами и дверью.

Нигде никого нет. То ли еще не встали, то ли, наоборот, уже ушли. В поля?

Справа в площадь вливается дорога, слева из нее выливается. На северо-восток. Сверяемся с планом навигатора. Направление на терминал сместилось к северо-западу. Получается, нам по дороге с последующим поворотом снова налево.

Но для начала дорога загибается вправо и ныряет вниз.

Слева открывается мощное промышленное сооружение из темно-красного кирпича с высоченной трубой. Кажется, фабрика, а не завод. Хотя непонятно, почему. В любом случае, предприятие давно закрылось.

Спускаемся вдоль кирпичного забора с декоративными башенками и выбираемся к мосту, похожему на тот, что мы видели на въезде. На другом конце, на обочине, опять стоит указатель, но табличка развернута не в нашу сторону. Проходим и оглядываемся. Надпись та же: «Надоль», но с пририсованным знаком вопроса.

Дальше дорога карабкается на подъем, круто заворачивающий влево. На самом верху образует некую площадь на берегу лягушачьей заводи, обогнув которую, берет вправо и переходит в улочку с деревенскими избами.

Несмотря на крайнее свое местоположение, площадь, видимо, центральная, потому что, наверняка, единственная. Справа, прямо перед затянутым ряской прудом, имеет быть очень странный дом, каких видеть нам еще не доводилось. Сам по себе дом-то достаточно обычен, может, чуть просторнее, чем большинство, да в ограде две собачьи будки вместо одной, но в пробитую крышу ему вставлен огромный золоченый крест на растяжках. Все-таки нашли куда его приспособить.

На левой стороне площади располагается строение попроще, павильонного типа, но тоже не без изыска. Обнесенное сплошным шиферным забором, крашенным в ярко синий цвет. К закрытым воротам приколочен какой-то пластиковый лист, на котором старательно выведено: «Торговый центр ХАРИНО».

По канону в лавках продается оружие, броня, зелья и, случается, магия. Сюда же сбываются трофеи.

Толкаем створку. Отходит она без скрипа, но с заполошным звякобряком из павильона, куда, через просверленную в стене дырку, от ворот тянется шнур.

В окне рукописный плакат:

ПЕЙ АКТИМЕД И НЕ КАШЛЯЙ!

Реклама, однако.

Входим внутрь. Над головой опять взбрякивает своим содержимым пляшущая на веревочке ржавая банка. Из-за прилавка, положив мясистые руки на стойку, в упор смотрит мужик с круглой лоснящейся мордой.

– С ранья невтерпеж? – приветствует он нас вопросом.

Если это по поводу заехать ему в просящее рыло кирпичом, то пока вроде бы не за что. Посему в качестве ответа неопределенно пожимаем плечами и начинаем оглядывать товары.

Их, откровенно сказать, не в изобилии.

За стойкой в углу на пластмассовых плечиках весит брезентуха повседневной носки. На самодельной этикетке так и указано: «Роба». Ниже накарябана цифра 3. То ли цена, то ли

наличное количество экземпляров.

На полке выставленные в ряд бутылки и табличка: «Актимед 1». Видимо все-таки, цифры относятся к цене, потому как бутылок с целый десяток.

Под стеклом витрины небольшая стопка брошюр с названием: «Спасем братьев наших меньших». Ценник тоже не затейлив: «Бумага 2».

– Деньги тут у вас где берут? – спрашиваем кругломордого.

– Нигде не берут, свои имеют, – отрезает он и опускает правую руку под прилавок. Там что-то гремит, возможно, нащупанный топор.

Дабы успокоить хозяина, отворачиваемся.

Вот это да!

В угловом застекленном шкафу стоит двуручный меч ростом нам под подбородок и шириною в ладонь, если класть ее поперек клинка.

С этим-то ратоборным мечом на плече и представляется былинный богатырь, возвращающийся из похода к басурманскому становищу.

– Много ль накосил Илюша? – шутливо спрашивают работающие в поле сельчане.

– Да я их косил, а не считал, – благодушно отвечает добрый молодец.

Нам таким махать, пожалуй, не под силу.

– Почем кладенец? – поворачиваемся к хозяину.

– Не про тебя вещь, – еще больше расплывается тот мордой. – Тыщу услов кузнецу и сто заведению.

Цены тут, значит, меряют в услах. Ладно, не в уях.

В сопровождении двойного звукобряка выходим на харинскую площадь.

Касаемся пальцем ландшафтного символа на интерфейсе навигатора. Направление на терминал западное. В поперечный проулок прямо по ходу нашего движения. Туда и устремляемся по вихляющей тропке.

Через пару домов проулок обрывается, выходя в чистое поле. На отшибе слева дощатое строение без забора и огорода. Справа на обочине очередной столбик, но на этот раз в самом деле с указателем. На табличке нарисована стрелка вверх, рядом с ней написано: «Нарынок». Почему-то слитно. Возможно, устойчивое сочетание перешло здесь в разряд наречий.

– Сынок, – раздается слева, – наконец-то, я тебя дождалась.

В окно последнего домика выглядывает старушка и призывно машет сухонькой ручкой.

– Меня? – удивляемся, приблизившись.

– Тебя, тебя, кого ж еще,– тараторит она, – здесь никто и не ходит уже.

– А что на рынок больше никому не нужно?

– Да нету там рынка давно, как харю нагнали, так и кончился.

– Какую харю?

– Чи к лабазнику по пути не заглядывал?

– В торговый центр-то? Заглядывал.

– Лико евонное видал? За три дни не описаешь.

Старушонка мелко хихикает.

Так, этимология понятна. Харю, получается, и саму положено с заглавной буквы. С большой, то бишь.

– Меня-то чего ждала?

– Да плоха я стала, ноги совсем не ходють. Надо бы лекарю показаться.

– И что, на горбу тебя нести?

– Да зачем? Каталка ж у меня имеется. Прям за домом и стоит.

Заглядываем за угол. Действительно, к стене прислонена опрокинутая тачка об одном колесе. Переворачиваем, выкатываем. Транспортное средство не тяжело, но до визга скрипуче.

– Есть чем смазать? Солидол, например.

– Откуда, чи я тележникова вдовица?

– А чья ты вдовица?

– Лесникова. Погодь, может, змеиным ядом?

– Лучше пиявки, или уж сразу припарки.

– Ну, а барсучий жир пойдет? Я им тоже колени мажу.

– Пойти-то пойдет, но будет ли с того прок, так сразу и не скажешь. Пробовать надо.

Она полускрывается, шарит где-то внизу, вероятно, под кроватью, и вытаскивает темно-коричневую баночку.

Откупориваем, выковыриваем палочкой и напихиваем во втулку. Крутим колесо взад-вперед. Немного покочевряжившись, оно перестает визжать и даже смягчает ход.

– Подложить найдешь чего?

– А как же, – протягивает она приготовленное стеганое одеяльце.

Расстилаем и вздыхаем:

– Ну, карета подана, пожалте во дворец, принц уже заждался.

– Хи-хи-хи, – заливается лесникова вдовица, – прынц!

Подходим к окошку вплотную, она уцепляется нам за шею, подхватываем и легко вытаскиваем. Усаживаем в карету.

– Куда править-то?

Она поднимает руку и роняет ее вперед.

– В амбулаторию.

Едем обратно. Выезжаем на площадь. Двери харинового заведения теперь широко распахнуты.

– С ассортиментом-то у Хари не богато, – заводим разговор.

– Да он все больше на заказ торгует. Чего попросят, то и выискивает, пока не найдет. Вишь крест на молельном доме? Харя и привез откуда-то.

– На телеге привез?

– На ней, на ней, – подтверждает она.

– А ты чем живешь?

– Скорнячу понемногу. Из тех шкур, что от мужа остались. Так все и кличут скорнячихой.

– И чего скорнячишь?

– Да в последнее время больше даже и не скорнячу, а кожевничаю. Портупеи в перехлест, у городошных на них спрос.

– Городошные, это кто такие? – спрашиваем.

– Ну, те, что в городке живут, там где рынок был.

– А зачем им портупеи?

– Ну, рынок-то потом был. А сначала военный городок. Они там и маршировали, и жили, пока все не развалилось. А портупеи как память.

– А давно военные были?

– Тут непонятно, я-то не помню, мне прабабка рассказывала. А Харя так сам там служил.

– Сколько ж ему лет, получается?

– Ничего не получается, он раза в три меня моложе. Говорю ж, непонятно. Речи у нас об этом заводить не принято.

Скорнячиха принимается вертеть головой по сторонам.

Из ворот молельного дома выходит волосатый мужик в темной юбке. Наверное, подрясник. И глядя на нас, затягивает нараспев:

– Покайтесь, заблудшие, грехи отягощают душу!

– Чего это он? – косимся мы.

– Чего, чего? – отвечает она вполголоса. – Пожертвований просит. Ехаем быстрее, а то еще собак спустит.

Ехаем быстрее. Устраивать побоище под сенью креста как-то не по-христиански.

На спуске приходится больше тормозить, за мостом – напирать.

– А тут чего было? – интересуемся возле кирпичного предприятия.

– Фабрика. Камвольная.

– Это как?

– Сукно хорошее пряли. На мундиры.

– Офицерам, что ли?

– Да то еще раньше было. Когда дворяне ко двору являлись. После, правда, уже генералам, но здесь таких не водилось.

– А потом?

– Потом все развалилось.

– Отчего?

– Кто ж знает, – вздыхает она. – Давай лучше о веселом.

– Давай, – соглашаемся, напрягаясь на самом крутом месте.

– Вишь горбатый идет? Щас посмеемся.

Навстречу нам в самом деле спускается мужик, полный кавалер ордена Сутулова.

Поравнявшись, скорничиха резко выбрасывает руку:

– Дай за горб подержаться!

Мужик от неожиданности слегка отшатывается, сходит на обочину, затем отвечает:

– А на что тебе? Ты и так, я смотрю, счастливая.

И долго хохочет нам вслед.

– Тут навскось можно, – кивает скорнячиха на тропинку, уходящую влево.

Едем навскось, виляя меж кустов. Вскоре выбираемся к торцу бревенчатого дома с зеленым окном. Огибаем угол и подкатываем к зеленой же двери.

К двери прибита фанерка, на которой каким-то углем нацарапано: «Сегодня прием в городке».

– Вот незадача, – вздыхает, поджав губы, скорнячиха. – Если б взяли от дома в другую сторону, уже бы там были. Лекарь-то у нас один на всю округу, и никак не угадаешь, где принимает. Разве что к коновалу заехать?

– А тот где принимает, на конюшне?

– Не, на дому. Это у нас в деревне, поближе к середине.

– Ладно, поехали назад, там разберемся.

Народу на обратной дороге попадается поболее, и каждый встречный весело интересуется:

– Что, скорнячиха, катаешься?

– Катаюсь, катаюсь, – отвечает она, – хочу вас запомнить напоследок. У кого прыщ на носу, а у кого штаны сзади порваны.

Хохотать нам вслед уже никто не хохочет.

Через полчаса взъезжаем на харинскую площадь.

Из ворот молельного дома выходит длиннополый мужик и направляется к торговому заведению. На ходу осеняет нас отмашистым крестом и благодушно тянет, не поворачивая кудлатой головы:

– Не отчаивайтесь, дети мои, Господь вас не забыл!

– Слава богу, – радуется скорнячиха, – набрал-таки пожертвований.

– Куда, говоришь, к коновалу-то? – напоминаем мы ей о цели.

– За четвертой избой слева тропинка на зады. Она и выведет.

Доезжаем, сворачиваем. По узкому проходу добираемся до раскрытых ворот не шибко казистого дома. Вдоль завалинки лежит бревно, очевидно, для ожидания. На закрытых дверях опять же на прибитой фанерке прейскурант: «Вросший ноготь – 1 бут., больной зуб – 1 бут., общее кровопускание – 1 бут. За вход – 1 бан. огур.» Ниже приписка: «Коли нет, щас буду».

– Если ты хочешь вырвать себе зуб, нужен один бут, – говорим мы скорнячихе назидательно. – Или тебе больше поможет кровопускание?

– Уж и не знаю, – раздумчиво отвечает она, – да и раньше вечера он точно не вернется. Видать, кто-то уже приходил, так что они с отчем сейчас за столиком на задах харни этот самый бут уговаривают.

– Ну и куда тебя теперь везти, в городок, что ли?

– В городок на колесах нельзя, там на входе охрана, права требует.

– Какие еще права?

– Ну, тариф у них такой, коли туда и обратно, тоже один бут получается. В городок надо пешком, через гаражи.

– Пешком, это как?

– Ну как, как? Сам думай.

– В смысле, я пешком, а ты на мне верхом?

– Ну, так, наверное, легче, чем если на руках.

Скорнячиха пожимает плечами и принимается разглядывать табличку на дверях.

– Ладно, – говорим, – поехали. Тачку лучше у тебя оставить.

Выезжаем на улицу, катим к площади.

Из ворот харинского заведения вываливается долгополый и, оглядываясь на ходу, кричит:

– Не радуйтесь, христопродавцы, Господь вам все припомнит!

Что-то, видать, не склалось.

Доезжаем до домика на отшибе, заворачиваем за угол.

– Ну давай, лезь на закорки, только сильно не елозь, я щекотки боюсь.

– Ревнивый, значит, – подсказывает она.

– А черт его знает, – отвечаем мы.

В старушке от силы тридцать килограммов, так что она вполне транспортабельна даже этаким манером.

Выбираемся в поле. Слева оно постепенно понижается и переходит в заливные луга речной поймы. Вон в том ивняке на

противоположном берегу мы вчера разыскивали запавшую на полынь корову. Выше и правее на склон выходит задами прикольная стоянка отжившей техники.

Проселок, ведущий к городку, обильно порос травой.

– Совсем с соседями не общаетесь?

– Да они гордые, мы для них деревня.

– А они для вас?

– Они? – задумывается скорнячиха. – Да никто. Лекарь у нас вот общий. И погост. Скоро мимо пойдем.

Не то чтобы так уж скоро, но дорога упирается в оконечность выступающего слева редковатого леска с проглядывающими крестами. Прямо в прикрытые деревянные ворота, стоящие отдельно. Роль кладбищенской ограды исполняют кусты и деревья.

– Всех сюда снесут, с этой стороны или с обратной, – продолжает она свою мысль про дружбу народов.

Не совсем всех. Есть еще неукорененные, тем обрести покой, как выяснилось, потруднее. Но не лесникова вдовица заводила порядки.

Проселок, огибающий погост, далее порос уже лебедой. За поворотом открывается вид на городошные огороды и гаражи.

– В гаражах-то у них что?

– То же, что у всех в сараях. Кто чего-то мастерит. Остальные хранят хлам да картошку.

Дорога загибается к противоположному входу на погост. Ворота здесь уже из листового железа, но так же существуют сами по себе.

Посыпанный шлаком путь ведет вдоль гаражей, потом скрывается за ними.

– Нам туда, – показывает скорнячиха вправо, на тропку, ныряющую в узкий проход, перекрытый в глубине двумя металлическими трубами, криво вбитыми в распор. За ними к железной гаражной стене пристроен железный же курятник с навесным замком. Изнутри сквозь сетку смотрят три печальные куры какого-то ржавого цвета.

– Ко-ко-ко? – начинает одна, склонив голову.

– Может, в поле выпустим? – сердобольно спрашивает за плечами скорнячиха. – Глядишь, они где в деревне найдут себе нормальное жилье…

– Курокрадство молодцу не к лицу, – отвечаем решительно.

Не оправдывая куриных надежд, следуем мимо.

На выходе из гаражного массива красочно высится мусорная свалка, в которой роется с десяток котов, настораживающихся при нашем появлении.

– Мое! – злобно взвывает сверху один, отъявленно разбойного вида. Остальные поддерживают его криками про то, что самим мало.

– Давай, с троих рыжих шкуры спустим, – опять подзуживает скорнячиха. – Я тебе такой малахай сошью, все девки твои будут.

– Обойдусь, не Чингисхан.

Между кубическим сооружением в греческом стиле и развалинами сложившегося панельного дома с неизвестным количеством этажей выбираемся на центральную аллею, мощенную выщербленными бетонными плитами.

Прямо напротив нас за кованой железной оградой вполне ухоженное кирпичное трехэтажное здание, крытое черепицей. У сторожевой будки исключительно знакомые лица. Упираясь мордой в закрытые ворота, стоит сивый мерин, впряженный в телегу с наваленными решетчатыми пролетами. На передке в обнимку с кнутом лежит, поджав ноги, бугай. Вокруг них бегает старикан во френче, перепоясанном портупеей, выясняя, кому теперь убирать густо рассыпанные по площадке конские яблоки. Поскольку бугай откровенно спит, старикан выясняет это, надо полагать, с мерином. Во всяком случае, последний время от времени одобрительно ржет. Знает, скотина, что его-то по-любому не заставят.

Скорнячиха от восторга аж повизгивает нам в ухо.

– Ты за кого? – спрашиваем, слегка повернув голову.

– Ну, самый умный тут конь, рази не видно?

– Ладно, ты давай амбулаторию показывай.

– Да вон она, рядом.

На той стороне площадки панельное двухэтажное строение с белыми занавесками на пыльных окнах. Подходим к закрытым дверям. К ним прибита фанерка, на которой тем же почерком нацарапано аналогичное объявление: «Сегодня прием в поселке».

– Ничего не поменялось, – вздыхает скорнячиха.

– Постой, ты о чем?

– Да как лекарь пристроился в мисю, таблички так и висят. О прошлом годе, когда кузнецов подручный порвал вожжи, а я зашивала, он меня возил сюда.

– Какая еще «мися»?

– Да я знаю? Кака-то культурна.

Она кивает на здание за кованой оградой.

– А когда он, говоришь, туда пристроился?

– Да года три, почитай.

Вывернув шею, пытаемся глянуть ей в глаза. Она ловко уклоняется за затылок.

– Слушай, не юли, тебе, ведь, все это было известно?

– Известно-то известно, да вдруг чего изменилось? А теперь я точно знаю, что все верно запомнила. Коновал вот раньше огурцов не брал. Стареет, видать.

Брайан мощно выдыхает, выгоняя зародившуюся было злость.

– Не серчай, – добавляет примирительно лесникова вдовица. – Тебе не в особую тягость, а я там расскажу, что ты хороший.

Брайан усмехается.

– Да меня туда, может, и не пустят.

– Да что ты, – всплескивает она руками, – у тебя ж подвиг впереди, я чувствую.

– Ты крыльями-то не маши, а то взлетим.

По-одвиг. Брайан привык мыслить проще. Найти и завалить дракона. Чтоб не пульсировал самовлюбленно рогом. Никаких подвигов, это личный вызов.

Скорнячиха опять уцепляется за наши плечи.

Оглядываемся.

– Ну что, обратно нести?

– Да тебе, вроде, сюда нужно было.

– Сюда.

– Назад я могу с кузнецовым подручным, ему все равно мимо дома ехать.

– Да он, поди, до вечера будет спать.

– Не будет, я слово знаю. Надо только подойти. Издалека не подействует, я уже сегодня пробовала.

Подходим. Бугай по-прежнему не шевелится.

Скорнячиха свешивается с нашего плеча и зловеще шепчет над его ухом:

– А давай у этого пентюха коня сведем!

Бугай вскакивает и замахивается кнутом. Мерин с испугу лезет на ворота, телега дергается, и бугай валится навзничь в железо. Железо гремит, бугай матюкается, мерин ржет, старикан притихает.

Да, если слово заветное, его можно произносить и шепотом.

Нас бугай не помнит, зато сразу же узнает нашу наездницу.

– Ты! – радостно вскрикивает он. – Все шуткуешь?

– Я, – степенно подтверждает она. – Чего стоишь, поехали уже.

– Щас, – с готовностью отвечает бугай.

Отодвигает старикана рукой, обходит телегу, ухватывается за нижний пролет и сваливает все привезенное прямо на землю. Затем, чтобы не связываться со сложным разворотным маневром, относит задок телеги от будки. Мерин покорно семенит следом.

– Садись, – указывает он широким жестом, – с ветерком домчу!

Опускаем лесникову вдовицу в телегу. Она устраивается в сене поудобнее. Кладет ладошку нам на руку:

– Ежели чего-нибудь из шкуры или кожи надо будет сшить, заходи, расстараюсь напоследок.

Потом хлопает бугая по спине и с достоинством роняет:

– Трогай!

Бугай привстает на передке, крутит кнутом над головой, лихо выстреливает и орет:

– Не подведи, родимый!

Мерин ржет и берет с места в карьер. Телега уносится. Когда грохот стихает, слышатся колокольчики навигатора, подготовившего очередное уведомление.

ЛИЧНОСТЬ
СПОСОБНОСТИ:
7. Обаяние 3
ЗДОРОВЬЕ:
60 хитов
Ситуационный модификатор: 3.
Персональный модификатор: 2.555(5).
Ситуационное соответствие: 0.851(851)

– Шел бы ты отсюда, – бурчит старикан, собирая яблоки в совок.

Мы бы так и поступили, догадайся он промолчать. Тем более что направление на терминал указано вдоль центральной аллеи. Но здание за кованым железным забором с мачтой дальней связи на задах тоже требует изучения.

Приближаемся. На столбике ворот гранитная полированная табличка с бронзовыми буквами: «Континентальная культурная миссия».

Сквозь прутья решетки видны подметенные дорожки и подстриженные газоны. Действительно, все культурно.

Подобравшийся сбоку старикан ловит каждое наше движение. Отводим взгляд. Перед воротами, параллельно въезду, на двух вкопанных стойках, белый пластиковый щит. На нем приклеенный листок плотной бумаги с напечатанным текстом:

«Для выполнения ответственного задания требуется достаточно ловкий человек».

Если что украсть, надо, наверное, Харю звать. Но, может, ловкий не в том смысле.

Старикан снова выныривает из-за плеча. Глядим в его внимательные глаза.

– Кто у вас тут главный?

– Эва, хватил. Главного-то и я ни разу не видел.

– А кто тогда есть?

– Ну, пиарас…

– Кто-о?

– Мм, точно не знаю, но с населением он беседует.

– Ладно, зови своего, не хочу повторять.

Старикан скрывается в будке и, не спуская с нас глаз через окно, куда-то звонит.

Ух-ты, у них и телефон имеется. Наверное, и электричество какое, автономно генерируемое. Отходим, пока старикан не просверлил взглядом стекло, и гуляем вдоль забора.

По прошествии пары минут из дверей будки появляется мужчина в сером костюме с белой рубашкой и синим галстуком, оглядывает площадку и демократично подходит к нам сам.

– Я вас слушаю, молодой человек.

И не добавляет: «Гы-гы-гы!» Вот что значит культура.

Мужчина смотрит нам чуть выше переносицы, примерно в то место, в которое принято помещать точку лазерного целеуказателя при снайперском прицеле. Манера явно профессиональная.

– По объявлению, – киваем мы, слегка смущаясь, в сторону щита.

Он тщательно изучает нас боковым зрением, якобы в задумчивости, возвращает взгляд на место и спрашивает:

– Как вы относитесь к животным?

– Ээ, к братьям нашим меньшим? – удается нам припомнить. – По голове никогда не бью…

Точно, вертлявого Брайан пинал в зад.

Мужчина удовлетворенно кивает.

– Видите ли, – подбирает он слова, – они, в сущности, неразумны и потому не способны принимать правильные решения. И, следовательно, думать за них – это наш долг, как представителей ведущей расы планеты.

Покончив с вводной частью, костюмированный переходит к конкретике.

– Наши информаторы сообщают, что где-то по просеке возле поселения бродит больной волк.

– Больной волк? И что с ним?

– Видимо, запущенный кариес. Он не может нормально питаться, поэтому сильно отощал и жалобно воет.

Да, бедная волчина, с больным зубом разве кого загрызешь?

– Ему требуется срочное лечение, – продолжает наш собеседник. – Организовать выездной госпиталь в данный момент затруднительно, а местные пациента почему-то боятся. Так что

ваша задача найти его и привести сюда.

– Привести?

– Да. Соответствующее снаряжение вам сейчас выдадут. Подождите немного.

Он удаляется. Сначала в будку, затем в само здание. Сквозь забор видно, как по территории за ним семенит старикан. Через некоторое время старикан с мотком веревки на плече следует обратно, выходит из будки и останавливается у дверей. Ждет.

Мы тоже ждем. Но в другом углу площадки. По диагонали.

Старикан бросает взгляд на пустое запястье.

Мы – на темный экран навигатора.

Наконец, из открытых дверей будки доносится звонок. Старикан бросается внутрь, срывает трубку телефона, слушает, затем аккуратно опускает ее на место. Выбегает на площадку и, смиряя себя, подходит к нам быстрым шагом. Протягивает моток.

– Приказано передать тебе. В случае необходимости, рекомендовано провести подробный инструктаж. Но ты ж и сам прекрасно разберешься, гы-гы-гы!

Верно, старикан, культура – это не про нас.

– Разберусь. Поведай лишь, где просека, а то я потом непременно скажу, что ты меня совсем в другом направлении послал.

Старикан машет рукой вдоль забора в сторону от центральной аллеи.

Следуем туда, рассматривая выданное снаряжение. Обычное лассо, правда, со стопорящим кольцом на петле. Дабы и при волочении бедная животина могла дышать во все горло. Хотя почему так уж сразу лассо? Что, в наши края арканов не завозили? Зря мы, наверное, от малахая отказались. Вешаем моток на плечо и настораживаем ухо. Пока одно – не настолько же волчара охамел, чтоб заявиться прямо в городок.

Ничего особенного не слышно. Совсем рядом щебечут воробьи, впереди каркает ворона, правее за кустами кто-то хрипло орет, налегая на «р»: «Жрррать давай!», да где-то раздумчиво колотят одной железякой об другую.

За поворотом забора миссии прячется угрюмое закопченное строение, судя по высокой кирпичной трубе, котельная. Еще глубже, за изгородью из колючей проволоки, просматриваются расположившиеся в ряд дряхлые теплицы, с отсутствующими стеклами, видимо, когдатошное подсобное хозяйство. Справа от нас длиннющий пакгауз или ангар, черт их разберет. Возле закрытых ворот на глухой бетонной стене светятся красным крупные буквы, подновленные, видимо, совсем недавно.

«РАСТОЯНИЕ РАЗРЕШЕННОГО ПОДСТУПА – 50 М»

Прикинув на глаз, понимаем, что если придерживаться скрупулезно, придется обходить аж за котельной. Но на всякий случай, берем все же левее.

Под ногами битый кирпич, растрескавшийся шифер и крошево иссохшего гудрона. Пахнет соответствующей пылью.

За ангаром строительный мусор перестает покрывать землю. Здесь из нее свободно торчит сухая трава. Она что, так сухой и всходит? Прочую растительность представляют разбросанные поодиночке искривленные черные яблони, увешанные розовато-зелеными плодами. Диаметр червоточин наводит на мысль, что черви здесь толщиною в большой палец. Непонятно только, почему при таких размерах они не свешиваются наружу, разве что, залезая внутрь, тут же сворачиваются клубком.

Но яблонево поле нешироко, по происхождению это лишь полоса отчуждения. Лес же, в котором резко обломавшиеся вражьи диверсанты пускали слюни на стратегический объект, стоит сплошной стеною рядом. И лес в данный момент, похоже, непроходимый. Ладно бы просто заваленный буреломом, так еще и заросший по краю густою крапивой. В такой, наверное, и с запущенным кариесом не полезешь.

Поскольку слева крапива выходит из чащобы и забирается даже за колючую проволоку теплиц, следуем вправо. Здесь ее, родимую, кто-то косил. На щи, что ли? Метров через сто упираемся в крепкий домик, обнесенный бревенчатым забором, за которым кто-то хрюкает, мукает, кокает и гавкает – гнездо какое-то.

Перед домиком разрыв в лесном массиве, в него уходит дорожка. Заворачиваем на нее. Почти сразу же открывается вид на зачарованное озеро. Вода в нем темна и даже не шелохнется. Стоящие на другом берегу мертвые деревья отражается на поверхности, как в зеркале – со всей четкостью, но вверх ногами.

Тропинка ведет по левому берегу. Похоже, это дамба, перекрывающая глубокий овраг. Получается, озеро рукотворно и звать его полагается прудом, но язык не слушается. Ступаем по узенькой перемычке. Справа зеркальная гладь, слева крутой обрыв. Почему дамбу до сих пор не размыло, совершенно непонятно.

Тропа продолжается в заозерье. Петляет по кустам, которые то малина, то красная смородина. Иногда поперек ее пролегают полуутопленные в земле огромные сгнившие стволы, покрытые ярко-зеленым мхом, кои приходится обходить по всей длине, поскольку перекарабкиваться рискованно. Таких деревьев, чуть ли не в три обхвата, тут отродясь не водилось. Даже подобных пней не видно. Кто притащил их сюда?

Выбираемся на так называемую просеку. Это тот же лес, в котором, однако, помимо обычной растительности попадаются опоры бывшей высоковольтки, правда, уже без проводов.

Без проводов-то, без проводов, но что-то, вроде, гудит? Напрягаем оба уха. Не-ет, не гудит – воет. Вернее, повывает. Без чувства и надежды. Видать, болящий волчара устал жалобиться.

Идем влево по высоковольтной линии. Через шесть столбов лес начинает редеть, а у седьмого совсем сходит на нет, открывая пологий спуск в речную долину. Где-то на той стороне загородная дорога подступает к въездному мосту в Надоль-аль-не-Надоль, а левее, на высоком бугре, располагается меринова резиденция.

На опушке под раскидистым кустом своей ягоды сидит матерый волчище с заметно подведенным брюхом. Сидит и качает опущенной головой.

– Вот-вот, – злорадствуем мы вместо приветствия, – зубы надо было чистить. Или хотя бы хрящи когтем выковыривать.

Волчара зыркает на нас, но не отвечает. А что здесь скажешь?

– Ладно, хватит тут зад просиживать, – продолжаем мы, снимая с плеча аркан. – Ужо пойдем, лечить тебя решено. Со всей культурой. Зафиксируют, чтоб не брыкался, вставят в пасть металлическую распорку и будут то ли сверлить до самого нерва, то ли драть вместе с корнем. А может, дабы не жаловался потом по лесам на отсутствие братской заботы, сначала одно, затем другое. Любишь дантистов-то?

Волчара злобно ощеривается, даже, пожалуй, вызверивается.

Ну да, кто ж их любит?

Примеряемся – и оп-па! Аркан шелестит, разворачиваясь в полете, и обхлестывает волчинную башку петлей. Выбираем излишек, наматывая на левый локоть. Закидываем веревку на плечо и тащим. Волчара изо всех сил упирается.

Преодолевая сопротивление, наклоняемся вперед и сдвигаем-таки его с места. Неожиданно веревка резко провисает, и мы валимся ничком на землю. Повернув голову, обнаруживаем чуть ли не в метре от себя раскрытую клыкастую пасть. Углядеть в ней кариес не успеваем. Инстинктивно катимся рывком влево и на третьем обороте стартуем прямо из положения лежа.

Через тридцать метров волчара теряет к нам интерес, садится на задние лапы и принимается как-то странно мотать и дергать башкой. Присмотревшись к движениям, мы, наконец, проникаем в зародившийся замысел. Будь боль в пальце, он бы его, конечно, отгрыз, но выкусить самому себе зуб… Прав костюмированный, ты, брат, неразумен.

– Ладно, – говорим, – может, тебе сначала новокаину вкатят, дураку такому.

Осторожно возвращаемся, медленно наклоняясь, подбираем аркан. Отступаем почти на всю длину и повторяем маневр, стараясь поймать момент, когда натяжение веревки резко ослабнет.

Можно сказать, удается. Во всяком случае, падаем мы не от неожиданности, а просто споткнувшись.

Не оглядываясь, катимся влево и рвем вперед с низкого старта.

На этот раз пациент гонится за нами уже метров пятьдесят. Потом опять садится и обреченно мотает башкой.

– Да, брось, – подбадриваем его, – спорим на шашлык, что ежели не будешь тормозить, то достанешь?

Биться об заклад волчара не хочет. Даже не желает вникать в условия.

Приходиться понужать.

Но алгоритм действий несложен, векторы предсказуемы, а скорости сопоставимы. Так что приноравливаемся и за один рывок одолеваем уже метров по сто.

Когда на вечерней зорьке останавливаемся у крепенького домика возле лесной кромки, за бревенчатым забором поднимается разноголосый хай, и из ворот выскакивает мужик с навозными вилами наперевес.

– Очень хорошо, мужчина, добровольная помощь в этапировании пациента в миссию вам зачтется.

Фраза производит сильное впечатление. Пораженный культурным обращением, мужик начинает топтаться на месте, потом вспоминает вслух, что надо бы переобуться. После чего скрывается за воротами, запирая их за собою на засов, явно до завтрашнего утра.

Да ты чего, мужик? Брайан просто шутит. У нас и без помощи лихо выходит. Последний отрезок, от яблоневой полосы отчуждения до ворот миссии, вообще проходим на одном дыхании.

Дальше, правда, возникает загвоздка. В раскрытые ворота, в которые старикан как раз вносит на горбу последний из доставленных пролетов забора, волчара отказывается входить наотрез. В культуру и на аркане не затащишь – это именно тот случай.

Сам по себе, без вызова, появляется костюмированный, сопровождаемый худым встрепанным мужиком в серовато-мятом подпоясанном халате, в котором он удивительно походит на непроспавшегося санитара уездного морга. Видимо, то и есть местный лекарь, взятый в «мисю».

Оглядев волчару, костюмированный переводит немигающий

взор на лекаря, скребущего в затылке, и выносит вердикт:

– В смотровую.

Ухватываемся за веревку покрепче, но тут из-за спины в ситуацию влезает никем не спрашиваемый старикан.

– Этому, – мотает он подбородком в нашу сторону, – на территорию не положено.

И скользит взглядом по окоему. Не то чтобы чье решение смел оспаривать, а так, инструкция вдруг припомнилась.

– Верно, – со вздохом соглашается костюмированный, но взглядом не скользит, продолжая фиксировать точку над переносьем старикана.

До тех пор пока до того не доходит, что он сам нарвался. Да и мы не сдерживаем ехидной улыбки, передавая ему конец аркана:

– Завяжи его в бараний рог да отнеси.

– Не надо никого завязывать, – скучным голосом произносит костюмированный, – просто отведите.

Старикан тянет веревку сначала на себя, потом по-бурлацки вскинув ее на плечо.

Дело, конечно, нехитрое, но так, с ходу, и его не освоишь.

Собравшиеся наблюдают молча, культурно воздерживаясь от комментариев.

Наконец, костюмированный переводит взгляд на нас.

Некоторое время поморщив лоб, Брайан выдает хорошо продуманный совет.

– Пусть этот, – мотает он подбородком в стариканскую сторону, – пнет его и бежит прямо в смотровую. Волк, можно поручиться, последует за ним.

Костюмированный поднимает брови, потом кивает:

– Только не в полную силу. И сапоги, конечно же, надо снять.

Старикан отдает нам аркан, садится прямо на плиты и стягивает обувку, скрипя то ли голенищами, то ли зубами. Затем выходит на площадку, приближается сбоку к волчаре, упертому на все четыре лапы, и примеряется.

Лучше бы он действовал без примерки, тогда и зверюга, глядишь, не успела бы подготовиться.

Босая нога ложится аккурат в волчью пасть.

Следующую за этим реплику придется опустить, хотя своей витиеватостью она заслуживает внимания.

Паритетного ока за око волчаре явно не достаточно, он желает порвать обидчика на части. Кажется, он уже забыл о своем запущенном кариесе. Наверное, его никогда в жизни не пинали. Старикан, похоже, тоже ни разу не хаживал на волка, во всяком случае, босиком и с пустыми руками. Он разворачивается и,

оставляя правой ступней кровавые следы, вспугнутой ланью несется в здание. Волчара, оскалив клыки и плотно прижав уши, длиннющими прыжками стелется следом. Старикан с лету распахивает дверь, волчара скрывается в проеме за ним. Туда же гуськом вбегают и костюмированный с лекарем.

Спокойно входим на территорию и проводим беглый осмотр.

Через открытые окна на закате хорошо слышен перемежающийся с этажа на этаж топот, грохот пинаемых с разбегу дверей, скрежет сворачиваемой мебели, шум падающего, звон бьющегося, какие-то визги, на слух совершенно женские, грозные приказания: «Стой! Держи! Заворачивай!» и просто крик от души: «Падла!»

Найдя сложенные за гаражом металлические пролеты, одним из них под шумок выворачиваем из дальнего забора пару прутьев, на тот случай, если придет в голову нанести сюда тихий ночной визит.

Не сегодня. Сегодня тут больно деловито.

Вылезаем в проделанную дырку и аккуратно приставляем за собой прутья на место.

Навигатор одобрительными колокольчиками уведомляет о подоспевших изменениях.

ЛИЧНОСТЬ
СПОСОБНОСТИ:
2. Ловкость 3
ЗДОРОВЬЕ:
62 хита
Ситуационный модификатор: 3.
Персональный модификатор: 2.666(6).
Ситуационное соответствие: 0.888(8)

Смеркается. В окнах миссии действительно загорается свет. Остальное постепенно погружается во тьму.

Выбираемся в поле и заваливаемся под первым кустом, хотя кому, в конце концов, интересно, где и как спит герой?

Глава VI

На рассвете снова входим в городок, но уже не через гаражи, а по посыпанному шлаком проселку с поворотным шлагбаумом на въезде, который в данный момент путь не перекрывает, поскольку широко распахнут. До того широко, что возвращаться на место не желает. Два мужика в традиционных галифе и френчах скребут рядом в потылицах, исчерпав, видать, все известные методы убеждения строптивой инженерии.

– Кувалдой наверните, – подсказываем на ходу.

Ответная рекомендация печати не подлежит, несмотря на то, что каждому хорошо знакома.

Сразу за въездом справа располагается скверик перед зданием с декоративными колоннами, а дальше ряд выступающих торцами типовых панельных четырехэтажек в разной степени обветшалости. Слева тянется кованый забор миссии. Из окон ухоженного здания никаких звуков не доносится, но, видимо, там не спят. Уже в спину, не сказать что очень культурно, нас окликают:

– Э, погодь!

Оборачиваемся. От сторожевой будки у ворот, гремя сапогами, бежит к нам другой старикан, хотя и сильно похожий на вчерашнего.

Приблизившись, протягивает тощую стопку брошюр.

– Велено передать.

Не дожидаясь благодарности, устремляется обратно на пост.

Заголовок мы уже видели накануне. *Спасем братьев наших меньших*. Так, почем в харином заведении бумага? Свернув трубочкой, пихаем в карман.

Мощенная бетонными плитами аллея ведет на север, в ту же сторону на дисплее навигатора указано направление на ближайший терминал.

За амбулаторией открывается поросшее зеленой муравою ровное поле, посреди коего стоит пустой, но и по сию пору белый постамент. На постамент водружена открытая пластиковая банка, кажется, с огурцами, у подножия, по-римски, оперевшись на локоть, возлежат на травушке двое явных представителей местной богемы, один в растянутой майке на лямках и мундирных брюках с синими лампасами, второй в цветастой кофте и кальсонах с завязочками. На заднем плане высятся

каркасные остовы бывших ангаров, рядом притулились развалины чего-то не очень крупного. Видимо, именно из них кто-то вчера требовал жрать, потому как и сегодня оттуда доносятся те же хриплые крики. Далее среди деревьев просматриваются уходящие вправо каменные одноэтажные бараки.

Сворачиваем на поле. Один из возлежащих поднимает заинтересованный взгляд, второй перекатывается на живот и прикладывает ладонь ко лбу.

– Привет честной компании! – говорим, приблизившись.

– Ежели вознамерился присоединиться, – рассудительно отвечает тот, что в кофте, – с тебя фуфырь. Закусь мы уже спроворили.

– До свету пришлось вставать, – подхватывает синелампасный.

– Справедливо, – соглашаемся мы и вытягиваем из кармана одну культурную брошюру. – Давайте бросать жребий, кому из вас бежать в харино заведение. Каков там обменный курс?

– К чему же так далеко? – поднимается на ноги кофтастый. – У нас тут в полку и своих специалистов полно.

Без лишних разговоров он забирает брошюру, достает из-за постамента пустой штоф и направляется в сторону бараков. Минут через пять нарисовывается обратно. Оглядываясь по пути на развалины, подходит и ставит бутыль с тремя четвертями мутной жидкости рядом с банкой.

– Что-то он сегодня вопреки обыкновению с самого утра разорался. Может, огурец кинуть? – произносит он раздумчиво.

– Ага, – отвечает ехидно лампасный, – и кружечку поднести. Разливай уже, душа истомилась.

– Кто у вас там? – интересуемся.

– А черт его, – пожимает голым плечом лампасный. – Который год уже орет. Когда, кстати, тот барак завалился?

– Да года два назад? – морщит лоб кофтастый.

– Точно, – соглашается лампасный. – Если не пять. С тех пор и орет.

– Жрррать давай! – вплетается в беседу крик из развалин.

– А что ж не вытащите? – слегка удивляемся мы.

– Ну да, корми его потом, – отвечает сердобольный кофтастый. – Да и шибко уж злобно орет. Еще укусит.

– Пойду все-таки гляну, – решительно произносит бравый Брайан, которого так просто не испугать.

– Да плюнь ты на него, – советует вслед лампасный. – Давай лучше к делу, а то продукт стынет.

– Начинайте без меня, – бросает Брайан через плечо.

Развалины приветствуют нас из-под сложившихся

шалашиком плит тем же криком.

Никуда не денешься, надо разбирать. Из чего был сделан барак, понять непросто. Сами плиты явно не железобетонные, потому как легко обламываются. Помимо них попадаются и кирпичные блоки. Но основную массу представляют пласты осыпавшейся штукатурки с выпирающей изнутри дранкой. Обнаружив щель, из которой крики доносятся отчетливее всего, начинаем терпеливо отгребать мусор.

– Жрррать давай! – поторапливают из глубины.

Через полчаса прокопавшаяся по плечо рука проваливается в какую-то полость и натыкается на резкую боль. Выдергиваем ее, тут же по узкому длинному ходу начинает протискиваться наружу какое-то яростное шевеление. На всякий случай отодвигаемся от проделанной норы. Из отверстия выбирается нечто, на первый взгляд смахивающее на растрепанного перепачканного филина, и с шумом взмывает на растущий рядом тополь. Встряхивается, вздымая облако пыли, и становится еще темнее.

Вот те на, да то ж попугай! Странного окраса, рыжевато-бурый, но несомненный попугай.

– Интересно, это природный цвет? – подняв взгляд, Брайан покачивает головой.

Присев на суку и даже слегка свесившись, попугай, изо всех сил напрягая горло, орет вниз:

– Сам ты урррод!

Затем снимается с тополя и, громко хлопая крыльями, улетает.

Однако.

Продолжаем качать головой.

Навигатор утешает очередным повышением характеристик:

ЛИЧНОСТЬ
СПОСОБНОСТИ:
9. Безумие 3
ЗДОРОВЬЕ:
64 хита
Ситуационный модификатор: 3.
Персональный модификатор: 2.777(7).
Ситуационное соответствие: 0.925(925)

Возвращаемся к постаменту.

– Говорили ж тебе, лучше не связывайся, – сочувственно произносит кофтастый, протягивая наполненную кружку.

Брайан отрицательно машет ладонью.

– На сегодня мне хватит. Попугай цвета хаки, это уже

перебор.

К тому же, пора бы нам и добраться до загадочного терминала, который, судя по заметному изменению направления даже при небольших перемещениях, совсем рядом.

В конце аллеи располагаются арочные ворота. Ворота не закрыты, потому что закрывать нечем, да и незачем, все равно ни справа, ни слева забора нету. Лишь неширокая полоса акаций.

Выходим из городка через арку. Снаружи перед ней мощенная теми же плитами площадка, а дальше на север сквозь лес тянется бетонное шоссе, квадратно поросшее вылезшей из стыков лебедою по пояс. Этим путем, видать, не пользуются совсем.

В левом дальнем углу площадки, как раз на берегу лягушачьей заводи, стоит каменное кубическое сооружение без окон, но с длинной узкой щелью под верхним карнизом. Над плоской крышей справа торчит металлический штырь. Направление на терминал точно указывает на него. Ведущая внутрь дверь призывно распахнута.

Приближаемся, заглядываем.

Извиняемся, это сортир. Правда, многофункциональный.

Слева на возвышении обычный толчок с четко обозначенным местом для обеих ног. Пластиковая крышка люка культурно опущена. На стене наглядная агитация с двумя фотографиями. На одной некий человек, на взгляд явный абориген, входит в кубическое сооружение. На второй, перечеркнутой красным крестом, видимо, он же, повернувшись голой попой к зрителю, гадит в кустах.

Прямо располагается рукомойник с клювом над наклонным жестяным желобом, скрывающимся в возвышении пола слева. Рядом в стену вмурована подставка с какой-то жирной субстанцией в углублении. Жидкое мыло? Сверху опять же две фотографии. На первой человек моет руки под умывальником, на второй, перечеркнутой крестом, не заморачиваясь гигиеной, вытирает их об штаны.

В правую стену заглублен массивный вертикальный черный брус, нижним концом утопленный в бетонном полу, верхним выведенный сквозь потолок. Примерно на уровне груди на нем ф-образное расширение с плоским слегка выступающим прямоугольником посредине, слева и справа от которого расположены полукругом по пять дырочек. Рядом две наглядные фотографии, на первой человек, всунув согнутые пальцы обеих рук в соответствующие дырочки, показательно блаженствует, на второй, перечеркнутой, затравленно озираясь, грызет ногти сам.

Маникюрный автомат в общественном туалете, это круто.

Примеряемся и опасливо вставляем пальцы. Они входят лишь на глубину первой фаланги – вроде как не очень страшно. Агрегат щелкает нутром и принимается едва слышно гудеть. Кончики пальцев что-то плотно обжимает, и в них начинает ощущаться некий зуд, похоже, ногти приводятся в должный вид не гильотинными ножницами, а мелкозернистыми пилочками.

Выступающий прямоугольник наливается по поверхности матово-черным, и на нем прямо перед лицом проступает зеленая строка:

Идет анализ генетического материала, подождите…

Ждем. Наконец, зависшая строка уступает место следующим:

Подключение к сети.
Корректировка времени

Возникает сегодняшняя дата: ***21.06. 0299.*** Первые цифры начинают, стремительно мелькая, меняться, и вот на экране уже другое число: ***11.07.0299.***

С момента нашего появления в карьере прошло не три дня и даже не десять, если засчитывать неделю ожидания на придорожном камне у Мертвого леса, а все тридцать, минимум, в три раза больше. Так, с ходу, мы не понимаем, как к этому отнестись. Экран терминала не дает подумать.

Проверка персональных файлов.
Идентификационный номер: 9099079979
Используемое имя: Брайан.
Код допуска 1.
Носитель имеет право на вопрос

Ух, ты! Не вошь бесхозная, а право имеет. Какой там вопрос у нас первый?

Набычившийся Брайан спрашивает, уставясь в экран:

– Почему ятаган? Выходит, я янычар?

На экране высвечивается строка:

Вопрос принят.
Проверка файлов

Ждем. Долго. Пока ехидный Брайан не выдерживает:

– А за ответом, что, завтра зайти?

Терминал откликается серией строк:

Идентификационный номер: 9099079979
Используемое имя: Брайан.
Код допуска 1.
Носитель не имеет права на ответ

Брайан решительно выдергивает пальцы из отверстий. На мониторе терминала тут же возникают строки:

Контакт прерван
Дальнейший обмен информацией невозможен…

На левом запястье раздается бип, и навигатор подхватывает эстафету.

Отключение от сети.
Работа в автономном режиме

Затем загружает персональные файлы и прогоняет их полным списком. Внимание привлекает лишь строки:

Вооружение:
именной крис

Крис. Получается, теперь мы уже малайские пираты, потерпевшие, очевидно, кораблекрушение под мостом в Надоль. Отчего ж тогда попугай не остался сидеть на нашем плече, оглашая окрестности криком про пиастры? Или для этого необходимо иметь деревянную ногу? Стеклянный глаз и оловянный взор. Медный лоб и семь прядей на нем.

Да ну вас всех!

Выбираемся на площадь перед воротами.

По ней слоняется какой-то плешивый мужик, видимо, дожидающийся нас, потому как тотчас же широко улыбается и приближается со словами:

– Тут слух прошел, что на тебе ездить можно.

Осекшись о немигающий брайановский взгляд, спохватывается:

– Шучу, шучу я. Но дело серьезное. Надо Гадючий лог выкосить, чтобы никто оттуда на выпасы не выползал. А наши коренные змей побаиваются. Один лишь вызвался. Но его без присмотра нельзя отпускать.

Плешивый кивает назад.

За его спиной маячит живописнейшая детина

неопределенного возраста с косою на плече. Помимо названной косы на нем лишь рваный мешок, снятый, похоже, с огородного пугала. Детинушка переступает с одной босой ноги на другую и пускает длинную слюну.

– Нда, – говорит плешивый.

Потом, повернувшись обратно к нам, добавляет:

– Но он тебе все покажет и тылы на всякий случай прикроет. У него на ползучих особый нюх. Смотри. Ш-ш-ш…

Наш помощник вскидывается, начинает приплясывать с выпученными глазами и, взмахивая косою, как топором, грозно кричит:

– У! У! У!

– Ладно, уймись, а то еще кого закосишь ненароком, – успокаивает плешивый не на шутку разошедшегося гадоборца. – Веди давай.

И уже вслед нам добавляет:

– Вернетесь с победой, двадцать услов лично с меня. Поделите по усмотрению.

Итак, ведомые местным дурачком с косою на плече, направляемся к Гадючьему логу, дабы ни один ползучий супостат не смел отныне пугать нашу кроткую жвачную паству.

Дорожка, обогнув последнюю в ряду четырехэтажку и пропетляв меж огородов, выбирается в чистое поле. Правее, навскось, издалека виден золоченный купольный крест над молельным домом возле хариного лабаза.

Но выдвинутый вперед дозорный ведет нас прямо на восток, уверенно высматривая прячущуюся в траве тропку.

По полю гуляет легкий ветерок, порхают мотыльки и бродит одинокая корова, бесшабашно бренча своим боталом.

Местность постепенно понижается, тропинка обходит осиновый околок и ныряет в выводящую к речной пойме ложбину, заросшую мощными травами аж по самую грудь. Видимо, в них-то и гнездуются аспиды, выползающие на верхнее поле.

Дозорный останавливается и, по-богатырски приложив длань ко лбу, принимается пристально вглядываться в зловещие заросли.

– Слышь, Муромец, – окликаем мы его, – ты косить умеешь?

Повернувшись на звук, он смотрит на нас.

– Косить, – повторяем мы, для надежности дублируя размашистыми жестами.

– Косить! – радостно подхватывает он и демонстрирует со всего разворота.

Лезвие втыкается в землю и с противным звоном, отдающимся в черепной коробке, переламывается.

Так, и кто теперь с кого имеет те самые услы?

Дать бы тебе по башке черенком, да, наверно, нельзя – божий человек.

К тому ж предупреждали, что он исключительно для показа и оберегания тылов.

Дурачок ухватывает в руку острый обломок и, выставив его вперед, медленно подбирается к кромке травостоя.

Совершив в пяти метрах предупредительный выпад с коротким: «У!», бдительно замирает на своем посту.

Так что косить, Брайан, тебе. Даже если рьяный подручный поломал инструмент. Судьба у тебя такая, не выполнив задания, дальше не продвинешься.

Вытягиваем из ножен ятаган, который теперь крис.

Что-то в последние дни вроде мелькало про плантации?

Приближаемся к зарослям. Рубить траву не очень сподручно – не настолько стебли деревянисты. Легче, собрав левой рукою в пучок, подрезать вкруговую. Приходится именному оружию исполнять роль не мачете, а серпа. А мы, получается, не косим, но жнем. Хорошо б еще заставить дурачка на дуде играть, глядишь, повеселее пошло бы.

– Хватит укать, – бросаем назад. – Коли нечем больше заняться, спой лучше что-нибудь страдное.

Но дурачок свое дело знает туго. Не певец он – прирожденный змееборец.

Только вот, похоже, не сильно-то они шугаются его уканья.

Из корней собранного в ладонь пучка выскальзывает нечто рыжевато-коричневое сантиметров тридцати и со стремительным шелестом скрывается дальше в траве. Черт, гаденыш! Надо поосторожнее, а то лапнешь и прям на ядовитый зуб нарвешься.

Обхватывает и режем.

Следующего затаившегося успеваем полоснуть ножом, но он все равно уходит.

Бить надо не в хвост, а в гриву. Но больно уж они юркие, рукой не поспеешь, швырять же именной клинок в густую траву не хочется. Тем более что он к метанию не очень приспособлен.

Обхватываем и режем.

Третий с испугу или просто по дурости ломится в обратную сторону. Удачно наступив, ребром подошвы вдавливаем голову в землю. Конвульсивно взметнувшийся хвост оплетает нам ногу.

Оторвав змееныша, бросаем его через плечо, пусть и боевой собрат потешится.

На этот раз «У!» похоже на рев.

Собрат отпрыгивает назад и яростно крестит обломком лезвия воздух перед собою. Но не убегает. Более того, с

притопами и угрожающими выпадами начинает надвигаться на извивающегося в примятой траве гадюшонка. Правда, это все же не сама атака, а ее имитация, с четким раскладом: два шага вперед, ровно столько же обратно. Но имитация, надо признать, художественная. Подчиняющаяся странному завораживающему ритму. В такт движениям он начинает выкрикивать бессвязные слова, которые оборачиваются каким-то древним плясовым заговором.

Драку – фу!
Драку – на!
Драку – бить, бить, бить!

Подожди, дружок, какую драку, ты о чем?
Собрат в боевом упоении не отвечает, ему не до нас.
Ладно, потом разберемся.
Возвращаемся к делу.
Обхватываем и режем.

Четвертый гад, залегший в травах, превосходит размерами трех предыдущих. И повадками разительно отличается. Он без раздумий выбрасывается навстречу и с лету ударяет башкой в протянутую ладонь. Палец простреливает боль.

Вот же сволочь, кусил-таки!

Роняем нож и правой рукой стискиваем указательный палец у самого основания. На второй фаланге краснеют две точки. Надо выдавить кровь. Не получается. Придется надрезать. Но сначала нужно предотвратить распространение яда. Чем перетянуть? Ах, да, изолента. Достаем и крепко перематываем палец у ладони.

Выдергиваем из земли воткнувшийся рядом нож, вытираем об штаны, приседаем и на левом колене полосуем палец лезвием. Конечно, неплохо бы его прокалить, но пока огонь добудешь, нужно будет уже не надрезать, а отрезать. Выдавливаем кровь, сколько удается, потом тщательно высасываем и выплевываем розоватую слюну.

Оцениваем результаты. Палец распух и побагровел, но жить будет.

Позади дурачок продолжает притопы с прикриками.

Верно, у каждого свое дело.

Обхватываем и режем.

Теперь помимо накапливающейся усталости приходится перебарывать еще и зарождающийся рефлекс. Тянем левую руку к траве, а спиной мозг посылает в мышцы пучок импульсов – отдернуть!

Брайан versus безусловный рефлекс.

Жюри возглавляет сам ак. Павлов.

Обхватываем и режем.

Отдернуть! Шиш тебе с маргарином! Обхватить и резать!

Отдернуть!! Обхватить!!

Отдернуть!!! Резать!!!

Обхватываем и режем. Обхватываем и режем. Обхватываем и режем.

К полудню члены жюри покидают кресла на возвышении и гуськом втягиваются в боковую дверь, как один, плюясь и ругаясь отборным академическим матом – видимо, вслед за патриархом все поголовно ставили на синапсы с коллапсами.

Собрат, проводи почетных гостей! Нам некогда.

Обхватываем и режем. Обхватываем и режем.

Останавливаемся лишь после того, как вырезаем под корень младой куст бузины.

Распрямляемся и оглядываемся.

Нивы сжаты, нищие голы. Нарушение размера: просится «нищи голы». Но разве краткие прилагательные субстантивируются? Или запятая не там? Нивы сжаты, нищи, голы. Нет, интонация другая. Наверное, опять как-то не так запомнилось.

Но в любом случае, дело сделано.

Что и подтверждает навигатор своими колокольчиками.

ЛИЧНОСТЬ
СПОСОБНОСТИ:
4. Воля 3
ЗДОРОВЬЕ:
67 хитов
ОСОБЕННОСТИ:
иммунитет к ядам.
Ситуационный модификатор: 3.
Персональный модификатор: 2.888(8.)
Ситуационное соответствие: 0.962(962)

Похоже, перетяжка на пальце уже ни к чему, мы теперь можем хватать змеюк без последствий, и за хвост, и за морду. Есть у нас такая особенность. Сматываем изоленту и опускаем в нагрудный карман.

Пора возвращаться. Рапортовать о победе и получать заработанные услы. Если они останутся после вычета за поломатый инструмент.

Впавший в транс дурачок все еще длит свои пляски. Змееныш уже совсем сомлел и едва шевелит хвостом.

Подходим и поднимаем вверх. Он обвисает в поднятой руке во всю длину. Роняем на поверхность вросшего рядом в землю валуна. Хлопаем по плечу ратного сотоварища, застывшего с выпученными глазами, и следуем по кромке полегших трав, высматривая брошенную косу.

– Иди тропу тори! – зовем его в путь.

– Бить, бить, бить! – отзывается он истошным криком.

– Будь великодушен, брат, к поверженным.

Но брат не сводит взгляда со свернувшегося в клубок гадюшонка.

Наверное, надо выражаться проще.

– Сам сдохнет, пошли, говорю!

Дурачок неохотно отрывается и направляется к нам, на каждом шагу оглядываясь на недобитую вражину. Вручаем ему черенок и киваем на тропинку, двигай, мол.

Невербальные формы общения более убедительны. Он вскидывает косу на левое плечо и взбирается по склону, в такт шагам бормоча рефрен своей ритуальной плясовой и коротко взмахивая сверху вниз обломком лезвия, зажатым в правой руке уже обратным хватом.

Не порезался бы, дурачина.

– Ух ты! – восклицает плешивый наш работодатель, увидев части косы в двух разных руках. – Минус пять услов. Как поделим?

– По-братски.

– Значит, говорю Харе, чтоб записал на вас ровно по семь услов.

– Двадцать минус пять будет пятнадцать, а семь плюс семь только четырнадцать, – напоминаем мы грамотею основы арифметики.

Плешивый напрягается, но не понимает.

– В смысле?

– В смысле, если ровно, то по семь с половиной.

– Где ж ты видел половину усла? – от души хохочет он. – Это ж надо придумать!

Да мы и целого-то ни разу не лицезрели, но признаваться, наверное, не стоит. Потому просто молчим.

– Ладно, – говорит Плешивый, вытирая слезы, – пусть будет по восемь. Но шутка теперь моя. Договорились?

– Договорились.

Два усла за шутку. Да только ходите следом и записывайте. Через три дня мы у вас вашего мерина вместе с упряжью выкупим. И боевому собрату подарим, не все же ему супротив гадов пешком выходить.

– На что заработанные услы тратить будешь? – обращаемся к нему.

– Он их не тратит, – подмигивает нам сбоку Плешивый, – он их копит.

– На что копит?

Плешивый значительно поджимает губы.

– На меч.

– Ме-еч! – протяжно вторит дурачок, прикрыв глаза, блаженно расплывается лицом и крепко обхватывает обеими немытыми лапами воображаемую рукоять. Щас с плеча рубанет.

Ну как такому молодцу без мерина?

Пока мы гоняли гадов в их родовом логове, на площади перед воротами собрался кое-какой народ.

Привалившись плечом к арке, стоит сурьезный дед в пинжаке на голое тело. Рядом из клеенчатой сумки торчат закрученные горлышки пластиковых бутылок, судя по цвету, с молоком.

Приближаемся любопытства ради.

– Почем?

– А чо есть?

Подумав, вытаскиваем из кармана культурную брошюру.

– Не, – кривит губу дед, – пробки у нас и так имеются. Бабке вон предложи, кульки вертеть.

Он кивает влево от себя, затем добавляет:

– А вот на майку сменял бы.

Брайан поднимает одну бровь.

– А я, значит, с голым пузом ходи?

– Так летом жарко ж.

– А тебе тогда зачем?

– Так на зиму.

– Запасливый ты, дед. Как я погляжу.

– Так не голь же перекатная. Своим домом живу.

В голосе проскальзывает насмешливая интонация.

Брайан прищуривается.

– Поди, и амбар за домом имеется?

– А то!

Вскинув голову, дед уже посматривает свысока.

– Наверное, и по сусекам есть чего поскрести, – задумчиво произносит Брайан. – И по сусалам при желании отыщется за что…

Дед отворачивается и мудро молчит в тряпочку.

Чуть далее у кромки кустов, исполняющих роль забора, на чурбаке пристроилась бабуся с поставленной перед собой корзиной.

Заглядываем. Внутри какая-то черная ягода, но не черемуха и

не соответствующая смородина. Покрупнее.

– Черноплодная рябина? – киваем на корзину.

– Нет, милок, черника. Особая ягода. Для острого зрения.

– Она такая крупная?

– У дальних полигонов брала, там и мухоморы чуть ли не по колено.

– А глаза от нее потом не светятся?

– Да что ты, милок, сама постоянно ем, можешь убедиться.

Взгляда она не прячет, смотрит не мигая.

Глаза, действительно, не горят, однако что-то кошачье в них все-таки есть. Не цвет – у нее они карие. Может, форма зрачка, слегка вытянутого по вертикали.

– А где, говоришь, те полигоны?

– Да за подстанцией тропа натоптана.

– А подстанция в какой стороне?

– Я через полк хожу, – кивает она на одноэтажные бараки, проглядывающие справа от нас за деревьями. – Там крапивы поменьше. Но можно и вдоль болотца, через кусты выберешься. Только ежели в самом деле к полигонам пойдешь, смотри поосторожнее, клещи там…

– С кулак? – подсказываем мы.

– Да нет, не больше пальца, но очень прыгучие. Некоторые даже летать выучились. Так и рыщут по лесу. Стаями.

Впечатляющая, должно быть, картина. Если, конечно, нарисована не для того лишь, чтобы отпугнуть от заветного места возможного конкурента.

Черники с дальних полигонов нам определенно не хочется, поэтому отходим, даже не справившись об обменном курсе.

Следующей в торговом ряду сидит на похожем чурбаке крутобокая молодуха, достающая из подле стоящего мешка по одной семечке и выплевывающая шелуху на дальность, скрашивая, видимо, этим упражнением ожидание.

– Семки брать будем? – интересуется она, лениво отвешивая губу.

– Спасибо, не сегодня.

– Тогда просто садись рядом, посоревнуемся.

– Чего соревноваться, и так ясно, что переплюнешь.

– Ты погляди, – восклицает она на всю площадку, – ну никак его не уломаешь! Что, мне еще раздеться и сплясать надо?

Отходим от греха побыстрее.

Далее у кромки кустов стоит конопатый пацан с раскрытой ладонью. В ладошке слипшаяся кучка каких-то круглых косточек.

– Бери, солдат, – говорит он, насупившись, – посадишь в каком укромном месте, через год вишня вырастет.

– Почему в укромном?

– Объедят, очень уж сладкая. Тут такой не встретишь.

– Где ж достал?

– Бабкино варенье из старых запасов, – широко облизывается он. – Бери, пока всю не расхватали.

– Ты лучше сам посади. Целую рощу. Урожай прямо в банках будешь снимать.

– По-твоему, я дурак, да?

– А я?

Конопатый вздыхает:

– Надо же было проверить.

Хорошая смена у Хари подрастает.

Сидящий следом мужичонка выстукивает на колене простенький ритм двумя деревянными ложками.

Прервав этюд, показывает без слов, как хорошо будут смотреться ложки, если засунуть одну за правое голенище, а другую за левое.

Точно, потом надо будет еще отработать выхватывание по сигналу и скоростное выхлебывание с обеих рук. В сопровождении треска за ушами.

Мужичонка замыкает шеренгу, дальше тянется дорожка к полковым баракам.

Подходим к Плешивому, продолжающему слоняться по площадке.

– Не густо, однако, с товаром-то. Брошюру сменять не на что.

– И не говори, кума, – отвечает он, – у самой муж пьяница.

Заметив легкое недоумение на нашем лице, поясняет:

– Присказка. Хожу и голову ломаю, как возродить торговлю, чтоб было с чего пошлины в казну брать.

– Ряды для начала поставить.

– Да стояли ряды на поле. Пока не сожгли их. Дотла.

– Зачем?

Ответить он не успевает. Из-за полосы акаций по высокой дуге вылетает какой-то крутящийся в воздухе предмет и, достигнув апогея, лопается над площадью.

Офигительная вспышка и охренительный взрыв!

В кустах раздается зычный крик:

– Первый взвод слева, второй справа, в атаку!!!

Бабы приседают и длинно визжат, мужики громко выражаются.

Было метнувшийся Плешивый расслабляется:

– Уф, спасибо, не газовая, всего лишь светошумовая.

С объявленной атакой непонятная задержка. Шум за полосою не приближается, а наоборот, удаляется. Потом и вовсе стихает.

– Что за учения? – спрашиваем у Плешивого.

– Да не учения, часовой арсенальный балует.

– Часовой? Кто его туда поставил?

– С прежних времен еще остался.

– Сколько ж ему лет?

– Да салабон первогодок.

– С тех пор и все еще салабон?

– Ну да, время-то у всех по-разному идет. Вот в твоих краях который год?

– Двести девяносто девятый вроде, – отвечаем осторожно.

– На часах в миссии, кажется, такой же. А вот у Кривого в семье с начала раздрая зарубки на всех притолоках делают. Так говорит, в общей сложности не больше ста лет получается. То ли до нас позже дошло, то ли в самом деле тут время медленнее. Но даже здесь оно идет, народ стареет. Некоторые уже по нескольку поколений дали, а он до сих пор сам живет. И по виду такой же шустрый и дурной. Швырнет какой-нибудь взрывпакет и бегом назад в арсенал. А там его не возьмешь. На нем костюм химзащиты и газовая граната на поясе, которую он сразу же рвет, стоит только сунуться внутрь.

– Выходит, все началось именно в то время, когда он на пост заступил? – аккуратно поддерживаем мы сказительный настрой Плешивого.

– Когда точно это началось, никто у нас так и не понял, может, и тогда. Та ночь действительно странной была, многое сошлось, мне дед рассказывал. Разводящий достал где-то банку маринованных грибов, после которых заблевал и запоносил всю каптерку от пола до потолка, пришлось его срочно транспортировать в дизентерийное отделение окружного госпиталя.

– А начальник караула?

– Так они с разводящим те самые грибы, оказывается, на пару приходовали. Когда разводящего увозили, он не признался, а через полчаса потребовалось и его вдогон везти.

– Кто там еще по уставу, дежурный по части?

– Он-то и повез начальника караула, потому что санитарная машина с фельдшером еще не вернулась.

– Ну, а командир?

– Тот накануне в академию отбыл на повышение квалификации.

– Кто-то ж должен был остаться вместо него.

– Ну да, его зам. Только как раз в ту ночь ему бес в ребро вступил. Или еще куда. Он вскрыл сейф и в одиночку вылакал весь представительский коньяк. Затем запер кабинет и потащился

в поселок по бабам. И чтоб кайф не ломали, отключил мобильник. Телефоны тогда такие были, карманные. В поселке чего-то, или кого-то, не поделил с местными, устроил стрельбу из табельного пистолета, а когда патроны кончились, те его так отмудохали подручным дрекольем, что он, похоже, забыл, с какой стороны пришел. Расследование потом было, свидетели показали, он куда-то на восток подался. Больше его никто и не видел. Ну а дальше уж, как везде. Из штаба округа поступил странный циркуляр, всем частям перейти на автономное выполнение боевой задачи, отведенных мест дислоцирования ни при каких обстоятельствах не покидать. Через какое-то время отключилось электричество. На радиозапросы штаб отвечал тем же самым циркуляром. Потом и отвечать перестал. Полковник так и не вернулся, заместителя отыскать не удалось, командование перешло к замполиту. Но того часовой не признал, смениться с поста отказался, как-то вскрыл кодовый замок и заперся внутри. Да, в общем, не до него было. Когда выяснилось, что развал полный и окончательный, надобность в командовании сама по себе отпала. Постепенно привыкли обходиться. А у вас как это происходило?

– Примерно так же, – обтекаемо отвечаем мы.

– Вот и придумай тут, – возвращается Плешивый к началу разговора, – каким образом возродить рынок, когда часовой вовсю развлекается. Ряды на поле он и пожег.

– Разговаривать пробовали?

– Пробовали. Через рупор. Он там определил разрешенное расстояние, чуть только заступишь, швыряет из дверей гранату.

– А когда не заступаешь?

– Молчит.

Помнится, отправляясь за болящим волчарой и тем более на обратном пути, дистанцию у арсенального склада мы не очень соблюдали, однако обошлось. Правда, мы в рупор ничего не орали.

– Местных он отчего-то невзлюбил, – продолжает Плешивый, – одного только дурачка привечает. А с того толку не добьешься, сам понимаешь. Так что если какие идеи возникнут, подходи, обсудим.

Пожимаем плечами, в смысле, там видно будет.

Торговый люд, несмотря на отмену атаки, собирает товар и потихоньку покидает площадь перед аркой. Плешивый, одолеваемый проблемами рыночных отношений, тоже направляется в городок. Дурачок, шлепая босыми ступнями по пыли, бредет по дорожке вдоль акациевой полосы в сторону одноэтажных бараков, к которым клонится солнце. Но на

полдороге сворачивает на расположившиеся справа огороды.

Обитатели лягушачьей заводи пробуют голоса, готовясь к хоровому исполнению предвечерней оратории.

Двигаем к баракам, там мы еще не были.

Дорожка, оказывается, ведет к тому крепеньком домику за бревенчатым забором, рядом с которым проем в лесном массиве и тропинка к зачарованному озеру. Барачная улица начинается раньше и отходит перпендикулярно вправо. Она не широка и не длинна, но по-своему живописна. Мусор тут, похоже, принято выбрасывать из окон. На улице ни души. В конце ее слева круглая кирпичная башня, видимо, водонапорная. Дальше луг, окаймленный лесом, а чуть правее скопище раскуроченных распределительных щитов с возвышающимися рядом металлическими опорами и бетонными столбами. Подстанция.

Поворачиваем обратно.

Возле одного из бараков на обочине вертит головой худой жилистый мужик в наброшенной рубашке. На нас не глядит, но и совсем не отворачивается. Присматривает.

Подходим.

Мужик переводит на нас слегка прищуренные глаза и, продолжая жевать травинку, спрашивает:

– Чего-то ищешь, кореш?

– Дорогу на север.

Он едва заметно расслабляется.

– По лесам собираешься красться? Дорога одна, от ворот начинается.

– Да больно уж она нехоженая.

– Так и ходить некуда.

– Но куда-то она должна вести.

Мужик пожимает плечами.

– По слухам, в той стороне мертвый город. Но точно не известно. Из проверяющих никто не возвращался. Ни разу.

– Может, там просто лучше?

– Ну да, – кривится он в усмешке, – пока мы не добрались.

Исчерпав взаимный интерес, расстаемся, не прощаясь.

В начале улицы мы не сворачиваем на дорожку, идущую к подъездной площади, а продолжаем движение в сторону яблоневого поля по узенькой тропке, петляющей между разваливающимися строениями гаражного типа.

Далее происходит событие, к которому мы не сразу понимаем, как отнестись.

Сверху слышится трепещущий шелест, ощущается ветерок, шевелящий волосы, и что-то конвульсивно вцепляется нам в голову. Затем принимается орать на всю округу: «Чив! Чив!»

Нащупываем и выдираем из волос.

Воробьеныш. Желторотый, недавно оперившийся, умеющий летать пока большей частью вниз.

Откуда ж ты? Кто выпустил тебя из гнезда?

Оглядываемся.

– Э, чье дите? Заберите обратно!

Откликается лишь рыжий котяра, выглядывающий из-за угла с вопросительным:

– Мне?

– Шиш тебе, разбойная морда!

Придется уносить с собой.

Сажаем на плечо и двигаем дальше.

Мелодично разливаются колокольчики, и включается навигатор.

ЛИЧНОСТЬ

СПОСОБНОСТИ:

8. Удача 3

ЗДОРОВЬЕ:

69 хитов

Ситуационный модификатор: 3.

Персональный модификатор: 3.

Ситуационное соответствие: 1.

Общее отношение: осмотрительное.

Карма: пришлый

Ну вот, кажется, мы уже никого в этих краях не хуже. В любом случае, не всякий рискнет утверждать обратное. По крайней мере, в лицо.

Тропа выводит из остатков гаражей и принимается нырять по буеракам пустыря. Вскоре подбирается к кривым яблоням и заворачивает к фасаду арсенального склада.

Двери ангара приоткрыты.

Приближаемся и заглядываем.

Внутри темно, особенно со свету.

Входим и останавливаемся, привыкая к полумраку.

Из темноты раздается намеренно тягучий голос:

– Тут у меня спаренный пулемет, правое дуло смотрит тебе в левый глаз, а левое в правый. Будем проверять, что быстрее – ты прыгаешь или пуля летит?

Глава VII

– А говорили, ты сразу же рвешь газовую гранату, – произносим в темноту.

– И рванул бы, – отвечают оттуда, – да ты, смотрю, не один. Животных, что ли, любишь?

– Скорее, это они ко мне неравнодушны.

– Бывает, – соглашаются в потемках. – Ну, входи, коли пришел. Только руки на виду держи.

Осторожно пробираемся на голос, стараясь не наткнуться на выступающие из полумрака ящики. Наконец, за очередной пирамидой открывается свободная тускло освещенная площадка с конторским столом посредине, на котором сидит лобастый паренек в таком же летнем камуфляже, что и у Брайана. Тоже не из качков. Но лет на пять-семь моложе да стриженые волосы, кажется, посветлее.

– Располагайся, где удобнее, – приглашает он гостеприимно.

В качестве сидений имеются лишь ящики. Устраиваемся на одном из них и оглядываемся.

– А объявленный пулемет где же?

– Поверил?

– Хотел даже с ходу обратный кульбит попробовать, да про воробьеныша на плече вспомнил.

– Пулемет в нише над дверью, наружное наблюдение поддерживает.

Паренек кивает чуть правее. Там за ящиками скрывается низкий металлический столик с тремя плоскими экранами, на которых весь просматриваемый сектор перед воротами.

– Питаются от чего?

– От аккумуляторных батарей. Включаю только при открытых дверях. Топливо для генератора пока есть.

– Сказывали еще, что ты костюм химзащиты никогда не снимаешь.

– Смысла нет, внутрь они уже лет десять не суются. Только иногда от забора в матюгальник орут.

– Чего хотят?

– Да чего они могут хотеть? Вынести да распродать. Ты, я гляжу, не из местных.

– Ну да, пришлый, – вспоминаем мы карму.

– Не знаешь случаем, куда прапор толстомордый девался? Давненько его не вижу.

– Прапор?

– Завскладом здешний. Сука ворливая. Все мечтал свой бизнес из-под полы на рынок вынести. Потом и вынес, только товар тащить неоткуда стало.

– Да я в этих краях всего несколько дней. Кстати, между городком и поселком тут деревня…

– Помню.

– Так вот на центральной площади там торговый центр. Хозяина Харей величают. Я заглядывал по дороге, морда у него действительно кирпича просит.

– Ну, спасибо за подсказку, как-нибудь проверю.

– Говорят, он служил здесь.

Паренек хлопает себя по колену.

– Ну, точно, он, с тех времен только мы с ним и остались.

– Секретом долголетия не поделишься?

– Не поделюсь, сам не знаю. Да и вряд ли сумеешь им воспользоваться. Видимо, так карта легла. А всю комбинацию не повторишь, неизвестно, где она началась. Может, еще до моего рождения.

– Глубоко зришь.

– Времени у меня много, – усмехается он. – А ты-то сюда надолго?

– Пока непонятно. Разбираться надо.

– Можешь по пути внимание кое на что обратить?

– А именно?

– Крыс у меня прирученный куда-то запропастился, третий день не возвращается. Вообще-то, он самостоятельный, просто так не возьмешь, кошки с собаками сами его боятся. Тут что-то другое.

– А от остальных сумею отличить?

– Отличишь. Трехцветный он, буро-рыже-желтый. Я раньше и не думал, что такие встречаются.

– Ладно, посмотрю. Где он чаще бывает?

– В последнее время, я видел, в казарму зачем-то повадился.

– В казарму?

– Миссия там сейчас.

– Что за организация, кстати? Общался я с их представителем, ряженый, похоже.

– Сам до сих пор не пойму, – пожимает он плечами. – Но, конечно, посерьезнее, чем просто культурная. Волну-то, на которой они обычно ведут передачи, я нащупал, да сообщения у них свернутые, а подходящей аппаратуры для декодирования нет. Могу лишь глушить, но какой в том толк, они сразу же на запасные волны переходят, а у моей глушилки полоса не очень

широка, весь диапазон не закроешь.

– А снабжаются они как?

– Тоже не знаю. Вертушки тут не шумят. Есть у них в гараже хаммеровский вездеходик, иногда он ночью уезжает куда-то за поселок, возвращается под утро, уже груженый. Видать, где подальше есть площадка.

– Не в карьере ли за Мертвым лесом?

– Может, и там.

– А появились они когда?

– Да почти сразу. Солдатики, как срок службы закончился, разбежались. Казарма опустела. Эти-то, невесть откуда взявшись, и выкупили ее у замполита, который в то время командира изображал. То ли за брикет прессованной чечевицы, то ли за пакет нюхательного табака. Правда, вели себя тихо, культурно, тут не поспоришь. Кое-кого из местных на подсобную работу взяли, из них-то и сформировалась новая городошная элита.

– Для затворника ты неплохо осведомлен.

– Кроха там, кроха здесь, вот и складывается общая картина.

– А в качестве основного профиля деятельности у них что?

Паренек неожиданно расплывается в широкой улыбке.

– С волком вы вчера вперегонки туда бежали?

– Туда. Доставить подрядился. По объявлению у ворот.

– Вот-вот, на показ именно это. Окрестное зверье лечат. А основное? Влиять тут, вроде, не на что. Возможно, просто сбор информации и форпост на будущее.

– Строить на дальнюю перспективу способна только очень уверенная в себе организация, скорее даже структура.

– Ну да, а это всего лишь периферийный отросток.

– Периферийный, но под рукой.

– Пощупать настраиваешься? Тогда надо подготовку провести.

Он спрыгивает со стола.

– Ну, дырку в ограде я уже подготовил.

– Это хорошо, значит, на гребне забора не станешь вырисовываться. Но у них весь периметр камерами слежения просматривается. Совсем подавить систему мы не сможем, но этого и не нужно, чего доброго всполошатся, подмогу для визуального наблюдения вызовут. А вот помехи на мониторы наведем, за них и твой неясный силуэт сойдет. Только старайся не шуметь, в самом здании тоже, они ведь где-то внутри и ночуют, видимо, на третьем этаже. Фонари там в окна будут заглядывать, так что обойдешься без пээнвика. Питание в нем подсело, а присобачивать кинетические элементы времени нет, да и тогда пришлось бы тебе постоянно трясти башкой, как

припадочному. Со стороны-то оно, конечно, классно бы смотрелось – водолаз, трахнутый глубинной бомбой – но ты же не переполох устраивать отправляешься.

– Вчерашнего достаточно.

– Слыхал, слыхал, – смеется он, – только к утру угомонились.

– Не любят волки лечиться, ума, наверное, не хватает.

– Точно. А вот это возьми, может пригодиться.

И он протягивает мыльницу.

– Тогда и полотенце нужно, не об штаны же руки вытирать.

– Да нет, это кодолом, сам сварганил, для корпуса ничего более подходящего под руку не попалось. В принципе любое устройство вскрывает. Лишь бы сканирующий ввод имелся.

– Спасибо.

– Воробьенка давай сюда, дурачок зайдет, отправлю за гусеницами, он у нас спец по ползучим.

– Хорошо.

Скашиваем глаза на экраны, снаружи уже глубокий вечер, быстро переходящий в ночь. Территория миссии неярко, но равномерно освещена.

– Запускаем помехи? – весело интересуется часовой, потирая руки.

– Дай мне минут семь, чтоб до дырки добраться. Чего раньше времени охрану настораживать.

– Где ты ее подготовил?

– С другой стороны, за гаражом.

– Вдоль котельной тут ближе, и в пять минут уложишься.

– Ладно, если тревога поднимется, прикрой мой отход гранатами.

– Не беспокойся, устроим в лучшем виде, не до тебя им будет.

– Ну, я пошел.

– Э, братуха, диверсант ты или не диверсант? Подпрыгни перед выходом.

Мягко подпрыгиваем. Нигде ничего не брякает.

– Порядок.

Он провожает нас до двери и хлопает по плечу.

Пересекаем дорогу и, не рискуя светиться у ограды, огибаем котельную справа. За колючую проволоку теплиц все же не лезем, просто крадемся у левого края по крапиве, удачно вымахавшей в наш рост.

Миновав угол забора, продолжаем движение и поворачиваем уже в кустах. За приземистым строением приближаемся к ограде и нащупываем выломанные прутья.

Проникаем на территорию, инфильтруемся, если на профессиональном сленге. Аккуратно выставляем один глаз из-за

гаража. На внутреннем крыльце охранной будки, освещенной фонарем у ворот, один из стариканов, слегка пригнувшись, водит головой, всматриваясь в темноту у дальнего забора. Понятно, модная техника засбоила, перешел на привычную форму караульного бдения. Подавляем желание бросить камешек в его сторону. Серьезней надо, Брайан, диверсанты мы с тобой или хулиганы?

Втягиваем полупрофиль обратно, обходим гараж и выдвигаем из-за угла уже левый глаз. Отсюда будки не видно. Зато непарадный торец здания как на ладони. Окон с этой стороны всего лишь по одному на этаж, видимо, коридорные.

Выбираемся из укрытия и пересекаем задний двор. Окно на первом этаже притворено, но не более того. Распустились миссионеры, похоже, аборигены их своими выходками не балуют, не то что гавайцы Кука.

Осторожно толкаем створки и влезаем. Так и есть, перед нами коридор. Пробуем первую дверь справа. Закрыто. Проводим кодоломной мыльницей возле ручки. Никакого эффекта. Похоже, запирающее устройство сканирующим вводом не оснащено, обходясь по старинке простой замочной скважиной. Ага, вот и она нащупывается. С дверью слева аналогичная история. Равно как и с остальными. Ближе к концу коридора справа темный проем. Лестничная площадка перед входной дверью. Ступени ведут вверх.

Держась стены, поднимаемся на второй этаж.

Дверей здесь поменьше, всего пять. Та, что сразу же справа, поддается простому нажатию.

Так. Туалетная комната со всеми атрибутами, включая сушилку для рук.

Из оставшихся три, расположенные на противоположной стороне коридора, заперты на ключ, а четвертая, слева и подальше от лестницы, открывается поворотом дверной ручки.

Перед нами узкая комната, вытянутая к окну, типа прихожей или приемной. В пользу второго предположения свидетельствуют стол в конце одной стены и ряд стульев напротив. А кроме того две двери, одна влево, другая вправо. Обе замочных скважин не имеют.

Правая на приложенную мыльницу никак не реагирует, а вот левая откликается еле слышным щелчком. Легко надавливаем коленом. Открывается без скрипа.

Ничего себе кабинетик, в шесть окон. И освещен неплохо, поскольку снаружи, прямо перед ними, бетонный столб, увенчанный дуговым фонарем. Но с меблировкой в интерьере без перебора, можно сказать, аскетично.

В правом углу книжный шкаф с запертыми створками внизу. В открытом доступе, на верхних полках, уже не раз виденная нами брошюра.

Начинаясь в непосредственной близости от шкафа, параллельно окнам тянется длиннющий заседательский стол.

Слева круглая рогатая вешалка и дальше вдоль стены одинокий кожаный диван.

Ковровой дорожки от двери не проложено, но и без нее понятно, что двигаться следует к дальней торцевой стене, у которой виднеется нечто вроде бюро, возможно, с бюваром.

Достигаем массивного двухтумбовика с обычным вращающимся креслом за ним. Усаживаемся и с ходу проверяем ящички. Заперто на ключ. Поворачиваемся влево, где на приставном столике с наглухо закрытым нутром расположен почти вертикально плоский монитор со встроенными динамиками на нижних обводах экрана и глазками видеокамер на верхних, а к его подножию приткнута горизонтальная темная панель, на правом и левом концах которой заметны желтоватые контуры ладоней. Кладем на них свои.

В потайных недрах столика начинает утробно гудеть, и панель еще больше темнеет, словно обретая глубину. Через четверть минуты на мониторе высвечивается белый кружок и под ним строки:

Фиксируйте взглядом пятно.
Сканирование глазного дна.
Дублирующее сличение узоров

Уставившись, ждем. Наконец, кружок меркнет и строки заменяются на новые. Впрочем, не такие уж новые.

Идентификационный номер: 9099079979
Используемое имя: Брайан.
Код допуска 1.
Носитель имеет право на вопрос

Так. Значит, агитационный сортир с ногтерезкой и культурная миссия относятся к одной и той же структуре. Похоже, и мы в нее включены. Однако почему-то не только не испытываем к ней верноподданнических чувств, но даже простой лояльности, кажется, не ощущаем. Что-то тут не так.

Неожиданно Брайан, снова набычившись, спрашивает вслух:

– Кто исправлял мое имя на личном оружии?

Экран мигает, потом выдает строку:

Вопрос не принят, уточните

Брайан молча наклоняется, вытягивает нож и демонстрирует рукоять. Объективы видеокамер послушно фокусируются, затем динамики мощно выдыхают:

– От дебилы!

– Кто? – быстро подхватываем мы.

– Да инструктора из выпускающей группы, кому ж еще. Перед посадкой все было проверенно и трижды перепроверено…

На экране начинают мелькать строки:

Поиск изменений в папке Фавн.
Корректировка файлов.
Обратная автозамена
Баран на Брайан
Рогоносец на Носорог

Из динамиков доносится тот же голос:

– И архивистов сгноить на лунной станции!

Скачущее мельтешение перед глазами прекращается, напоследок высвечивается медленно затухающая строка:

Вернуть скрытый вид

Экран затемняется.

– Ну, а вопрос-то принят, или еще уточнения требуются?

Голос Брайана намеренно гнусав.

Монитор оживает.

Идентификационный номер: 9099079979
Код допуска 2.
Носитель имеет право на самостоятельный выбор используемого имени

Ну вот, дружище, довыделывался ты, похоже. Теперь и имя отобрали. Сиди тут и новое придумывай. А ведь с прежним уже вроде свыклись.

Надпись на экране гаснет, появляется новая:

На какое имя переписать страховой полис?

Ниже возникает иконка с курсором в пустой рамочке, а на горизонтальной панели клавиатура кириллического алфавита.

Одним пальцем выставляем в ждущую строку ***Брайан***.

Появляется новая надпись:

Принято.
Персональные файлы переписаны на имя Брайан'

Спорить с добавленным штрихом нам лень. Плевали мы на используемое имя. Человек с собою на «я». А как другие станут обращаться, все едино. Нас больше другое беспокоит. Само словечко «используемое» не нравится. Задевает, пока не ясно почему.

Проводим ладонью по панели. Заставка с новым именем не меняется. Старательно прощупываем пальцем каждый квадратный сантиметр доски. Никакого отклика. Видимо, и после повышения нам не доступны даже архивы периферийного филиала. А ежели мыльницу приложить?

Надпись исчезает и вместо нее возникает ряд стремительно меняющихся цифр. Затем замирает на многозначном номере. Через четверть минуты на экране загорается белый кружок и под ним строки:

Фиксируйте взглядом пятно.
Сканирование глазного дна.
Дублирующее сличение узоров

Заслоняем глаза мыльницей, как очками. Через некоторое время из динамиков доносится другой, более молодой и интеллигентный голос:

– Что за глючь, папиляры одного, а сетчатка другого. И оба в списке погибших. Разве и мы научились мертвяков использовать? А ну-ка, репитните.

Выглядываем из-за мыльницы. На экране мигает надпись:

ОШИБКА!
Повторите процедуру с самого начала

От приглашения благоразумно отказываемся. И так немало узнали. Похоже, в системе постоянно бдят, даже ночью кто-то не спит. Хотя, возможно, там, где они сидят, вовсе и не ночь. Выплыли некоторые реалии, одна лунная станция чего стоит, если это только не поэтическое название кладбища вездеходов. С Брайаном тесно связан некий Носорог, а материалы, относящиеся к ним обоим, собраны в папке, озаглавленной по имени козлоногого сатира.

И, пожалуй, самое важное, пусть наш код и не дает права доступа к секретной информации, но работают в структуре вполне обычные люди, и любого можно достать, запустив, таким образом, режим проговорок. Нужен лишь неожиданный ход. Или просто хороший вопрос.

А вот мертвяки, кажется, из какого-то другого ведомства.

Откинувшись в кресле, поворачиваемся лицом к двери и кладем ладони на край письменного стола. И натыкаемся взглядом на темный карандаш с оборкой, лежащий в центре его поверхности. Чтобы дотянуться, приходится выпрямляться.

Это не карандаш, а черный метательный дротик. Выпал, что ли? Касаемся левого отворота. Нет, наш на месте. Тот, что в руках, точная копия. Как же мы его не заметили, когда усаживались? Пожимаем плечами и втыкаем рядом с первым.

Одобрительно отзывается навигатор с очередным сообщением.

ЛИЧНОСТЬ

ЗДОРОВЬЕ:

72 хита

СУДЬБА

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ:

устремленность + +

Получается, именно интенциональность определяет код допуска в таинственной системе, выславшей нас в загадочный рейд. Но, возможно, это просто совпадение, а код нам повысили досрочно. Чтоб отвязались.

Но поскольку второй дротик лежал на столе, значит, наше появление здесь было изначально задумано. Система сама против себя играет? Сложновато для понимания. Но скорее всего, нам элементарно не хватает деталей для воссоздания общей картины. Ну и плевать. Пусть голова болит у тех, кто все это организовывает. Наше дело простое. Найти и завалить дракона. Чтобы рогом не пульсировал.

Встаем и направляемся к двери.

Для выхода приходится еще раз прикладывать мыльницу, видимо, дверь запирается автоматически.

На первом этаже вспоминаем, что остались непроверенными две двери в самом конце коридора. Сразу за лестницей тоже туалет, а напротив заперто, и не на ключ, так как замочная скважина отсутствует.

Прикладываем мыльницу. Щелчок. Толкаем коленом.

Внутри потемнее, чем в кабинете. Окна выходят на другую

сторону. К тому же они наполовину задернуты гардинами. Все стены помещения доверху заставлены какими-то объемными шкафами. Слева от входа приткнутый торцом стол с рефлектором на длинной гибкой шее.

Прикрываем шторы поплотнее и ощупываем шнур лампы над столом. Натыкаемся на кнопку выключателя.

То, что в полумраке представлялось шкафами, на самом деле клетки вольерного типа. Хорошо еще, большая часть пуста, иначе пованивало бы сильнее. Шкаф, правда, тоже есть, но один, рядом со столом. В нем сиротливо висящий на плечиках лекарский халат с подпояской. Снаружи к дверце прикноплен лист бумаги с печатным текстом. Список запланированных на ближайшее время задач.

Никаких медицинских аппаратов не видно, вероятно, смотровая где-то в другом помещении. Тут пациенты лишь дожидаются уготованной участи или оправляются от последствий братской заботы.

А вон в дальнем левом углу и знакомый волчара, смотрит на нас зверем.

– Ну что, вылечили тебя, дурака такого?

Волчара злобно скалится и стережет зеленым взглядом каждое наше движение. Похоже, кариес больше не препятствует проявлению природных склонностей.

Справляемся в списке. Зуб ему, оказывается, удалили еще ночью. На послезавтра назначена установка импланта. Ладно, грех мешать благому делу.

Так, что еще намечено?

Замена неправильно подобранных контактных линз престарелому канюку. Где этот небожитель? Дайте полюбоваться. А, тут мелким шрифтом про то, что решено его не тягать в миссию, дабы повторно не травмировать. Замена будет проведена в полевых условиях, все равно он третий день сидит на столбе возле свалки за подстанцией и не только с места не снимается, но даже головой не вертит.

Из текущих – рутинная профилактика медвежьей болезни в окрестных лесах и продолжение работы по лабораторному выведению грызунов необычного окраса.

Ну-ка, ну-ка. Быстрым шагом обходим клетки. Вот они, голубки, в одной вольере, перегороженной сплошной стенкой. В левой половине суетится целый выводок белых крысих, а из правой выглядывает матерый буро-рыже-желтый пасюк.

– Как же тебя угораздило в это ввязаться? – спрашиваем укоризненно. – Если хозяин узнает, что ты решил в опытах поучаствовать, он за тебя со стыда сгорит. Пошли уже, Ромео.

Запор вольеры замысловат, но ключа не требует. Однако выпущенный крысюк устремляется к другой половине и с ходу пробует задвижку на зуб.

– Да сдались они тебе. Думаешь, блондинок завезли? Альбиноски это, у них и глаза красные, тьфу!

Крыс продолжает остервенело грызть запор.

– Ну, коли так запал, забирай. Только домой их веди, хозяин заждался.

Открываем дверцу, крысюк бросается в клетку и выгоняет свой гарем наружу. Потом садится на пол и смотрит на нас черными бусинками глаз.

– Ладно, раз ты такой умный, обойдемся без дудочки. Но если не туда ломанешься, поволоку на веревке.

Растворяем шкаф, вытягиваем из лекарского халата хлыстик, встряхиваем его, затем прикладываем мыльницу к входной двери. После щелчка толкаем.

– Вперед!

Вся стая юрко вываливает в коридор, чудным прыгучим скоком добегает до конца, останавливается и ждет. Черт, как он их выдрессировал!

Тушим свет и запираем зверинец за собой. Добираемся до окна и распахиваем створки. Крысиная рать плавной волной перетекает через подоконник. Вожак сразу же заворачивает направо. Понятно, вдоль котельной ближе. Но нам придется воспользоваться прежним маршрутом, сквозь дырку за гаражом.

Впрочем, и это займет не больше пяти минут.

Непригодившийся хлыстик складываем и суем в карман. Возвращаться с полдороги – плохая примета.

Часовой встречает нас в дверях арсенала.

– Слушай, – разводит он руками, – а эти белые-то откуда?

– Невольницы, спасенные из плена. Без них он отказался покидать вражьи редуты. Видимо, всерьез задумал стать отцом-основателем новой расы.

– А жить они все где будут? – никак не придет в себя паренек.

– Сначала на складе, потом городок захватят. Не ломай ты голову, сами разберутся.

– Шутишь?

– Как можно, дело серьезное.

– Ладно, проходи. Там в углу топчан, можешь покемарить до утра.

Так и поступаем. Снится нам почему-то дурачок со своей ритуальной пляской.

Но когда открываем глаза, у топчана стоит часовой.

– Меня, наверное, не касается, – говорит он, глядя в угол, – но

на правой у тебя тоже, что ли, рейдовик?

Без слов отдергиваем рукав.

Глаза у него загораются.

– Ух ты, кумок! И модель из продвинутых, к нам такие не поступали. А чего ж не включен?

– Не желает, я ему не показался.

– Дай-ка попробую.

– На.

Вытягиваем правую руку. Он присаживается на рядом стоящий ящик и обводит пальцем экран.

– Точно, нашу учебную гранату мы вам доверить не можем, попрактикуйтесь пока с камнем, где-нибудь за забором. А тестовый режим осилим? Во, я ж говорю, спеси много, а прописать круговую защиту терпенья не хватает. Кстати, тебе известно, что ты уникум?

Слегка приосаниваемся, хотя в положении полулежа сделать это непросто.

– Ну да, штучный товар.

– Красавцы-то мы все, – смеется он, – но я сейчас о другом. У тебя показатели дальности броска и дальности прицельного броска совпадают до последней цифры после запятой. То есть, до миллиметра.

– Ээ…

– Проще выражаясь, ты можешь не докинуть до цели, но промахнуться не способен.

– Ну, попадаю вроде…

Паренек снова опускает глаза на экран.

– А вот с броском на поражение почти по-японски, хреновато, то бишь. Чуть ли не на порядок ниже, даже странно как-то. Мячиком, что ли? Ножик есть какой?

Вытягиваем из голенища именное оружие. Он кивает:

– Сойдет. Качни-ка в руке.

Изображаем замах. Часовой возвращается к браслету.

– Да нет, все правильно, именно на него и настроено. Оп-па! Вон оно что. В качестве цели по умолчанию введен вовсе не человек. Просто какой-то Объект. С большой буквы. С неуказанными характеристиками, но и так ясно, что лучше не связываться. Слушай, где тебя снаряжали?

Совершаем неопределенное движение бровями.

– Секрет?

– И, видимо, настолько строгий, что и от меня скрыли.

– Ты хочешь сказать…

Молчим, не зная, как приступить к объяснениям, и стоит ли.

– Не бери в голову, братуха, – решительно отвечает Брайан, –

я свою уже перестал засорять. Главное, известна задача, которую нужно выполнить. Независимо от каких-либо обстоятельств.

– Ну, это мне понятно. Сам на том стою. Ладно, вернемся к делу. Активный режим действительно недоступен, но тренировочный я тебе сейчас запущу, а то первая встреча с Объектом тут же станет последней. Далеко он, кстати?

– Далеко.

– Значит, подтренироваться успеешь. Принцип действия браслета понятен?

– Накапливает и усиливает?

– Ну, это в активном режиме, в тренировочном просто создает дополнительное сопротивление. Двигаешь рукой, а нагрузка на мышцы возрастает. Больше всего эффекта, конечно же, именно от бросания, но даже просто при ходьбе он проявляется. Да и… с воображением у тебя как?

– В пределах нормы.

– Бросок не обязательно проводить реально, хотя и желательно. От мысленного тоже эффект есть. Все понял?

– На ходу руки в карманы не пихать, на отворотах не фиксировать, при первой возможности метать нож, по крайней мере, в уме.

– На лету хватаешь. Результаты всегда можешь проверить, палец на нижний обвод положи, он и покажет. Как только уберешь, вернется в тренировочный режим. Активный сам включится. Когда, правда, не знаю, на какие параметры он настроен, определить мне не удалось.

– Значит, со временем.

– Или раньше, если будешь упорно тренироваться.

– Из тебя бы неплохой сержант вышел.

– Ничего, в рядовых дохожу.

– Дурачок мне отчего-то снился, – меняем тему разговора.

– Был он тут поутру. Банку гусениц принес. После целый час у топчана простоял. Сначала смирно, только с ноги на ногу переминался, потом потихоньку приплясывать взялся, пришлось шикнуть. Повздыхал-повздыхал и ушел. На драку, как я понял, бить кого-то. Мне показалось, что он хотел тебя с собой позвать, видать, ты у него в большом авторитете. Булавку ты ему выдал?

– Какую булавку?

– На воротнике у тебя похожую видал.

Касаемся отворотов. Наши все на месте. Вытягиваем и дротики, и заколку. Часовой кивает на последнюю:

– Такая же.

Интересно.

– А где его сейчас найти можно? – спрашиваем.

– Если не на полковых огородах, то и не знаю. Жизнь у него насыщенная. Иногда на несколько дней исчезает. Выведать что-нибудь, сам понимаешь, очень трудно.

– Чей он?

– В смысле родственников? Ничей, не из местных он. Года три назад пришел откуда-то. Сначала на пятаке у ворот толокся, торговцам товар помогал таскать. Потом пристроился полковые огороды охранять. Конуру ему там какую-то выделили, слегка подкармливают. Пугальным рубищем обеспечивают.

Так. Значит, вторая заколка. Предназначенная, по-всему, именно нам. Порученец, опять не из самых обычных. Надо искать, пока не потерял. Пристраиваем судьбоносный арсенал на место и поднимаемся.

– Пойду посмотрю. Если появится, задержи до моего возвращения.

– Лады, дверь там прикрой до щелчка. Потом постучишь.

На выходе сворачиваем вправо, минуем кривые яблони, поныряв по полынным буеракам и попетляв по развалинам, выбираемся к барачной улице. Вон и огороженные грядки, ближе к подъездной площади. Примерно посредине массива над картофельной ботвой простирает свои костлявые руки стационарное пугало. Голое, но в широкополой соломенной шляпе. Просторная собачья будка, расположенная поблизости, видимо, и служит резиденцией старшего огородного надзирателя. Дома его, понятно, нет. В противном случае, ноги неизбежно торчали бы наружу.

Перелезаем забор и пробираемся по меже. Приседаем и заглядываем в дырку. Пол аккуратно застлан пожухлой лебедой, в углу что-то белеет. Просовываем руку по плечо и вытаскиваем наружу. Местный бестселлер про братьев наших меньших. Ближе к началу заложен огрызком карандаша. Химического, судя по оставленным следам. Первые три страницы испещрены подчеркиваниями. Буква «д» удостоена одной черты, а сочетание «др» даже двух. Грамоте он что ли обучается? Но метода какая-то странная. Впрочем, и ученик весьма незауряден.

Куда ж тебя понесло, чучело картофельное?

Не видя внешних движений, почувствовать внутренние гораздо труднее.

Возвращаемся на дорожку. К баракам или воротам?

Пожалуй, к воротам. Но, не доходя до площадки перед аркой, ныряем за акациевую полосу и оказываемся на травяном поле.

Возле постамента знакомые представители богемы, по-прежнему в римских позах и тех же самых живописных одеждах.

– Дурачка не видали? – спрашиваем, поравнявшись.

– Еще вчера я бы не преминул ответить, что прямо сейчас и лицезреем. Но сегодня больше склоняюсь оставить сию непритязательную шуточку при себе.

Похоже, ум кофтастый пропьет в самую последнюю очередь.

От высказывания вслух тоже воздерживаемся – интеллигентные все люди.

– Ежели ты про того самоотверженнейшего, – подхватывает сине-лампасный, – что без устали бьется в одиночку с ползучим вредителем, то движешься в поперечном ему направлении. Появившись из-за угла амбулатории от складов, пересек он центральную аллею и в сторону гаражей прошел.

– Прошествовал, – поправляет кофтастый, – даже за предложенным огурцом не подойдя. Чем-то более важным обеспокоенный.

Неожиданно нас задевает обрывок фразы. *В одиночку бьется…*

– В гаражи ему зачем?

– Кто может проникнуть в его помыслы? – пожимает верхним плечом лампасный.

– Если хочешь догнать, лучше поторопись, – советует по-простому кофтастый, – иногда он в той стороне на несколько дней пропадает.

Внимаем совету. Углубляемся в гаражи, обшаривая взглядом боковые проемы. Пусто. Лишь на фоне перекрещенных металлических труб виднеется толстая тетка, склонившаяся с жестяной миской в руке над железной клетью. Видать, надумала покормить своих ржавых кур.

– Дурачок не проходил? – спрашиваем, приблизившись.

– Так я еще и за дурачком должна следить? – чуть ли не взвизгивает она.

Похоже, где-то недосварничала.

За гаражами открывается тихий кладбищенский лесок. Надо нам туда? Слегка приостанавливаемся. Нет, под его сенью все спокойно. Зла уже никто не таит. Даже если не удалось донести по назначению. Значит, дальше. Огибаем по кромке, пересекаем поле и втягиваемся в деревенской проулок. Из окошка крайнего домика выглядывает любопытствующая скорнячиха.

– Скажи-ка, лесникова вдовица, – справляемся, притормаживая, – не проходил ли тут дурачок?

– Проходил, проходил, – отвечает она словоохотливо, – до того решительный, что и головы не повернул. Словно на главное дело жизни настраивался.

Воин спит беспробудно, знать, оруженосца черед. Больше некому выйти…

Ускоряем шаги.

На центральной площади останавливаемся. Вперед в поселок или налево по улице?

Но ведь и здесь что-то нужно было, очень важное.

Заворачиваем в торговый центр.

Лунное лико хариной хари призывно светится над прилавком.

Отводим взгляд, от соблазна.

– Дурачок заходил?

– А как же! Проверить, не накопилось ли услов. Потом минут пять у меча простоял. Даже лапу пытался на стекло положить.

Не «у», а «перед». *Перед мечом.*

Выбираемся обратно под небо.

Надо бы и в молельный дом заглянуть, однако внутрь сильно не хочется. Уж больно своды ненадежны, ну как завалится краденый крест?

Но, похоже, и долгополому там не сидится. Скрипит дверь, клацает калиточная щеколда, и он появляется из ограды, направляясь к павильону.

Видимо, отче сегодня не в голосе. Наткнувшись по дороге на нас, речитативом слух не услаждает, бросая деловитым тоном:

– Если за отпущеньем грехов, зайди ближе к вечеру.

– А дурачок отпущение уже получил? – интересуемся окольно.

– На нем грехов нет, он благословления искал.

– Благословления?

– Армагеддон его ждет, последняя битва с дьявольским воинством.

Обогнув нас, долгополый продолжает маршрут.

Остаемся стоять на площади.

Армагеддон. Последняя битва. С дьявольским воинством.

– Где ждет? – успеваем крикнуть вслед.

Перед воротами павильона отче совершает широкую отмашку правой рукой. То ли вдоль улицы, то ли к черту. Выбираем первое направление.

Из прохода, ведущего к коновальному двору, вышмыгивает на дорогу плюгавый мужичонка, держащийся обеими руками за лицо, и, тонко подвывая, пробегает мимо нас. За ним выскакивает дородный детина в клеенчатом фартуке с окровавленными клещами в руке и бросается в погоню с громкими увещеваниями:

– Ну-ка, не балуй, там еще корни остались! Тпру, я сказал!

Следом выглядывает старушонка в платочке, стреляет глазками и быстро семенит в противоположную сторону, причитая на ходу:

– Господи, помилуй, лучше уж я сама помру.

Заглядываем по пути в проулок, никаких других пациентов во дворе не видно.

Улица постепенно понижается, затем резко ныряет вниз к изгибу подступающей справа речки. Последний дом прячется в зарослях ивняка.

Старушонка стремится дальше по тропинке, огибающей излучину. Затем берет левее и карабкается на косогор. Наконец скрывается за околком.

В том направлении, кажется, должен быть городок.

Проводим пальцем по левому обрезу экрана навигатора, касаемся ландшафтного символа. Так и есть, если опустить перпендикуляр от начала центральной аллеи, где-то на уровне того околка он и выйдет к реке. Получается, именно здесь мы вчера славным дуэтом чинили препятствия супостату, взявшему в привычку выползать на пастбища. Вон и полегшие травы, окропленные нашим потом и кровью.

Но Гадючий лог пуст, боевого собрата нигде не видать. Вернулся в городок? Но зачем же было кругом? Да и стерня разве не ранит босые подошвы?

Нет, давно стерпелись они, даже не ощущают особой разницы. Слегка свербит в спине под пыльной мешковиной, но вполне терпимо.

Другое никак не дает покоя. Неустрашимый воин, явившийся неизвестно откуда, не сумел разгадать коварства извечного врага. Поверил личине, которой тот привычно прикрылся. Обманулся мнимой его смертью. Бросил лукавого, не пригвоздив. Позволил злу и дальше длить свое торжество.

Что за бред в напеченную пополуденным солнцем головушку лезет? Осталось еще пуститься в долгую дурацкую пляску. Как там, с притопом?

Драку – фу!
Драку – на!
Драку – бить, бить, бить!

Блики вечернего костра мечутся по скалистым стенам ущелья. Лучшие охотники родного племени ровной шеренгой держатся сзади, нагнетая древний боевой ритм. Но вперед не выходят, сегодня наше единоличное испытание.

Затаившийся враг делает вид, что заворожен, что обессилен, что не способен оказать сопротивление, одновременно карауля наше приближение и выбирая момент для разящего выпада.

Драку – фу!..

Надвигаемся в такт слаженным хлопкам, делаем

акцентированный притоп левой ногой и отходим обратно. Повторяем маневр, подступая к врагу еще на один незаметный сантиметр ближе.

Драку – на!..

Мы успеваем улучить момент раньше. Стремительным броском достигаем врага и с размаху вонзаем серебряный кинжал в голову, пригвождая к земле.

Драку – бить, бить, бить!

Мы прошли, наконец, первое испытание и теперь уже достойны встать в общий ряд соискателей высшей чести. Долгое изгнание окончено. Пора возвращаться домой.

Но это, понятно, не про нас, у Брайана дома нет. И ему надо не возвращаться, а искать путь вперед.

Как же ты нас напугал, дурачина!

Быстро доходим до места его последней битвы с извечным врагом.

Точно, в черепе давно околевшего змееныша торчит ритуальный стилет.

Можно представить, сколько пришлось змееборцу плясать тут, чтобы набраться смелости его воткнуть.

Красное закатное солнце в самом деле уже полускрылось за горизонтом.

Придавив гадюшонка башмаком, вытягиваем заколку, вытираем об штанину и пристраиваем в правый отворот рядом с предыдущей.

Навигатор переливчатыми колокольчиками уведомляет, что и мы, в свою очередь, с заданием справились.

ЛИЧНОСТЬ

ЗДОРОВЬЕ:
75 хитов

СУДЬБА

ГЕРМЕНЕВТИЧНОСТЬ:
эмпатия + +

Оглядываем окрестности.

Лог от врагов полностью очищен. Лишь в самой пойме, в прибрежной осоке, призрачным абрисом высвечивается одинокая желтая линия, спешно змеящаяся за поворот излучины.

Делать здесь больше нечего.

Ладно, дома у нас действительно не имеется, но переночевать, все же есть где.

Двери склада открываются за долю секунды до того, как мы грохаем в них уже занесенным кулаком. Видать, братуха,

сидящий у мониторов, отрабатывает реакцию.

Впрочем, встречает он нас уже на полдороге к входу.

– Отстреливаться от погони не надо?

– Вроде нет.

– Тогда отбой. Войсковики свои генеральные наступления, как правило, на утро планируют. Не то чтобы от их потомков можно штурма ждать, но приглядывать все же надо.

Добираемся до отведенного топчана и отключаемся, подтвердив использование в страховом полисе имени с добавленным штрихом.

Глава VIII

Братуха опять успевает подняться раньше. Когда, позевывая и натыкаясь на ящики, добредаем до наблюдательного закутка, он, стоя к нам спиной с поднятой кисточкой в руке, оценивает, видимо, только что законченную работу. На оборотной стороне старого пожелтевшего плаката, пришпиленного к стене, поблескивающими свежей акварелью буквами выведено:

ОБЪЯВЛЕНИЕ
Всем жителям городка
Ровно в полдень явиться на плацевое поле
для рытья братской могилы у постамента
Лопаты приносить с собой

– Думаешь, придут? – спрашиваем с сомнением.

– Половина, как минимум. Гены. Кадровая память предков. У них до сих пор, чей прадед старше по званию, тот и прав.

– Постараюсь не пропустить. То еще, наверное, зрелище будет. Когда вывешивать собираешься?

– Ближе к ночи. Спектакль, следовательно, завтра. А твои успехи как, нашел? – он поворачивается к нам.

– Булавку, как ты изволил выразиться, да, а вот сам он исчез. Забил аспида, коварно прикинувшегося дохлым, и направил босые стопы в родное племя. Кажется, навсегда, потому как изгнание на этом закончилось. Если я, конечно, правильно подобрал слова. Мыслит он не понятиями, а все больше ощущениями.

– А ты мысли умеешь читать?

– Не совсем, просто иногда чувствую чье-нибудь внутреннее состояние.

– Так ты его видел?

– Нет. Только околевшего гадюшонка с воткнутой им в череп булавкой.

– Значит, на расстоянии чувствуешь?

– Получается, что и так могу.

– Ну ты прям великий гарпунщик.

– Какой еще гарпунщик?

– Тот, что за белым китом гонялся.

– Ты про капитана Ахава? Он-то здесь причем?

– Да в том-то и соль неморская. Ходил тут у нас по казарме самодельный фикшн. Сам я, правда, не читал, но вроде, загарпунив Дикого Мобю, он какого-то другого монстра выслеживать принялся, уже в наших краях.

– А разве кит его не утащил в бездну?

– Да то очередная легенда прикрытия, чтоб не привлекать лишнего внимания. А вообще-то, он был специалистом по врагам рода человеческого. И появление очередного главного гада каждый раз чуял издалека и задолго. Заранее перебирался в место, откуда исходила деформация длинных линий, и тщательно готовился к встрече.

– С гарпуном в засаде, говоришь?

– Смеяться в том рассказе можно от начала и до конца, но вот с оружием у него был полный порядок. Целый арсенал, от баллисты до стилета, и все из серебра.

– А кто автор шедевра?

– Да замполитова дочка, из средних. По всем журналам рассылала, но, кажется, ни в одном не решились печатать.

– А чего ее на писания потянуло?

– Мамаша ее на культуре была сильно задвинута. Клубом здешним заведовала. Замполит по долгу службы зашел как-то ознакомиться с последней передовицей и не заметил, как зачитался. Кончилось скандалом и женитьбой. Наплодили они потом кучу дочерей. И всех требовалось пристроить. Вот и появилась тут библиотека, литературный кружок, армейская балетная студия, арт-ателье да краеведческий музей под руководством младшенькой, замполитовой любимицы. Первогодков в рамках воспитательной работы выстраивали цепью и посылали прочесывать окрестности. И чтоб каждый непременно чего-нибудь принес: урыльник из урочища, трилобита из карьера или хотя бы необычный минерал. Хренологический дневник при музее издавался. Про погоду, природу, народные приметы, обычаи и местные поверья. Там и были сведения, на основе которых средняя создала позже свою историю про гарпунщика, неотступно блюдущего линии.

– А как бы его полистать, дневник-то этот?

– Музей в клубе помещался. Можно пошарить. Но вряд ли там что осталось. Прапор, когда еще горючка имелась, всему их семейству целый камаз сундуков привез с монастырской мебельной фабрики. Чего дочери оттуда не забрали, сам потом подчистил. Попробуй выспросить у Плешивого. Он из замполитова клана, той ветви, что от балетной студии тянется.

Она более других похожа на непрерывную. Но поскольку сына основатель не сумел зародить и происхождение тоже приходится вести от внука, право на главенство рода постоянно у них оспаривается. Но, по-любому, он должен быть в курсе.

Итак, с кого начинать поиски, установлено. И с именем мы угадали.

На выходе из склада сворачиваем налево. Отдаем честь старикану, стерегущему ворота в миссию. Тот выпячивает губу и демонстрирует профиль. Еще раз сворачиваем налево. У закрытой двери амбулатории стоит бабуся в платочке и читает вслух табличку:

– Се-го-дня при-ем в по-сел-ке.

– Пойдешь проверять? – спрашиваем.

– Зачем? Когда его из миси турнут, первым делом принимать он здесь будет.

– А думаешь, турнут?

– Конечно. Он же зверье это всякое с детства на дух не переносит. Со дня на день жду, что сорвется. Дедок вон мой на прошлой неделе пошел в сарай к кабанчику, так вместо того, чтоб, как обычно, почистить, навернул его подборкой по голове, потом еще с полчаса по огородам гонялся. Назад пускать отказался наотрез. Не могу, грит, больше на этого засранца смотреть. Пришлось продавать. А всего-то три месяца терпел, не три года.

– Да, похоже на предвещающий знак.

– Перст судьбы, помяни мое слово.

– Ладно, помяну. А пока скажи-ка, не попадался ли тебе на глаза Плешивый?

– Попадался, – подтверждает бабуся, – с гроссбухом подмышкой и карандашом за ухом. В сторону поселка направился. Видимо, чтобы текущий баланс услов с Харей улегулировать.

– Урегулировать, – поправляем автоматически.

– Урегурировать? – недоверчиво переспрашивает она.

Машем рукой. Все равно этому слову в правильном виде не прижиться.

Пересекаем центральную аллею, минуем клуб, проходим гаражи и огибаем по краю общий погост.

Из окошка первого домика деревенского проулка выглядывает скорнячиха.

– Догнал дурачка-то вчера? – любопытствует она.

– Не удалось, – вздыхаем мы.

– Ну, теперь придется дня три назад ждать.

– На этот раз он, кажется, совсем ушел. Вернулся в родное

стойбище. От мужа в свое время не доводилось слышать о племени охотников в здешних лесах?

– Да все, кто в окрестностях промышлял, тут и жили, в городке да поселке. Охотились, пока ружья не развалились и порох не кончился.

– А с луками-копьями, топорами-рогатинами?

– Для этого надо сноровку с детства иметь. Да и оружие только с виду простое, а чтобы сделать, как положено, тоже навык немалый требуется. Спроси на всякий случай у кузнеца…

– А про змееловов каких-нибудь ничего тебе не известно? – не отстаем мы.

– Да змеи-то все больше не в лесах живут.

– А змеиная мазь для коленей у тебя откуда?

– Так от лекаря. Он сам их и делал.

– А яд где брал?

Скорнячиха пожимает плечами:

– Тогда неинтересно было, а сейчас уже и не спросишь. Он постоянно в своей мисе пропадает, а если и выходит, то ни на какие лечебные вопросы не отвечает. Подписку о неразглашении вроде бы давал.

– Даже так?

– Говорят.

В начале проулка вырисовывается искомый Плешивый. В самом деле с амбарной книгой подмышкой и карандашом за ухом.

– Сдается мне, лесникова вдовица, что ты не все тут правильно запомнила. Видно, придется тебе еще одну экскурсию устраивать.

С этими загадочными словами отходим от окошка на середину дороги, оставив скорнячиху изнывать от любопытства. Ничего, пусть немного потерпит, тем более что замысел еще не обрел конкретных очертаний.

Плешивый вскидывает приветственно руку.

– Как там у нас с мирной рыночной торговлей? Слыхал, ты уже в склад внедрился.

– Работаем в указанном направлении, – солидно отвечаем мы. – В данной связи возникла настоятельная потребность ознакомиться с некоторыми материалами местного краеведческого музея.

– Эва, ты вспомнил, – опешивает он. – Они-то с какого боку прилепились?

– Сложная комбинация, не хочется пока вдаваться.

– Сглазить боишься?

– Вроде того.

Плешивый задумывается.

– Наследные сундуки должны находиться у старшего представителя линии. Значит, экспонаты музея хранит ведьма.

– В смысле характера?

– Мм, больше в смысле занятий. Хотя характер у нее тоже… ээ… неуживчивый.

– Не с заимки ли у Кабаньей дубравы?

– Нет, та из библиотечной ветви и просто по натуре своей нелюдима. Музейная же директорша еще при жизни отца со всеми рассорилась и перебралась в хозяйство бывшего заповедника возле обсерватории.

– Обсерватории?

– Народное название многофункциональной радиолокационной системы. И странное дело, вроде всегда одна жила, но откуда-то у нее внучка взялась. Аналогичная история потом приключилась и с той. Так что сейчас там обитает внучка внучки, не знаю, сколько раз пра положено вставлять.

– И как туда добираться?

– Можно по основной дороге на север, через пару километров на ней поворот налево. Местные же предпочитают пользоваться лесной тропинкой за подстанцией. Считается, что так быстрее.

– А полигоны тоже в тех краях?

– Пусковые установки подалее расположены.

– Радиация там есть?

– Не должно быть. Ракеты в шахтах законсервированы. Разве что заряд на какой подтекает слегка. На всякий случай, того, что растет, не ешь, из родников и ручьев не пей.

– Дышать-то там можно?

Плешивый смеется.

– Давай мы тебя сразу в скафандр обрядим. Я народ созову, скажу, Гагарин к нам по грибы пожаловал. Только ты уж крикни, когда будешь махать рукой на прощание, это самое: «Поехали!», чтоб никто не сомневался.

Представив сцену, тоже улыбаемся.

– Ладно, пошли.

– Мне еще тут надо кое-какие разногласия по поводу портупей уладить. Хочешь, подожди.

– Да нет, путь неблизкий, время дорого.

Направляемся обратным порядком в городок. Проходим его без остановок. За аркой к баракам не сворачиваем. Может, через подстанцию и быстрее, но, наверное, только если той тропинкой уже хаживал. Так что продолжаем движение по бетонной дороге, поросшей квадратами лебеды, упорно прущей из зазоров плит.

С обеих сторон лес подступает к обочинам почти вплотную,

утвердившись даже в профильных рвах. Еще немного и взломает корнями полотно. Многие плиты и так уже на стыках не совпадают по уровню, и форсировать густые лебедовые полосы следует с осторожностью, чтобы не запнуться. Посему ровного маршевого хода, способствующего отрешенности от ближнего окружения, не получается.

Вообще, толком подумать в последние дни не удается. Преобладающие балаганные перебивы не дают сосредоточиться, ухватить ситуацию целиком, вникнуть в глубины. Чересчур много фрагментов, на первый взгляд, не связанных друг с другом. Но это, скорее всего, ровно наоборот, от их недостаточности. Как в разбросанном пазле. Видимо, время для общей картины еще не наступило. И для единого ритма, организующего движение. Пока на его роль претендует лишь дурачковая плясовая с притопами.

А давай-ка, Брайан, спляшем на ходу. Дабы какой эвентуальный враг, затаившийся в дремучих лесах, не только сам зарекся переступать нам путь, но и потомкам своим паче чаяния заповедал. Как там у нас?

Драку – фу!
Драку – на!
Драку – бить, бить, бить!

Ишь как действует, не только певчие, но и жужекрылые притихли. Однако даже в закольцованном виде на марш не тянет, вперед не ведет, потому что изначально настроена на поступательно-возвратное движение, проще говоря, топтание на месте.

Через пару километров дорога утыкается в поперечную, такую же бетонную. В самом основании примыкания из кустов на противоположной обочине выглядывает нечто вроде дота, оборудованного вместо окон узкой горизонтальной бойницей. Темно-серые грифельные ящерки с черным узором на спине, гревшиеся на солнышке, юркают по своим расщелинам, не интересуясь, зачем мы пожаловали и имеем ли на то дозволение в развернутом виде.

Вправо дорога просматривается лишь метров на триста, поскольку изгибается по длинной дуге почему-то к югу, хотя именно тем концом ей вроде положено выводить на север. Слева же тянется по идеальной прямой километров на пять, далее то ли заканчиваясь, то ли круто сворачивая.

Нам в ту сторону, по крайней мере, пока.

Почти сразу натыкаемся на квадрат в центре полотна, поросший уже не по периметру, а сплошняком, и не столько

лебедой, сколько репьем пополам с бурьяном. Плита, покрывавшая когда-то это место, валяется шагах в двадцати дальше по дороге, словно выдранная и отброшенная. Метров через двести попадается еще одно пустое гнездо. Перевернутая плита лежит, правда, рядом.

Неожиданно осознаем, что вернулось ощущение опасности. Как в самом начале, на выходе из глиняного карьера. Левая ладонь инстинктивно приподнимается и выдвигается чуть вперед, правая неподвижно обвисает, сохраняя минимальное расстояние до рукоятки ножа в голенище.

Что-то резко ударяет между лопаток. Тело само исполняет разворот на опорной ноге, одновременно выбрасывая левую руку в трофирующем блоке. Правый кулак застывает на бедре. Но цуки наносить некуда. То, что ударило, уже валяется у наших ног. Зеленая саранча сантиметров пятнадцати длиной, можно сказать, маленькая. А где остальные? Им же положено тучей перемещаться.

Но в притихшей округе совершенно пусто. Видимо, отбилась от своих где-то в Такла-Макане, потом летела-летела-летела и уткнулась головой прямо в спину Брайана, идущего по заброшенному шоссе к дальним полигонам на свидание к ведьме. Что ж, бывает. Если кто считает по-другому, пусть попробует первым бросить в нас камень. На всякий случай вытягиваем именное оружие из ножен. Желающих посоревноваться, однако, не находится. Как хотите. Засовываем нож на место и двигаем дальше.

В конце дорога вовсе не обрывается, а даже разветвляется. Во-первых, в самом деле резко сворачивает вправо, выписывая затем зигзаг и переставая просматриваться, а во-вторых, пройдя сквозь прикрытые ажурные ворота, продолжается уже по огороженной территории чего-то, возможно, искомого хозяйства бывшего заповедника.

Проржавевшие ворота толкать не рискуем. Завалятся – объясняй потом, что Брайан не вредитель, а лишь в гости заглянул. Просто просачиваемся в заборную прореху.

Видимо, попадаем по адресу, потому как нас тут же встречают. Из кустов слева выметывается оголтелая стая шавок и пытается взять в кольцо, всячески понося на своем визгливом языке. Отступаем спиной к забору, не давая зайти сзади. Вцепится еще какая сдуру в штанину. Обслюнявит, а то и порвет.

Ждем предводительницу.

После пяти минут хоровой поносной из тех же кустов появляется сгорбленная старуха с суковатой палкой и крючковатым носом. Ведьма – это, пожалуй, эвфемизм, карга –

куда точнее.

– Цыц! – произносит старуха негромко, и шавки смолкают. – Зачем пожаловал?

– По делу, – коротко отвечаем мы.

Ее реплика не длиннее:

– Излагай.

– Кое с какими материалами краеведческого музея надо ознакомиться.

– Вот как, – удивляется она. – И с какими же именно?

– Фенологический дневник хочу полистать.

– Спохватились, выходит, – усмехается старуха. – Раньше надо было тревогу бить. А то гром не грянет, мужик не перематерится. Ты чьих, кстати, будешь?

– Ничьих, сам по себе.

– А откуда?

– Издалека.

– Ну-ка, дай посмотреть.

Старуха приближается и заглядывает в глаза. У нее самой они вовсе не выцветшие и не слезящиеся. Темные и глубокие. Чтобы оторваться по собственному желанию, потребовалось бы приложить усилие. Но мы и не пытаемся, выдерживаем, не моргнув. Как же определишь код допуска без сканирования сетчатки? Хорошо еще, изучение узоров на ладонях пропустили.

– Ладно, – говорит она через полминуты, – пойдем в дом.

В сопровождении шавочного эскорта следуем за ней через кусты, выбираемся на поляну с длинным бревенчатым домом и поднимаемся на открытую веранду. Шавки останавливаются у подножия крыльца.

Старуха кивает на пластиковый стул по другую сторону столика. Сама опускается боком на ближний, продолжая опираться на свою суковатую палку.

– Все подряд будешь читать?

– Мне нужно то, что касается охотничьего племени.

– А изменение климата и поведения животных в предшествующие годы к делу, по-твоему, не относится?

– А что с ними?

– Укорачивающееся лето и лопающиеся трубы зимой, исчезающие местные виды и забредающие в здешние края, к примеру, песцы. И все это под несмолкающие крики про наступающее потепление.

Глубокомысленно морщим лоб и выдвигаем нижнюю губу.

Глобальные проблемы не наш профиль, нам бы только одну частную разрешить. Тщательно выверенным ударом.

– Ладно, – вздыхает старуха, – видимо, время осознания еще

не настало. Но слова мои запомни, пригодятся. А пока я буду номер тебе искать, сходи за сипушонком.

– Кто таков?

– Детеныш сипухи, понятно.

– А сама она из каких?

– Из совиных, если не вдаваться в тонкости. Лучше бы его, конечно, брать ночью, когда мамаша охотится, но в темноте ты дупла не найдешь, новолуние нынче.

– И в какой стороне дупло искать?

– Пойдешь по центральной дороге, как она закончится, входи в лес и смотри под ноги. Возле нужного дерева наткнешься на погадки.

– От слова гадать?

– От слова гадить, грамотей. Совы свою добычу целиком глотают. Чего не сумеют переварить, в основном кости и шерсть, назад отрыгивают. Высунувшись из дупла. Так что у корней обязательно эти комочки увидишь. Прежде чем взбираться, шумни, пусть мамаша заранее вылезет. Особо бросаться на тебя не должна, но все ж не мешкай. Бери одного, спускайся и уходи побыстрее. Долго гнаться она не станет, других птенцов не бросит.

– Ладно, только ты псиц своих придержи, в одиночку мне сподручнее.

Встаем и направляемся к выходу.

– Они и так не пойдут. А для сподручности мешок возьми, вон на балясине.

Забираем торбу, подвешенную на затянутой веревочке, спускаемся с крыльца и делаем всем ручкой.

За кустами сворачиваем влево. Дорога тут на стыках заросла чуть меньше, зато пощербленности на плитах заметнее. Метров через триста пересекаем поперечную, приметно такую же, но на треть поуже. Еще через триста – вторую. Далее они следуют регулярно. Между пятой и шестой к левой обочине примыкает широкая забетонированная площадка с тремя длинными ангарами. Затем дорога снова начинает походить на ущелье в нетронутом лесном массиве. Сквозь деревья видно, что с травой там не густо. В отличие от странных, вычурно-изогнутых грибов, растущих целыми выводками. Может, и лисички, правда, тем вроде полагается быть желтыми, а эти больше оранжевые.

Через три километра центральная дорога заканчивается, утыкаясь в последнюю поперечную, на которую выводят плавные повороты. За дальней обочиной небольшая полянка, а затем сплошной лес. Большую часть полянки занимает воронка с оплывшими краями. В центре ее зияет пятиметровый в диаметре

провал. Отыскиваем высохший глиняный ком и бросаем в темноту. Ответного шума не дожидаемся, то ли ком по дороге развалился, то ли возвращающееся эхо успело затухнуть. Ладно, дела давно минувших дней – не нашего ума.

У корней первого же дерева на опушке обнаруживаем россыпь бурых катышков с торчащими косточками. Надо полагать, это и есть совиные погадки. А вон и дупло, метрах в шести от земли. Ветвей на стволе достаточно и расположены они удобно. Но без стука лезть в гости нам знающий человек не советовал. Поднимаем валяющийся поблизости сук и с размаху колотим по комлю. Правда, вместо тук-тук получается бум-бум, но, наверное, и так догадаются выглянуть. Действительно, сверху раздается шум и из дупла появляется рыжеватая в крапинку сова, усаживается на ветку и кричит: «Угу!» Однако не сказать, что приветливо. Ну, извини, подруга. Не злобы ради, а токмо волею пославшей нас ведьмы. Все претензии к ней. Символически поплевав на ладони, взбираемся наверх, вспугиваем пернатую хозяйку и засовываем руку по локоть в дупло, где нас кто-то нещадно царапает когтями, бьет крыльями и больно щиплет клювами. Нащупываем одного маленького негодяя и вытаскиваем наружу. Вполне себе сформировавшийся совеныш с выпученными желто-зелеными глазами. Запихиваем в заготовленную торбу, затягиваем веревочку и быстро спускаемся. Вопреки предсказаниям, мамаша следует за нами, перелетая с дерева на дерево и оглашая окрестности утвердительными криками. В смысле, наверное, что так не оставит.

Ведьма встречает нас на веранде с широкой жестяной миской.

– Посади и пугни, – говорит, протягивая ее.

Достаем, ухватив сверху, кое-как пристраиваем на указанное место и, вспомнив нашего друга-змееборца, кричим: «У!» Совеныш от неожиданности обгаживается.

– Можешь вытаскивать, – объявляет ведьма.

Заглянув в миску, удовлетворенно хмыкает и забирает ее.

– Читай здесь, – говорит она, кивая на стол с лежащей посредине папкой. – Там копия статьи, сам номер куда-то запропастился. А я пока своим делом займусь.

Спускается с крыльца и направляется к отдельно стоящему строению, увенчанному трубой с поднимающимся дымком, судя по всему, летней кухне.

– А этого куда девать? – вопрошаем вслед.

– Если летать научился, просто выпусти, – отвечает старуха на ходу.

– А если нет?

– Тогда тащи назад в дупло, – отмахивается она и притворяет за собой дверь.

– Угу! – откликаются с ближней кроны.

Подносим к краю веранды и разжимаем ладони. Не подведи, родимый, неохота лишних шесть километров туда-обратно переться. Совеныш радостно хлопает освобожденными крыльями и устремляется в небо. Ну не совсем в небо, но все же слегка вверх. В любом случае, достаточно, чтобы опуститься не на землю, а на ветку того дерева, с которого опять слышится одобрительный крик. Ладно, дальше сами разберетесь.

Возвращаемся к столу и открываем папку с одним пожелтевшим листком, упакованным в прозрачный запаянный файл. Похоже, ксерокопия разворота некоего издания тетрадного формата. С рисунком бронтозавра, сидящего в луже и призванного, возможно, заполнить объем. Сама статья невелика.

В ОЖИДАНИИ ЗВЕРЯ

Странный обычай существует в охотничьем лагере, устроенном жителями Ловчих выселок в старых каменоломнях. Чтобы быть принятым в стойбище, необходимо пройти достаточно сложный экзамен.

С сугубо научной точки зрения, это так называемый обряд инициации, ритуальное испытание молодых людей, вступающих во взрослую жизнь. Но характерно данное явление исключительно для родоплеменного строя и в наши дни встречается лишь в отдаленных закоулках мировой цивилизации. Клод Леви-Строс в своих трудах подобные малые общества именует «этнографически-пережиточными», отмечая присущую им устойчивую социальную структуру и мифологическое мышление, в основе своей коллективно-бессознательное.

Но, пожалуй, еще более странным представляется то, что окрестные охотники, традиционно специализирующиеся на промысле боровой дичи, практикуют, в качестве ритуальных, испытания, которые уместнее выглядели бы в каком-нибудь племени змееловов.

На первом, вступительном, этапе претенденту необходимо справиться с взрослой гадюкой. Нужно поймать ее голыми руками и посадить в мешок. Естественно, при этом не обойтись без известной сноровки, но в большей степени, наверное, оно направлено на преодоление заложенного в самой глубине человеческого сознания страха перед пресмыкающимися, которых в народе неспроста издревле зовут гадами.

На втором этапе, переводящем, в случае успешного

завершения, рядового члена стойбища в ранг охотника, соискателю предлагается сразиться, по слухам, с гигантским вараном. Вероятно, все же в метафорическом смысле. Настоящие гигантские вараны длиной до четырех метров водятся только на Малых Зондских островах в составе Малайского архипелага. Наиболее известный из них, давший название виду, Комодо. Но и обычный серый варан, достигающий полутора метров, в наших краях иначе, чем гигантский, назван быть не может. Правда, и он встречается, самое близкое, в Средней Азии.

Третий этап, прохождение которого дает право стать помощником главного егеря, совершенно закрытый, все попытки что-либо выведать оказались безуспешными. Известно лишь, что до сих пор никто его не прошел, отчего почетная должность и ныне свободна.

По поводу странной направленности инициальных обрядов удалось выяснить, что все их принес с собой новый егерь, не из местных, прибывший неизвестно откуда. Он и предрек неизбежное появление Зверя. Именно так, с большой буквы. И чтобы, дескать, не оказаться захваченными врасплох, надо готовиться к скорой встрече.

Эсхатологизм егерских воззрений свидетельствует об откровенной религиозности его сознания. Но, тем не менее, остается непонятным, почему появление Зверя следует ожидать в наших, ничем не примечательных, краях? Разнообразные теории конца света, как правило, не локализуют место начала будущей мировой катастрофы.

Куцеватая какая-то статья. Словно ее сначала кромсали с плеча, а потом упорно растягивали до прежнего размера, забивая прорехи измами.

Впрочем, не о стиле сейчас речь. Видимо, дурачково племя напрямую восходит к охотникам Ловчих выселок, коих таинственный главный егерь натаскивал супротив загадочного Зверя, и найти нашего друга-змееборца можно в их стойбище, где-то в старых каменоломнях. А искать необходимо. Скорее всего, Брайан в здешних, как названо, ничем не примечательных, краях появился как раз в связи с этим.

На веранду поднимается крючконосая старуха.

– Что скажешь? – интересуется, кивая на стол.

– Можно было и поразвернутее, – пожимаем плечами.

– Так ведь урезали. Тогдашнее командование вообще было категорически против публикации материалов по тому стойбищу, хотя, казалось бы, какое им до него дело? С помощью отца-замполита статью удалось отстоять. Но полковник

собственноручно вымарал в ней больше половины.

– Не хотелось привлекать внимание? К чему именно?

– Ты провал видел? – спрашивает она вместо ответа.

– Ракетная шахта вроде?

– Да. Только совсем пустая. Без ракеты. Есть еще одна такая же яма, у северного конца последней поперечины. А дальше тянется полоса леса с поломанными верхушками. И ворота тут, прабабка говорила, пришлось новые навешивать. Старые в смятом виде валялись на подъезде к центральному входу.

– Кого ж они здесь держали?

– Гадать не хочу, своих забот достаточно. Вот, кстати, возьми, – протягивает она маленький пузырек темного стекла.

– Что это?

– Ночью станешь видеть лучше совы.

– А зрачок сделается вертикальным?

– Нет, зрачок не изменится, только на солнце будет сжиматься в булавочную головку.

– Спасибо, наверное, пойдет на пользу.

– В твоем случае не угадаешь, что больше всего пригодится, но лучше быть во всеоружии.

– Верно, – соглашаемся с усмешкой. – А эти самые Ловчие выселки где находятся?

– Где-то на востоке, точно не скажу. Про каменоломни вообще ничего не слыхала. В городке надо спрашивать. Наверняка, кто-нибудь знает.

– Тропа тут на подстанцию, кажется, должна быть.

– Напротив поворота к обсерватории на дорогу выходит.

– Ладно, пожалуй, пора.

– Иди, коли определился.

Поднимаемся и направляемся к выходу, но на пороге неожиданно останавливаемся.

– Слушай, тебе мешок сильно надобен?

– Бери, – попросту отвечает старуха, – тебе, наверное, нужнее.

Сворачиваем торбу, в которой несли совеныша, суем за пазуху и, не оглядываясь, спускаемся с крыльца.

Уже за ажурными воротами навигатор серебряными колокольчиками оповещает о произошедших изменениях в наших файлах.

ЛИЧНОСТЬ

ЗДОРОВЬЕ:

78 хитов

СУДЬБА

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ:

Коротким кивком подтверждаем, что приняли к сведению.

Напротив примыкающей дороги спускаемся с правой обочины, перепрыгиваем заросшую канаву и втягиваемся в лес по тропке, активно петляющей меж дремучих стоящих и замшелых поваленных стволов. Сильно сомнительно, что этим путем получится быстрее. Извилистая гипотенуза ничуть не короче суммы двух прямых катетов. Достаточно взять курвиметр и промерить по двухверстке. Название инструмента происходит не от того слова, которое отчетливо слышится, иначе, по правилам, он назывался бы курвометр. Тоже, в общем, не бесполезная штука была б, однако выбранные объективные показатели явления могут сильно не совпасть с субъективными ощущениями самого наблюдателя. Известные парадоксы восприятия. Но петляет тропа плавными изгибами, и движение по ней вписывается в ритм. Хотя и с фиоритурами, но вполне себе маршевый. Так что можно отрешиться, позволяя сознанию и подсознанию совместно проникаться очередной задачей. Как там про двухголового мутанта, который лучше? Все нужные детали уже выстроились в цепочку, нанизавшись на сквозную нить. Неизвестно откуда взявшийся главный егерь, загодя предчувствовавший появление Зверя; натаскиваемое им в ожидании «этнографически-пережиточное» общество стойбищенских охотников; потомствующее по прямой дурачково племя, неравнодушное к ползучим; змеиный яд в составе мазей, изготовляемых бывшим поселенским лекарем, ныне пользующим в «мисе» страждущих братьев меньших и, по некоторым утверждениям, настолько готовым сорваться, что это можно уже считать свершившимся фактом. Цепочка длинна, но нигде не разветвляется, следовательно, дальнейшее продвижение зависит от распутывания узелка на ее конце. И думается, решение уже найдено, надо лишь дать ему выплыть на поверхность.

Впереди слева зарождается треск и, постепенно нарастая, перемещается вправо. Что за черт? Кто это там такой смелый? Осторожно вписываемся в очередной поворот. То, однако, не черт, хотя чем-то похож. Матерый ежище сантиметров тридцати пяти, весь вываленный в трухе и палых листьях, ломится по кустам, не разбирая пути. Прямо на тропинке неожиданно останавливается, закидывает заднюю лапу с длиннющим когтем и начинает со скрежетом чесаться во встопорщенном иглистом загривке. Процедура сильно затягивается, приходится со всей невежливостью перешагивать. Впрочем, это его не отвлекает.

Тропа ведет дальше. Немного погодя из густых зарослей

лещины справа доносится отчетливое чавканье, закачивающееся икающим всхрюкиваньем.

– Я те хрюкну! – рявкает Брайан. – Если какие проблемы с пищеварением, пойдем в миссию, там тебя от всего вылечат.

В кустах настороженно стихают, затем раздается быстро удаляющийся топот.

Недоверчивы и несговорчивы коренные обитали леса. Организовать коллективную жалобу культурному руководству на плохое обращение со стороны садиста-лекаря вряд ли получится.

Через четверть часа тропинка выныривает из чащи возле громадной многолетней свалки с разнообразным мусором. Предположительной идентификации поддается только то, что в верхнем слое: сгнившие двери из прессованных опилок, проржавевшие насквозь эмалированные тазы, расколотые фарфоровые раковины, лопнувшие чугунные колосники, черные пластиковые мешки, сквозь вспоротый бок одного из которых проглядывают вскрытые консервные банки без этикеток. Ниже залегают уже археологические пласты. Но для стратиграфического анализа потребовалось бы специальное оборудование.

У края отвала торчит из земли одинокий деревянный столб, непонятно почему до сих пор не поваленный ветром. На вершине восседает крупный нахохлившийся пернатый с широким хвостом и горбатым клювом. Надо полагать, тот самый престарелый канюк, нуждающийся в замене неудачно подобранных контактных линз. Но на этом список лиц, желающих поучаствовать в действии, не исчерпывается. Снизу по столбу короткими осторожными рывками продвигается рыжий котяра с тигровыми поперечными полосами. В метре от вершины замирает, поводя хвостом и готовя последний бросок. Но, ошалев от казалось уже подвалившего счастья, слегка не рассчитывает дистанцию. Посланное вверх по столбу тело останавливается чуть ниже, чем хватило бы зацепить добычу загребущим движением когтистой лапы. Зато у канюка, перед которым из мутного тумана неожиданно вырастает кошачья морда, шея, как выясняется, достаточной длины. Откинув голову, он приседает и со всего маху долбит горе-охотника своим мощным клювом прямо в лоб. С дурным мявом котяра срывается и рушится вниз. Точнехонько в подставленную нами торбу. Встряхиваем ее за веревочку, туго затягивая горловину. Ну и кто в этой сцене красавец?

Еще нам понадобится пустая консервная банка, но за ней долго ходить не нужно. Пинаем дырявый черный мешок и выбираем самую подходящую. Нести, правда, рыжего разбойника приходится на отлете, поскольку он продолжает орать и

бесноваться внутри. Ничего, потерпит. Добираемся до раскуроченных щитовых и огибаем подстанцию по периметру. В самом начале полковой улицы котяра притихает, так что следуем по ней в наступающих сумерках, не привлекая особо внимания. Минуем развалины гаражей и за буераками сворачиваем к фасаду арсенального склада. На этот раз братуха не успевает нас опередить, потому как одновременно с занесением кулака вверх мы исподтишка пинаем в двери ботинком. Встречает он нас ухмылкой. Отвечаем тем же. Затем, не сговариваясь, начинаем смеяться. Из торбы доносится протяжный злобный вой.

– Кто это? – удается выговорить ему.

– Кот в мешке, разве не видно!

Смех перерастает в долгий заливистый хохот с закидыванием голов и хлопаньем ладоней по достижимым поверхностям. Сколько нам лет на круг? Да кто сумеет счесть?

Отсмеявшись, спрашиваем у братухи:

– Консервные банки в пластиковых мешках кто за подстанцией сваливает?

– Наверное, миссионеры, – отвечает он, слегка подумав. – Я свои вон в то слуховое окошко выбрасываю, а больше тут ни у кого консервов не осталось.

– Значит, все правильно.

– Кот-то тебе зачем?

– Агент, завербованный по случаю. Использовать, правда, придется втемную. Нужных целей он не разделяет, а для переубеждения времени нет, да и по виду чересчур закоренелый.

– Помощь требуется?

– Обязательно, братуха. Есть у меня хлястик от некоего халата, им надо привязать к хвосту нашего агента консервную банку. Одному мне, точно, не справиться.

– Ну, давай попробуем, – придвигается он ближе.

Осторожно приспускаем веревочку на горловине торбы. В образовавшуюся дырку моментально просовывается рыжая морда с блистающими зелеными глазами и, с ходу ощерившись, затягивает угрожающе:

– Яаааавам!

Братуха слегка отшатывается, потом шумно выдыхает.

– Ух ты! Как тебе удалось его словить? Это ж главный четвероногий бандит всего городка. Его тут выродком кличут. Проныра из проныр. Одно время взял в привычку по складу шарить, еле отвадил. Вон у меня отметина от последней нашей встречи.

Он показывает левое предплечье с четырехполосным шрамом на внешней стороне.

– Я ж говорю, в одиночку никак. В мешок мы его вместе с канюком загоняли. Тот хоть и престарелый, но орел. Или ястреб, не помню точно.

– Деталями поделишься? Я тут тактикой спецопераций увлекся.

– Хорошо, только позже. Что-нибудь на руки надеть есть?

– Где-то было. Пойду поищу.

Продолжаем сдерживать рыжую морду, изо всех сил рвущуюся наружу. Братуха возвращается через минуту. Бросает на ящик брезентовые верхонки и встряхивает старый ватник.

– Так. Запускай в рукав, а я придержу.

– Только не на весу. Положи на что-нибудь.

Он раскладывает телогрейку на столе. Подносим воющую морду и просовываем ее в рукав, затем отпускаем стягивающий шнурок.

– Пошел, выход блокируй.

Братуха придавливает конец рукава локтем и стискивает ладонями извивающееся внутри тело.

– Все, зафиксировал, вяжи.

– А, черт, – спохватываемся, – надо ж было сначала банку.

– Без разницы, потом присобачишь.

Достаем хлястик и призадумываемся.

– Слушай, куда вязать? С хвоста ведь соскользнет.

– Обмотай сначала поперек брюха навроде постромки, потом и хвост прихвати. Ты чего, хулиганом в детстве не был, что ли? А, извини, запамятовал.

– Ничего, я тоже иногда забываю, что ты не младше меня.

– Все, братуха, квиты. Вяжи давай, а то агент уйдет.

Обнажаем филейные части нашего тигра. Чтобы пропихнуть хлястик под брюхо, приходится надевать верхонки, потому как он активно старается зацепить нас задними когтями. Дальше работаем, как саперы, голыми руками. Затягиваем три узла на крестце, затем еще два у основания хвоста. Потом топчем на полу банку, добиваясь отдаленного сходства с восьмеркой. Крепко привязываем ее к другому концу лекарского хлястика. Снаряжение готово. Дело за малым, надо доставить агента к месту высадки.

Обращаемся к братухе:

– Помехами наблюдения в миссии подсобишь?

– Запросто.

– Ладно, подпрыгивать не буду, а то опять орать примется.

С мешком в вытянутой руке крадемся по крапиве у котельной. Потом по кустам вдоль заднего забора. За гаражом приближаемся к ограде, отодвигаем выломанные прутья и

проникаем на территорию. Выглядываем из-за угла. Очередной старикан у освещенных ворот бдительно всматривается в темноту заднего двора. Все замерло, что называется, в ожидании.

Осторожно опускаем торбу на покрытие и ослабляем горловину, в которую тут же с утробным урчанием начинает протискиваться рыжая морда. Ухватываемся за нижние углы и с силой встряхиваем. Выброшенный на бетонные плиты котяра с истошным воем и грохотом устремляется к воротам.

Старикан подпрыгивает на месте и бросается в будку. Моментально выскакивает обратно уже с какой-то берданкой в руках и прямо с крыльца стреляет вверх. Черт, у них и порох в пороховницах еще есть. Как бы не принялись сдуру шмалять по площадям. Зацепят шальной картечиной.

Комкаем мешок и суем за пазуху. Ретируемся за ограду, аккуратно приставляем за собой прутья и, инстинктивно пригнув голову, делаем широкий круг по кустам. На третьем этаже миссии загораются окна, затем к завываниям и дребезжащему грохоту во дворе присоединяются заполошные крики. Быстрым бесшумным шагом возвращаемся на склад.

Братуха, не отрывая взгляда от экранов, выставляет вверх большой палец.

– Еще чуть-чуть и они б с испугу в контратаку бросились. Надо было гранатой добавить.

– Тогда бы получилась совсем другая песня. Ладно, пойду прилягу, притомился слегка.

Добираемся до топчана и, сняв ботинки, заваливаемся на спину. С минуту смотрим в темный потолок, затем соскальзываем в сон. Ни свет ни заря над самым ухом звенят колокольчики. Приоткрываем один глаз и скашиваем на экран навигатора.

ЛИЧНОСТЬ
ЗДОРОВЬЕ:
81 хит
МОДАЛЬНОСТЬ: действующее лицо

Согласно зеваем и снова погружаемся в дрему.

Глава IX

Поутру, как водится, находим братуху в наблюдательном закутке. Он что-то рисует на обороте криво оторванного листка бумаги, краем глаза поглядывая на мониторы.

– На рассвете тут такую старорежимную сцену демонстрировали, – приветствует он нас широкой улыбкой. – Сначала два охранника выталкивали взашей худого растрепанного мужика, потом вслед ему разные вещи за ворота выкидывали.

– А мужик?

– Собирал и уносил.

– Куда?

– За углом не видно было. Куда-то рядом.

– В амбулаторию?

– Возможно.

– Значит, как по-писанному, – констатируем удовлетворенно. – Возвращение блудного лекаря.

– А, это он? Не узнал, давно не видел. Подожди, так вчерашний хлястик?..

– Точно, от его халата. Кое-что выведать требуется, а на культурной службе он пребывал в полной недоступности.

– Виртуозно, – оценивает братуха. – Тебе бы в спецслужбе какой-нибудь работать.

– Или против.

– Да ведь им так и приходится, друг против друга.

– Ладно, разберемся. Пойду гляну.

– Слушай, – останавливает он нас, – ты по-иностранному что-нибудь можешь сказать? А то я тут систему оповещения установил, а подходящего текста, чтоб запустить, нету.

– По какому иностранному?

– Ну, не знаю, по-немецки, наверное.

– Шпрехен зи дойч?

– Да нет, – тянет он с сомнением, – я же не курсы собираюсь открывать. Надо бы чего поэнергичнее.

Морщим лоб, подняв брови, потом дурным голосом с истеричными обертонами орем:

– Ахтунг! Ахтунг! Руссише панцирен!

– Панцирен?

– Внимание! Внимание! Русские танки!

– Звучит здорово. Хотя русские не очень подходит. Да и танки откуда?.. А как у них самолеты, знаешь?

– Нет, только сами марки. Фокеры, мессеры…

– Ладно, что-нибудь придумаю, все равно они тупоголовые. Не важно что именно, главное, из рупора.

– Штурм готовишь?

– Встряхнуть хочу.

– Плешивый тут плачется, что рынок совсем захирел, просит посодействовать в прекращении атак на торговцев.

– А тебе Плешивый нужен?

– Пока не знаю.

– Ну, надобность возникнет, скажи, что сам рынок, без мордатого прапора, мне до фени. Если некраденым, пусть торгуют сколько влезет.

– Строг ты, но справедлив, – произносим на прощание и двигаем к выходу.

Прикрыв до щелчка складские двери, следуем влево и огибаем угол амбулатории. Фанерная табличка с посылательным текстом по-прежнему на месте. Ну, не будем торопить фигуранта, надо же ему осмыслить переломный момент в своей судьбе. Которая злодейка. Отдаем честь загодя отвернувшемуся старикану на внешнем крыльце сторожевой будки и выбираемся на центральную аллею. Кто у нас на очереди?

Направляем стопы вправо. Охранник у заднего шлагбаума долго думает, глядя с приоткрытым ртом на наше приближение, но, видимо, ничего путного ему в голову не приходит. Вспомнив про раскрытый рот, зевает. Верно, не пропадать же предпринятому усилию.

– К поселковой кузне как-нибудь напрямки можно пройти? – задаем мы вопрос на тему местной топографии.

Он напрягается, произносит несколько никак не относящихся к делу слов и, не найдя нужных, просто машет рукой в поле. Туда и следуем, благо тропа в траве не шибко прячется.

Метров через пятьсот заныриваем в лесок, круто спускаемся к речке и форсируем ее по двум перекинутым рельсам. Под каким откосом лежит тот поезд, что намеревался по ним проехать? Сие известно, наверное, только партизанам из Холодного оврага.

На другой стороне тропа разветвляется на две, одна убегает влево по берегу, вторая устремляется по пологому склону вверх к огороженному кладбищу сельскохозяйственной механизации. Поднимаемся по ней. Вдоль забора огибаем свалку справа и, попрыгав по кочкам отчего-то заболотившегося луга, добираемся до фасада с парадным въездом.

Войдя, сворачиваем на присыпанную угольной пылью

дорожку, ведущую меж кучами всякого железа к бетонному строению, из приоткрытой двери которого ударяет в лицо волна жара.

Посреди кузни, выпятив нижнюю губу, стоит мужик обхватом в полтора Брайана и высотою в две трети, одетый в кирзовые башмаки и прожженный брезентовый фартук. Он отрывает задумчивый взгляд от штабеля порубленной арматуры, смотрит на нас, потом на дверной проем за нашей спиной и спрашивает без всякой надежды:

– А молотобойца ты на этот раз перед воротами бросил?

– Нет, – ответ звучит слегка виновато, – сегодня я с другой стороны шел.

– Уволю я его все-таки, – вздыхает гном, – как срочный заказ, так у него запой. Хотя и без заказа… Одно непонятно, откуда в нем столько здоровья? Вот ты можешь, едва проспавшись, целый день кувалдой махать?

– Не знаю, не пробовал.

– И лучше не пробуй, копыта отбросишь.

– Тоже верно, – легко соглашаемся мы. – А скажи-ка, мастер, вот когда оружие нужно, к тебе ведь обращаются?

– Какое оружие?

– Ну там охотничье. Копье, например.

– Это на кого ж ты с копьем собрался?

– Да мне-то самому нож нужен, метательный.

– Чтоб центр тяжести ближе к острию был?

– Точно.

– Балансировать все равно по руке придется, тонкая работа.

– В смысле, дорого?

– В смысле, времени нет. Видишь, прутья нарублены? Надо им верхушки огранить и прям после обеда доставить в городошную миссию. Они там какой-то загон задумали пристраивать.

– И когда теперь зайти?

– Слушай, – заметно загорается он, – тебе нож хороший нужен, или абы какой сойдет?

– Мог бы и не спрашивать.

– Так я и говорю, есть у меня одна рессора в загашнике… Давай ты мне с забором подсобишь, а я ее для хорошего человека не пожалею.

– И сколько ж прутьев в этой куче?

– Да чуть больше ста.

– Всего-то?

– К обеду управимся. А там, глядишь, и подручный мой до работы доберется. Как раз и отвезет готовый заказ.

– Умеешь ты, мастер, запрягать.

– Да брось, тебе еще это пригодится.

– Думаешь?

– Знаю. Самый послушный клинок герой себе сам в конце концов выковывает. Точнехонько по руке. Кому ж еще его лучше чувствовать?

– Послушный, говоришь? Ладно, во что переодеться?

Кузнец кивает в угол:

– Фартук накинь, а в робу перелезать не советую, сопреешь.

Снимаем куртку, вешаем себе на шею хомут брезентового передника и завязываем сзади охвостья.

– Иди, подставку подвинем, – зовет гном.

Перетаскиваем узкий железный стол поближе к горну. Затем раскладываем на нем арматурины, зарывая концом в раскаленные угли. Кузнец утрамбовывает ряд, добиваясь большей вместительности.

– Для разогрева погоняй меха, – советует нам.

Двигаем сверху вниз рычаг, задувая в горн свежий воздух. Угли радостно пышут новым жаром. Надев одну рукавицу, гном с осветившимся лицом перекатывает прутья ладонью.

– Добро, – говорит он наконец. – Там на верстаке три разные кувалды, подбери подходящую.

Примерив на взмах все три, со вздохом оставляем самую легкую и возвращаемся к средней. Кузнец берет в правую руку молоток на длинной ручке, выхватывает левой из горна одну арматурину и кладет ее раскаленным концом на наковальню.

– В общем, дело простое, куда я ручником, туда ты кувалдой. Давай, на счет два.

Покончив с теорией, переходит к практике.

Да-туки, – ударяет он сначала по пруту, затем по станине.

Бум! – лупим мы с замаха.

Да-туки.

Бам! – задеваем мы ребром молота поверхность наковальни. Кувалда отдается в руках противным дребезжанием.

– Бей в поковку, – косится гном.

Бьем в поковку. Да-туки. Бум! Кузнец поворачивает арматурину другим боком. Да-туки. Бум! Да-туки. Бум! Опять поворачивает. Да-туки. Бум! Наконец, четырехгранное острие готово. Он пихает прут в бочку с возмущенно зашипевшей водой. Бросает его рядом и вытаскивает из горна следующий.

Да-туки. Бум! Кузнец начинает потихоньку убыстрять удары своего ручника. Да-тук. Да-тук. Разогретые мышцы подчиняются новому такту. Да-тук. Бум! Да-тук, бум! Да-тук, бум! Ритм великое дело, если в него вписался, он уже сам тебя ведет. Надо

лишь следовать. Да-тук, бум! Да-тук, бум!

Приноровившись, выковываем ровный наконечник примерно десятью взмахами кувалды, так что часа через два нарубленные арматурины заканчиваются, перекочевывая в кучу с готовым изделием.

– Неплохо, – раскошеливается гном на похвалу. – Удары, конечно, слабоваты, но бьешь точно и темп держишь. Передохни пока, я рессору отыщу.

Кузнец начинает рыться в большой куче, занимающей дальний угол. Скинув фартук, выходим на воздух. За воротами опускаемся на железную лавку у забора. Именно на ней отдыхали мы после доставки молотобойца к месту работы. Повторяться начинаем, кругами ходим. Как и в прошлый раз звучат колокольчики, и оживает экран навигатора.

ЛИЧНОСТЬ
СПОСОБНОСТИ:
1. Сила 4
ЗДОРОВЬЕ:
83 хита
Ситуационный модификатор: 3.
Персональный модификатор: 3.111(1).
Ситуационное соответствие: 1.037(037).
Общее отношение: настороженное.
Карма: сам по себе

Вот мы уже и ситуацию перерастать принялись. Надо ускоряться, а то и до осени отсюда не выберемся. Только немного посидим, полностью расслабившись.

В начале проулка левым боком появляется знакомая фигура. Постояв набыченно на перекрестке, поворачивается на девяносто градусов и, откачнувшись для начала назад, бежит в нашу сторону. Однако не настолько быстро, чтобы поспеть ногами за клонящейся вперед верхней частью. Метров через двадцать с шумом заваливается в придорожную канаву. Остается лежать неподвижно, видимо, тоже надумав передохнуть.

Встаем и решительно направляемся в кузню. Гном уже распотрошил найденную рессору и разложил на верстаке полосы.

– Иди покажь размеры ножа, – подзывает нас.

Вытягиваем из голенища именное оружие.

– Примерно такой же, лезвие у основания слегка пouже, но само по себе массивней. И обоюдоострое.

– Вроде кинжала?

– Не совсем. Клинок прямой, сначала чуть тоньше, толщину

набирает дальше, а сужаться должен лишь у самого кончика.

– А, ну да, чтоб центр тяжести сместить. В поперечине смотри.

Перекладываем полосы.

– Если только в самой середине…

– Именно по ней мерь, все остальное осадим.

Выбираем одну и вертим в руке, потом делаем пробный замах.

– Рукоять бы облегчить.

– Толщину у основания сгоним, лишнее обрубим, потом какую-нибудь насадку приспособим. Покопайся вон в том ящике.

Он относит полосу к горну и зарывает в угли. Принимается с расстановкой качать рычаг мехов.

Выдвигаем указанный ящик верстака, наполненный гнутыми отвертками, напрочь сточившимися ножами, резиновыми набалдашниками от велосипедного руля и просто ручками уже непонятно чего, обломанного под самый корень. Деревянными, костяными, каучуковыми, эбонитовыми и плексигласовыми. Наборными и сплошными. Одна из них, овальной формы, удобно ложится в ладонь. В центре ее зияет пустое четырехгранное отверстие.

Показываем гному. Он кивает.

– Добро. Отложи и хватай кувалду.

Вытаскивает клещами раскалившуюся полосу и кладет на наковальню.

– Помнишь? – спрашивает. – На счет два.

Киваем.

Да-туки, – начинает он.

Бум! – подхватываем мы в лад.

Проходимся по заготовке от середины вниз, слегка уплощая и расширяя основание.

– Теперь убираем лишнее, – объясняет гном.

Меняет ручник на молоток с рубящей головкой и устанавливает его в нужном месте.

Коротко командует:

– Бей!

Лупим с плеча.

– Еще!

Лупим еще.

Он передвигает зубило.

– Бей!

Бьем. В шесть ударов скругляем верхний угол. Приступаем к другой стороне. Еще после шести взмахов кувалды на полосе уже просматриваются очертания будущего острия. Кузнец

откладывает зубило и находит на ощупь ручник.

Да-туки, – снова обозначает он мелодию.

Бум! – вплетаем мы свою басовую тему.

Один край проходим в медленном темпе. Да-туки. Бум! Да-туки. Бум!

Второй уже в убыстренном. Да-тук, бум! Да-тук, бум!

Заготовка приобретает угадываемую обоюдоострость.

– Пока не остыло, давай рукоять вырубим.

Гном перехватывает клещами поковку наоборот и меняет молоток на зубило.

– Бей!

Бьем.

– Еще!

Бьем еще.

Двенадцати ударов с плеча вполне хватает, чтобы сердцевина рукоятки перестала скрываться в полосе металла. Заодно отсекаем выпирающие в нижней половине закрылки.

Кузнец относит заготовку в горн. Покачивая рычаг воздуходува, спрашивает:

– Когда выходил, подручного моего не видел?

– А как же! – отвечаем. – Он как раз со всех ног бежал к воротам. Правда, в изгиб дороги не вписался. Решил в канаве передохнуть.

– Ну, главное, подъем осилил. Через часок, стало быть, доберется. Упорный он, чего не отнимешь, того не отнимешь.

Гном снова ухватывает клещами раскаленную полосу и переносит ее на наковальню. Изготавливаемся для продолжения, но он отстраняет нас взглядом.

– Извини, дальше нужна не сила и даже не сноровка, а мастерство. Подай-ка мне мою кувалдочку.

Догадываемся, что речь о самой легкой из них. Достаем и протягиваем. В отличие от нас кузнец работает быстрыми короткими ударами, почти без замаха. И в другом ритме, трехтактном. Туки-тук, туки-тук. Потом вообще переходит на дробь, протаскивая поковку под зачастившей кувалдой. Тук-тук-тук-тук-тук-тук. Переворачивает ее другой стороной и повторяет. Напоследок обстукивает основание рукояти, заостряя на кончике.

Потом поднимает, слегка отводит и осматривает. Черт, а ведь это и в самом деле должно называться мастерством. Перед нами уже не заготовка, не поковка, а настоящий клинок, только пока еще без ручки.

Кузнец относит его к верстаку с тисками и закрепляет в них.

– Возьми рашпиль, – кивает он на полку, – и пройдись по неровностям.

Отыскиваем самый большой плоский напильник и, надеясь, что не ошиблись, приближаемся к верстаку.

– Направляй его вдоль лезвия и сильно не налегай. Просто погладь, – говорит он, берет плексигласовую ручку и отходит к горну.

Следуем совету.

– Другой край тоже? – спрашиваем, как нам кажется, закончив.

– Тоже. Перевернуть сумеешь?

Вместо ответа ослабляем тиски и, взяв клещами, переставляем клинок обратной стороной. Затем проглаживаем неровности и на ней.

– Готово, мастер.

Гном подходит, проводит заскорузлым пальцем по лезвию и ничего не говорит. Затем, пристроив локти на верстаке, примеряется и начинает, наваливаясь, медленно-медленно насаживать разогретую ручку на штырь металлической сердцевины.

– А закалить клинок разве не нужно? – влезаем мы с вопросом.

– Это если бы мы лудили его из сыродутного железа. Тогда бы пришлось не только закалять, но и отпускать. И проковывать не раз, выгоняя шлаки и заполняя пустоты в структуре. А рессорная сталь уже прошла все эти этапы. Осталось заточить лезвие. Опыт есть?

– Мм…

– Значит, будешь шлифовальный круг вертеть. Вон он, с ручным приводом, извини, с ножным нету. Давай, разгоняй.

Запускаем точильный аппарат поворотом рукояти.

– Переходи на максимальную скорость, – говорит гном, – и держи ее равномерно. Если снижать не будешь, минут за пять-семь управимся.

Переходим на максимальную скорость и держим ее.

Кузнец прикладывает лезвие ножа к мерцающей поверхности круга. Сначала одной режущей кромкой, затем другой. После сосредотачивается уже на острие, периодически пробуя его пальцем. Наконец отваливается от станка и бросает через плечо:

– Выключай! Оселком надо пройтись.

Достает по пути из ящика брусок, упирает его в выступающую кромку верстака и начинает править лезвие, обращая опять же особое внимание на кончик.

Потом поднимает клинок, держа за ручку двумя пальцами, над поверхностью деревянного стола у окна и разжимает их.

Дук! – втыкается нож в доску и остается стоять, слегка

подрагивая.

– При случае можно бриться, – говорит удовлетворенно гном. – Но если хочешь еще и смотреться в него, нужно полировать.

Ну, от бритья герой избавлен, а любоваться собой в лезвии… Нарциссизм, да и с какой-то извращенной примесью. К тому же, сразу видно, что это не парадное оружие – боевое, сверкать ему ни к чему.

Выдергиваем из столешницы, взвешиваем на ладони. Лезвие ощутимо клонится вниз. Пробуем на движение. Бросать, пожалуй, удобнее, за ручку. Даже без переворота нормально пойдет. Оглядываемся.

– Нет уж, – одергивает нас кузнец, – с этим наружу.

Выходим во двор, осматриваемся там. Гном с усмешкой указывает на столб у дальнего угла забора. Метров шестьдесят, без малого. Для ровного счета отступаем пару шагов, примеряемся и с замаха посылаем нож вперед. Вытянувшись в струнку, он прочерчивает почти параллельную прямую и докладывает с того конца о поражении выбранной цели. Дук!

– Ух ты! – выдыхает кузнец. – А я надеялся посмеяться. Думал, фанфаронишь.

Пожимаем плечами, ничего особенного.

– Видишь ли, – добавляем назидательно, – тут нужна не сила и даже не сноровка, а мастерство.

Гном с секунду молчит, потом хохочет в голос:

– Уел, друг, до кости уел!

– Значит, в расчете.

Он кивает, потом тянет руку.

– Если что…

Пожимаем тугую ладонь и улыбаемся в ответ.

– Хорошо.

– Слушай, – вспоминает вдруг он, – ты про охотничье оружие спрашивал.

– Ну.

– Раз в год, где-то в начале зимы, приходит ко мне один мужик не из местных. Заказывает наконечники двух видов. Мелкие скорее для дротиков, а те, что покрупнее, точно, для копий. Расплачивается целым мешком свеженины. Вкус у нее странный, так что месяца на три потом хватает.

– А откуда он?

– Не знаю. Похоже, издалека, диковатый какой-то. Может, даже немой. Или просто, на пальцах ему объясняться удобнее.

– Много заказывает?

– Под сотню. На всю деревню, видать.

Слегка двигаем плечом:

– Метательное оружие дело расходное. Как ни старайся, от потерь не уберечься. Из рук выпустил, уже почти не твое. Всем хорош нож, – киваем на столб, – только каждый раз ходить за ним приходится. Нет чтоб самому в руку возвращаться.

Гном смеется:

– Тогда делать его надо из рога дракона.

Оп-па.

– И где этот рог брать? – спрашиваем осторожно.

– У дракона, понятно.

– А валить его чем?

– Известное дело, ножом, выкованным из рога дракона.

– Другого дракона?

– Не знаю, можно, наверное, и того самого.

– То есть, найти дракона, выкорчевать ему рог, выковать нож, которым потом его и прирезать?

– Нда, – говорит гном, – получается, одного дракона тебе не хватит.

Интересный поворот.

– А искать их в какой стороне?

– Где-нибудь в снегах. Те, что с рогом, тепла почему-то не любят.

– Откуда сведения?

– Дед рассказывал. Когда меня малого в кузню заманивал да в работу впрягал.

Так. Семейные предания. Династические заветы. Ремесловый фольклор.

– Ну что ж, – усмехаемся, – пора приступать к поискам. Как материал достану, вернусь, ковать будем.

Проходим вглубь, выдергиваем нож из столба, пристраиваем его в ножны левого башмака. Сидит нормально. Хотя, конечно, метательный клинок куда удобней держать за спиной. Наморщил лоб, почесал в затылке и на возврате руки – дук!

Направляемся к воротам.

– Слушай, – кричит гном вслед, – там еще одна закавыка. Рог действительно нужен с живого дракона. Ежели с дохлого, нож не будет возвращаться.

Делаем ручкой.

С живого, так с живого. Нам без разницы. Дракон об анестезии пусть печалится.

В этот момент звенят колокольчики и включается навигатор.

ЛИЧНОСТЬ

ЗДОРОВЬЕ:

84 хита

НАВЫКИ/УМЕНИЯ:
кузнечное дело +

Удовлетворенно гмыкаем.

На дороге перед входом, подтянув вперед одну ногу, лежит молотобоец, видимо, набираясь сил для последнего броска. Ладно, не будем отвлекать.

Заворачиваем за ближний правый угол, скачем по чавкающим кочкам вдоль забора, спускаемся по пологому склону, перебираемся по рельсам через речонку, взбегаем по крутому подъему и под лучами знойного пополуденнего солнца движемся по полю. Ввиду протяженности и однообразия, пейзаж почти не меняется. Вот бы летать научиться, по крайней мере, на бреющем.

Ну и ассоциации у тебя, Брайан.

Шлагбаумный страж снова, приоткрыв рот, следит за нашим приближением.

– Как служба? – гаркает Брайан, поравнявшись.

Привратный гвардеец захлопывает рот, громко сглатывает и принимается надсадно кашлять, не справившись с накопленной слюной.

Ну, это надолго, ответа ждать не имеет смысла.

Двери амбулатории по-прежнему заперты, и даже табличка с них не снята.

Сколько ж можно осознавать очевидный поворот судьбы?

Вежливо стучим костяшками пальцев. Этак с минуту. По истечении переходим на решительное буханье кулаком. Потом разворачиваемся и безапелляционно лягаем дверь каблуком. Все равно никакого эффекта.

Ладно, попробуем другой подход.

Отступаем на несколько шагов, поднимаем голову и, набрав побольше воздуха, затягиваем:

– Аааааааааааааааааа!

Наконец, он не выдерживает. Высовывается из-за шторки и в перекрик вопит:

– Ну чего разорался, охламон?

Меняем тональность, добавляя в голос гундосной плаксивости:

– Доктор, меня змея-а-а укусила!

– Какая еще змея? – рявкает он.

– Подлюка гадная! В смысле, гадюка подлая. Под колодой пряталась.

– Зачем же ты под колоду полез?

– За червяком, язя хотел поймать.

– Кто ж язя на червяка ловит?

– Ну, тогда подъязка.

– Экий же ты дурень! – в сердцах произносит лекарь и исчезает в глубине окна. Через минуту распахивает дверь и, не отпуская ее, зовет:

– Входи, язелов.

Затем снова запирает.

Поднимаемся на второй этаж, вступаем следом в пыльный кабинет.

– Показывай, – бурчит лекарь.

Достаем из кармана правую руку, потом, спохватившись, меняем ее на левую.

Он обегает взглядом раскрытую ладонь.

Помогая, тычем в царапину на указательном пальце:

– Вот.

– А точки от зубов где?

– Так я ж их ножиком полоснул. Чтоб, значится, яд выдавить.

– Когда, говоришь, она тебя укусила?

– Вчера, – отвечаем убежденно. – Или позавчера.

– Резал потом сразу?

– Естественно, прямо на колене.

– Странно, – бормочет лекарь себе под нос, – у любого нормального, по меньшей мере, загноилось бы, а тут даже опухоли нет.

– Ножик я сначала об штаны вытер, – объясняет Брайан, – чай не вахлак какой, умею с ранами обращаться.

– С ранами… – передразнивает лекарь.

Затем отходит, звенит чем-то в стеклянном шкафчике и возвращается с пузырьком и ваткой.

– Коли пришел, давай зеленкой помажем.

– А сыворотка? – напоминает Брайан. – В детстве, когда меня змея кусала, всегда потом сыворотку в руку вкалывали. Или в зад, точно не помню.

– Что, часто кусала?

– Да нет, не чаще, чем раз в месяц, и то только летом. Зимой вообще никогда.

– И каждый раз тебе сыворотку кололи?

– Конечно. Ежели не вколоть, у меня падучая начинается.

Брайан начинает потихоньку притопывать под столом.

Лекарь слегка отодвигается.

– Хороший ты парень, – произносит он задушевно, – и я бы для тебя не пожалел. Но нету у меня сыворотки, понимаешь?

– Так сделай, – говорит Брайан, – ты ж лекарь. Все лекари сыворотку умеют делать. И мази для коленей тоже.

– Одного умения тут не достаточно. Нужно помимо всего

прочего еще змеиный яд иметь.

– Ну что, мешок гадюк тебе принести?

– Нет уж, – вскидывается лекарь, выставляя ладонь. – Со всей этой живностью исключительно к коновалу. Это у него с детства и гусь, и свинья в товарищах ходили. А за мной индюки и те с блекотаньем гонялись. Штаны мои с помочами им, видите ли, не нравились. Из красного вельвета…

Он задумывается, перекатывая по столу карандаш. Потом спрашивает:

– А про мази ты с чего помянул, колени болят?

– Не у меня, – мотает Брайан головой. – Скорнячиха мается.

– А. Веселая бабка. Готовил я ей когда-то линимент, кончился, видать.

Лекарь принимается что-то черкать на листке бумаги. Молчим, чтобы не спугнуть. Карандаш ломается, кажется, на восклицательном знаке. Он бросает его на стол. Комкает лист бумаги и решительно заявляет:

– Нет. Я в отпуске. До конца лета.

Оглядывается, высматривая отсутствующую мусорную корзину.

– Точно, – подсказываем ехидно, – пока приема нет, можно и на пол плевать.

Он зыркает искоса и демонстративно выкидывает бумажный комок за окно.

Встаем и выходим. Может, и правда, надо человеку отдохнуть.

Внизу подбираем бумажку с земли и, скрывшись за угол, разворачиваем. Пару раз перевернув, находим правильное положение. Читаем:

зак у хар зм/я
гад: сыв
коб: ревм линим и эпилеп випр
дост кол!

Толково изложено. То, что нам нужно, вынесено в первую строку, можно не рыться в очень специальном тексте. Заставил-таки Брайан лекаря выдать врачебную тайну. Если, конечно, медикаментозные поставки тоже к ней относятся.

В подтверждение мелодично звенят колокольчики навигатора.

ЛИЧНОСТЬ
СПОСОБНОСТИ:
4. Воля 4
ЗДОРОВЬЕ:

86 хитов
Ситуационный модификатор: 3.
Персональный модификатор: 3.222(2).
Ситуационное соответствие: 1.074(074)

Поднимаем глаза на ровный гудящий шум. За амбулаторным углом, оказывается, многолюдно. Даже непривычно. Кто бы мог подумать, что в городке столько жителей.

Плацевое поле волнуется морем народа, преимущественно мужеска пола и со штыковыми лопатами на плечах. По рядам, отсверкивая прической на снизившемся солнце, снует Плешивый.

– Расходись, мужики, – доносится его увещевающий голос, – не будет ничего, обманули вас.

Мужики согласно поддакивают, однако расходиться не спешат.

Плешивый, с гроссбухом под мышкой, направляется в нашу сторону.

– Вот же черт, – говорит, приблизившись, – никак не разгонишь.

– Давно собрались?

– С обеда начали подтягиваться. Теперь сам видишь, сколько скопилось.

Да, братуха был прав.

– Надо что-то делать, – продолжает гундеть над ухом Плешивый. – Когда в одном месте такое количество ничем не занятого народа, это чревато.

– Ну и пусть копают.

– Могилу? А кого захоранивать в ней будем?

– Зачем, что-нибудь другое.

– Другое они не захотят, настроились уже. Да и салабон этот на складе своем в любом случае уржется.

– А мы его обманем.

– Как?

Вместо ответа Брайан проходит вперед, взбирается на пустой постамент и, немного подвигавшись, картинно замирает, вытянув левую руку. Не настолько низко, чтобы шея сама выворачивалась посмотреть, куда он указывает. Поэтому взгляды присутствующих сразу же обращаются к нему.

– Мужики! – мощно, словно в рупор, начинает Брайан. – Хватит сачка давить, пора приступать к работе.

– Так все-таки надо копать? – переспрашивает кто-то сзади.

– А для чего еще вы лопаты принесли, от комаров отмахиваться?

Собравшиеся встречают шутку одобрительным гулом.

– Откуда и докуда? – интересуются деловито в передних рядах.

– Отсюда и до деревьев, – Брайан описывает широкий овал. – Только прежде те барачные развалины нужно расчистить.

– А зачем такую здоровую, на всю округу что ли? Поселковые пускай сами для себя роют.

– Э, мужики, окстись, мы не могилу будем копать. Нечто более насущное.

– Это выгребную яму? – слышится недовольный голос. – Вони у нас мало?

– Круче бери, – отвечает Брайан, – пруд!

– За каким?..

– С русалками!!! – сметает Брайан все сомнения.

Над плацевым полем повисает ошарашенное молчание. Затем из самой гущи народа возносится одинокий срывающийся крик:

– С голыми?!

– А ты что, видал русалок в купальниках?

Брайан изображает изумленный взгляд.

Вокруг вылезшего с дурацкой репликой ширится волна добродушно-насмешливого гыгыканья. Тот смущенно потупляется.

– А где мы их возьмем? – доносится слева вопрос, не то чтобы недоверчивый, но искренне недоумевающий.

– Назначим.

– Кого?

– Выберем, – терпеливо разъясняет Брайан. – На конкурсе «мисс городошного пруда». Посреди оставим специальный островок. На нем пусть они и демонстрируют свои достоинства.

– Раз в год?

– Да хоть каждый день.

– А поселковок допустим? Я там такую в кустах возле речки как-то наблюдал…

– Конкурс будет открытым. Есть что показать, плыви на остров и выноси на суд.

Взгляды собравшихся затуманиваются, постепенно становясь отсутствующими. Всеобщую мечтательность нарушает крепкий на вид мужик, явно склонный больше к деятельности.

– Ну, хватит, мужики, слюни пускать, – громко командует он, – за дело пора браться. Те, что по правую руку от меня, разбирают завалы. Обломки перебрасывайте поближе к полку, это их имущество. Те, что слева, начинают копать. А ты, Крикливый, возьми парочку своих дружков и рысью по огородам. Все тачки, какие найдете, катите сюда. Если кто из хозяев вдруг жлобствовать задумает, ссылайтесь на распоряжение сверху. Все,

приступили!

Присутствующие послушно принимаются за работу.

Брайан спрыгивает с постамента и возвращается к Плешивому.

– Слушай, – говорит тот проникновенно, – иди ко мне в замы.

– Есть же у тебя толковый заместитель, – киваем на кипящий муравейник, – любо-дорого посмотреть.

– Понимаешь, Крепыш хорош как организатор. Когда известно, что именно нужно организовывать. А вот найти выход из тупиковой ситуации…

– Поразмыслить надо, – солидно отвечаем мы. – Кстати по поводу рынка. Часовой дал добро. Больше не будет ряды гранатами закидывать. Пусть, говорит, торгуют, сколько влезет. Если, конечно, не ворованным.

– Да где ж его взять, ворованное? – возмущенно фыркает Плешивый.

– Ну, это он, наверное, так, больше для порядка.

– Ладно, тебе по-любому огромное спасибо и двести услов в харином заведении. Я их через неделю же, – подмигивает он, – пятикратно из торговцев вытяну.

Поднимаем обе ладони: лавочным закулисьем не интересуемся.

Он хлопает нас одной рукой по плечу, потом спохватывается:

– Я же с ним на после обеда договорился. Все, побежал.

И, прижимая левой рукой гроссбух, торопливо направляется к гаражам.

Мелодичными колокольчиками навигатор оповещает о произошедших изменениях.

ЛИЧНОСТЬ

СПОСОБНОСТИ:

9. Безумие 4

ЗДОРОВЬЕ:

88 хитов

Ситуационный модификатор: 3.

Персональный модификатор: 3.333(3).

Ситуационное соответствие: 1.111(1)

Однако чуть погодя и нам за Плешивым, поскольку надо зак искомый з/мя, и не где-нибудь, а у хар. И непременно дост кол!

Слегка выжидаем и двигаем прогулочным шагом следом.

Проходим гаражи, огибаем поселенский погост, пересекаем разнотравное поле.

Из окна своего домика выглядывает любопытствующая

скорнячиха. Заворачиваем, поскольку время еще есть.

– Про лекаря-то слыхала? – спрашиваем.

– Слыхала, слыхала, – отвечает она. – В округе с самого утра только и разговоров, что назад перебрался. Надо ему лишь снова на людей настроиться. Отвык за три года. Бабки наши, что пошустрее, уже и очередь расписали, кому мыть-убирать в амбулатории. Занавески опять же постирать. Чтоб к открытию ни пылинки. Событие-то какое. Первый раз что-то к лучшему. Может, и остальное в обратную сторону тронется.

– Эк ты все повернула.

– Да ужли я? Признайся, ты ведь устроил? – хитро косится скорнячиха.

– Ну, разве что руку слегка приложил.

– Иногда и того хватает для начала.

– Да ладно тебе, – отводим взгляд.

В конце проулка появляется уже неспешный Плешивый, урегулировав, должно быть, текущий баланс услов.

– Ждешь, когда пройдет? – спрашивает вдруг лесникова вдовица.

– Сметлива ты, однако. А может, заодно скажешь, как Харю обмануть?

– Есть один способ, – смеется она, – но это только если убытку не боишься.

– Заплатить, а товар не взять?

– А как догадался?

– Да тоже смышленостью отличаюсь.

– Кто Харю обманет, о том песни петь будут, – вздыхает скорнячиха.

Плешивый, поравнявшись, мотает призывно головой:

– Идем?

– Еще не сейчас. Дело есть.

– Портупеей решил обзавестись?

– Ага, с деревянной кобурой, а для комплекта картузом и кожанкой.

– Комиссарить станешь?

– Настраиваюсь.

– Давай-давай, – говорит Плешивый и двигает дальше.

Дожидаемся, когда отойдет достаточно, и быстрым шагом направляемся к деревенской площади. Тень бежит далеко впереди нас. Как бы не закрылся, ложатся тут с заходом солнца.

Действительно, хозяин харинского заведения уже возится с запорами на воротах.

При нашем приближении поднимает пламенеющее на закате лико. Это, кажется, к ветреной погоде.

– Если ко мне, – говорит он, не дождавшись приветствия, – то чего ж так поздно?

– Общественные заботы задержали.

Движением бровей он оценивает нашу реплику.

– Слыхал, ты в гору пошел.

– Не сам, Плешивый тянет.

– Ну да, и меня предупредил, чтоб к твоим просьбам отнесся повнимательней и не цеплялся к небольшому превышению кредита.

Слегка выделив голосом слово «просьбам», он аккуратно расставляет акценты. Вот бестия, авторитетом его не шибко-то проймешь, знает себе цену.

Но возможно, умнее будет и не тягаться с ним сейчас в хитрости, дабы ненароком не насторожить. В конце концов, modus operandi давно, оказывается, найден, услового убытка, мы не боимся, а без народных песен в нашу честь как-нибудь обойдемся. Хочется, конечно, оставить Харю в последних дураках, но это уже удовольствия ради, а не дела для. Поскольку в первую очередь именно оно, к нему и приступаем.

– Говорят, за ядом к тебе надо обращаться.

– За всем ко мне надо, – отвечает он степенно. – А тебе какого, крысиного?

– Да нет, гадючьего и кобриного. Или кобрячего?

– Вон как. А зачем тебе змеиный яд?

– А кто, говоришь, его поставляет?

– Извини, – поднимает он обе ладони, – просто с языка сорвалось. Давно никто не интересовался. Сколько требуется?

– На все, без превышения кредита.

– А?..

– Пополам, того и другого.

– Хорошо, – морщит он раздумчиво лоб. – Загляни ко мне послезавтра.

– А если завтра?

– Завтра я только заказ отправлю. Сам понимаешь, товар не местного производства.

– А далеко его производят? – спрашиваем на всякий случай.

– К послезавтра доставить успеют.

– Когда ты открываешься?

– По-разному, но ты приходи после обеда.

– После, так после.

На том и отваливаем.

За спиною гремят засовы, а на левой руке заливается навигатор.

ЛИЧНОСТЬ

СПОСОБНОСТИ:

6. Интеллект 4

ЗДОРОВЬЕ:

90 хитов

Ситуационный модификатор: 3.

Персональный модификатор: 3.444(4).

Ситуационное соответствие: 1.148(148)

Выходит, все правильно. Поставщик заявится к обеду, можно будет ненавязчиво за ним проследить. Вот только послезавтра. День вылетает в трубу.

Красное солнце уже на три четверти осело за горизонт. Но скорнячиха продолжает выглядывать из своего окошка.

– Ну как? – спрашивает, не скрывая надежды.

– Более, чем менее, – отвечаем оптимистично, но обтекаемо. – Кстати, как Харя с поставщиками связывается, когда далеко? Сам тащится?

– Есть у него несколько помощников. Из местной пацанвы, внизу у моста обычно крутятся. Для мелких поручений их использует.

Растит, значит, смену, мордатый. Хотя какую смену, он же, наверное, бессмертен.

Ничего, довлеет дневи… в смысле, разберемся.

– Погоди, – останавливает нас лесникова вдовица, – я тут все думала, что бы для тебя сделать… Так и не придумала, но пока думала, руки сами сплели. Возьми, вдруг сгодится.

Она протягивает шнурок. Скорее, впрочем, кожаную тесемочку. Витую, кажись, семижильную, под полтора метра в размахе. Толщиною в мизинец, однако на разрыв не поддающуюся.

– Спасибо, к чему-нибудь, наверняка, приспособится.

Сворачиваем в колечко и пристраиваем в кармашек уже на ходу.

Оглянувшись, замечаем, что старушка украдкой крестит нас вслед.

Когда втягиваемся в темный гаражный массив, в глубокой тишине над всем городком вдруг громко разносится:

– Ахт!.. кх-кх, хррр… черт!.. тук-тук… раз-разззззззз… твою!.. Ладно, спите пока…

Объемные хрипы резко стихают.

Братуха навстречу не выходит – сидит в наблюдательном закутке, склонившись над вскрытым телом старого пластмассового магнитофона.

– Переборщил с бээфом, – объясняет он, – лента в катушке склеилась. Фанера, она и есть фанера. Живой звук нужен.

Глава X

Рассвет следующего дня застает нас в кустах речной долины. Чуть далее сквозь утренний туман проглядывают очертания моста, ведущего в Надоль-аль-не-Надоль. Что называется, еще и конь не валялся, а Брайан уже в дозоре.

Дозирать, правда, пока не за кем – в районе переправы ни души. Лишь по другому берегу вдоль кирпичной стены камвольной фабрики изредка проходят молчаливые бабы с тазами. Где-то за углом крепостной ограды с ними происходит разительная метаморфоза. Периодически там всхлапывает невидимая дверь и раздается крик:

– Ой, девки, держите меня, до городка добегу!

После чего почти без паузы слышится отдающееся эхом плюханье и переливчатые визги. Славную потеху они себе отыскали.

Э, Брайан, не отвлекайся, мы здесь по делу.

– Ме-е-е, ме-е-е, ме-е-е, – постукивая копытцами, дорогу пересекают несколько мелкорогатых скотин и, не задерживаясь, ловко лезут на крутой косогор. Вряд ли горные, но, наверняка, козы.

– Бя-а-а, бя-а-а, бя-а-а! – доносится с противоположного берега. По дороге к реке торопливо спускается другой мелкий, уже с рогами, загнутыми в кольца. При виде моста резко тормозит и замолкает. Вперившись исподлобья, остается стоять недвижимо. Ну как есть баран.

Минут через десять, обогнув его, по мосту скользит неслышной тенью худая тетка в длинной темной юбке и белом повязанном платке, держа в руке объемную кошелку. Баран вздрагивает, разворачивается и быстро бежит назад в поселок. Поди теперь узнай, зачем приходил.

Вдоль крепостной стены в обратную сторону следуют снова притихшие бабы с тазами и намотанными полотенцами на головах.

В том же месте, что и козы, на обочину взбирается дедок в пинжаке на голое тело. На косогор, правда, не лезет. Прокашлявшись и плюнув под ноги, тащит свою клеенчатую сумку с полными бутылками по дороге, терпеливо одолевая затяжной заворачивающий подъем. Вероятность выменять майку в городке, надо полагать, выше.

Слышится тихий всплеск. Возвращаем взгляд. На перилах,

болтая босыми ногами, сидит, оказывается, пацан лет этак двенадцати с торчащими вихрами и опухшим лицом. Он протяжно зевает и бросает в речку еще один камушек. Как это ему удалось появиться незаметно? Не иначе, там же под мостом и ночевал.

Вихрастый достает из-за пазухи яблоко, трет его одним боком об штанину и с хрустом надкусывает. Медленно жует, все больше и больше перекашивая физиономию, но, в конце концов, глотает. После чего, однако, с размаху швыряет остаток в воду.

Над долиной раздается громкий пронзительный свист. Переводим глаза. По-над обрывом вырисовывается значительная фигура хозяина хариного заведения. Пацаненок спархивает с перил, быстро проходит мост и взбегает по извилистой тропке на крутой бугор. На всякий случай, осторожно смещаемся вглубь ивняка.

Слов снизу, конечно, не разобрать, но указующие жесты определенно направлены в сторону поднимающего солнца. Похоже, ожидание заканчивается. Потихоньку разминаем застоявшиеся мышцы.

Мордатый поворачивается совсем другой частью своего тела и скрывается за кромкой. Пацан спускается обратно к подножию, пересекает речку и устремляется в поселок. На полпути к центральной улице ныряет влево, прямо в выходящий к дороге овраг, и с треском ломится по репейнику.

Черт, придется немного поотстать. Нехожалый овраг не то место, где легко сделать вид, что гуляешь сам по себе. Когда встревоженное море репья перестает волноваться, заныриваем следом.

Тропа идущим впереди проторена основательно, так что с пути не собьешься. А если на бегу еще и изворачиваться, то можно и без второй шкуры из колючек обойтись. Заросли на подъеме редеют, потом резко обрываются. Овраг закончился, теперь это уже, скорее, широкая балка, по обоим склонам которой разлеглись огороды двух параллельных улиц. И с одной на другую в этом месте даже натоптана поперечная дорожка. Дальше по дну ложбины тянутся вполне цивильные кусты. В них и мелькает вихрастая голова.

Затем пропадает из виду. Пересекаем дорожку и подбираемся поближе. Вихрастый, оказывается, временно сошел с дистанции, решив нанести неафишируемый визит в попутный огород. Возвращается он с набитой пазухой и скрученной головой подсолнуха, из которой выковыривает на ходу семечки. Значит, след будет заметней.

Но как обычно, когда все более-менее нормально, кому-то

начинает нейметься, или нейматься.

– Э, ничей, ну-ка подь сюды! – слышится из-под одинокого клена гундосный голос.

Вихрастый пытается с резким ускорением принять влево, но метнувшиеся фигуры перекрывают проход. Сзади, как из-под земли, возникают другие и вот уже берут его в кольцо. Соперник превосходит не только числом, но и годами, состоя большей частью из переростков. В смысле, из всех предыдущих возрастов вымахали, а в молодежь еще не принимают, ввиду чересчур явной умственной недоразвитости.

Самый долговязый и, видимо, главный, запускает мосластую руку вихрастому за пазуху и вытаскивает огурцы, уместившиеся в одной жмене. Протягивает не глядя назад подскочившему адъютанту, затем ухватывает своего визави пальцами за нос.

– Если хорошо поклонишься, голь приблудная, – гнусит он, – пущу тебя на дерево. Будешь сидеть наверху, сколько хочешь. Никто за тобой не полезет, мы только камнями снизу покидаем. Недолго, пока не надоест.

Возможно, разумней было бы не обнаруживаться, но больно уж голос у вожака противный.

Насвистывая частушечный мотив, на сцене появляется Брайан. Проходит в самую середину сомкнутого круга и ненароком наступает рифленой подошвой долговязому на носок. Тот отдергивается:

– Ты чего?!

Брайан пропускает реплику мимо ушей. Слегка наклоняется вперед и заглядывает вихрастому в лицо:

– Что, брат, проблемы?

Но на вопрос отвечает долговязый, задетый, видать, отсутствием внимания.

– Ступай себе, солдат, а то проблемы у тебя будут.

– Это каким образом? – поднимает голову Брайан.

– Ты один, нас восемь…

– Не научился ты, похоже, толком считать, – Брайан кладет левую руку на плечо вихрастому. – Двое нас. Одного он на себя возьмет, а с семерыми я всегда справлялся. Семь бед – один ответ, слыхал, поди?

Долговязый стреляет глазами по сторонам, за нашей спиной начинается какое-то скрытое передвижение. Пора выставлять точки над «ё».

– Бери кого похлипче, и с ходу в нюх.

– А можно я лучше Дрыну возьму, – спрашивает вихрастый, кивая на главного.

– Мм, а справишься?

– Да я это каждую ночь во сне вижу.

Вихрастый пригибается, поднимает кулаки и начинает надвигаться на долговязого.

– Ну, ты! – хрипло взревывает тот, выбрасывая длинную руку.

Вихрастый нырком уходит с траектории, рвет дистанцию и заезжает ему правой под дых.

– Вя! – говорит долговязый и наклоняется вперед.

Левым крюком на скачке вихрастый хорошо задевает его по подбородку.

Долговязый мотает башкой, вскидывается и, удерживая равновесие, делает пару шагов назад. Вторым как раз цепляется за какой-то корень и валится навзничь. Вихрастый прыгает следом, усаживается верхом, прижимая руки ногами, и принимается охаживать и слева, и справа.

– Ну, эта… – произносит кто-то, выбираясь из ступора.

– Стоять! – хлесткий окрик и сузившийся взгляд Брайана осаживают пришедшие было в движенье ряды. Заметив в опущенной руке одного из переростков блеснувшее шило, приближается и молча протягивает раскрытую ладонь. Помявшись, тот сдает свое оружие. Повертев инструмент, Брайан оглядывается, примеряется и швыряет его в дерево. Мелко прокрутившись в воздухе, шило втыкается в ствол под самой верхней веткой.

– Отцовское, – тянет переросток, отводя глаза.

– Значит, выберешь время и слазишь. Камнями я в тебя кидать не буду.

Брайан возвращается к действующим лицам интермедии. Долговязый, похоже, уже отключился, а вихрастый начинает впадать в раж.

– Уймись, брат, озвереешь.

Брайан поднимает его за подмышки, встряхивает и ставит рядом на землю. Потом обращается к массовке:

– Ну-ка, орлы, подхватили вожака и понесли отсюда. Давай-давай. Не отлынивай, рыжий, вон свободное место сбоку. Да не ногами же вперед, нехристи!

Сцена освобождается от статистов.

– Пошли, герой! Как, говоришь, тебя кличут?

– Ничей, – отвечает пацан уже на ходу.

– В смысле?

– В смысле, без родственников. Ни поддержать, ни вступиться некому.

– Да ты вроде и сам справляешься.

– Так то один в один. А они все время гуртом ходят.

– Залег поутру возле чьего-нибудь дома, дождался и с разгону

по сопатке.

– Родичи к Харе сразу же побегут жалиться. А он обещал подыскать мне местечко, коли буду хорошо себя вести.

– Какое местечко?

– Не знаю. Он всех постепенно куда-то пристраивает.

– Кого всех?

– Тех, кто на него работает.

– Э, подожди, а они все ничьи?

– Ну да, сироты, приблудные, пащенки… А ты-то, солдат, из чьих? Не видал я тебя раньше.

– Да тоже, наверное… В общем, сам по себе.

Последние огороды заканчиваются, дальше тянутся бесхозные бурьяны ближнего предместья. Притихший вихрастый вдруг спрашивает:

– А можно я как-нибудь скажу, что ты мой брат?

– Если к слову придется. Сильно на это не упирай, я тут ненадолго.

– Пока здесь, где тебя искать?

– Арсенальный склад в городке знаешь?

– А то! Харя тамошнего часового больше всех ненавидит.

– Вот у него и спросишь. Только не крадись, подойди и постучи в двери. Кстати, он тоже, кажется, ничей. Если меня не будет, можешь к нему обратиться. Он поймет.

Помельчавшая балка выходит за пределы поселения. Сзади остаются разбросанные приземистые постройки, прямо на восток тянется поросшая редколесьем долина.

Пацан спохватывается:

– А куда мы идем?

– Ты передавать поручение по поводу змеиного яда, я пока с тобой, а потом по кустам за поставщиком.

– Следил, значит, за мной, – косится вихрастый.

– Еще до зари в засаду у моста встал. Очень они мне нужны, змееловы эти. Для того и все услы в заказ вбухал.

– А чего тогда в балке вылез? Переждал бы…

– Была такая мысль, но не сдержался. Шибко уж шакалов не люблю.

– А ты всегда такой честный?

– Нет, только когда это не во вред.

– Ладно, – лыбится он во весь рот, – сегодня ты угадал.

И тянет грязную ладошку. Встряхиваем ее.

Пацан серьезнеет, морщит лоб, потом замедляет шаг.

– Давай, я тебе, брат, – говорит по-взрослому, – обрисую обстановку. В прошлом году Харя меня туда несколько раз посылал, когда пирожки с мясом взялся продавать в своем

заведении. Торговля, правда, не пошла, вкус у них был странный, но не о том речь. Кое на что я успел обратить внимание. Охотники эти очень осторожны и к себе никого не пускают. Чтобы встретиться с ними, надо добраться до лагеря и запалить там на площадке заготовленный костер.

– Что за лагерь?

– Не знаю, раньше туда вроде детей на лето ссылали. Ну вот, запалить и подождать, когда подойдет их человек.

– Через какое время?

– Да в том-то и дело. Иногда почти сразу, а бывает, через час.

– Выжидают что ли?

– Думаю, тут другое. Стоянка у них действительно где-то в часе ходьбы от лагеря. Вокруг же сплошные холмы. А с вершин все подходы как на ладони.

– То есть, им заранее известно, что гости пожаловали. И в каком количестве.

– Вижу, на лету хватаешь. Это у нас, наверное, семейное.

– А вот я тебе сейчас подзатыльник выпишу, по праву старшинства.

Вихрастый, выпучив глаза, пригибает голову, словно уклоняясь от размашистой воспитательной десницы.

Затем снова напускает на себя серьезности:

– Потому разделиться нам лучше прямо здесь. Я так и пойду по дну, постараюсь выбирать открытые места. А ты давай по правому гребню. Появляются они у костра с востока, но немного левее, со стороны обрывистого склона, где-то там, наверное, удобный спуск. И смотри, поаккуратнее, они с дротиками ходят, примут еще за медведя.

– Я похож на косолапого?

– Нет, но вдруг они с перепугу не разберутся?

– Резонно, – соглашаемся.

– Если все выйдет по-задуманному, возьмешь на следующее дело?

– Как получится. Но ты всегда можешь обратиться к арсенальному часовому, он большой любитель спецопераций. Рекомендацию я тебе дам.

– Лады, брат. Удачи!

– И тебе, братишка!

Он пожимает нам руку и кивает на склон. Быстро взбираемся. На самой кромке изображаем бег на месте. Он двигает дальше по долине. Следуем по опушке верхнего леса.

Включается оповещающий сигнал навигатора. Что у нас полезло выше местной нормы?

ЛИЧНОСТЬ

СПОСОБНОСТИ:

7. Обаяние 4

ЗДОРОВЬЕ:

92 хита

Ситуационный модификатор: 3.

Персональный модификатор: 3.555(5).

Ситуационное соответствие: 1.185(185)

Ну, как скажете.

Вихрастый в самом деле из вида надолго не пропадает, огибая особенно густые заросли кустов по краю. Держаться за ним нетрудно. Внимания хватает и на то, чтобы попутно осматривать окрестности вплоть до противоположного гребня долины. Солнце постепенно смещается вправо, не застя даже бокового зрения. Никого лишнего в пейзаже, кажется, не присутствует. Кое-кто, конечно, щебечет в ветвях, изредка роняет из кроны ошелушенную шишку да шелестит в траве. Но то обычные обитатели, которые тут издревле и в список действующих лиц не рвутся.

Неожиданно сбоку слышится удивленное посвистывание. Встав на задние лапы и вытянувшись в струнку, с щепастого пенька смотрит на нас своими бусинками тоненький зверек с продольными полосками на спине.

– Бурундук? – спрашиваем прямо.

Он уклоняется от ответа, пробегает по поваленному стволу и ныряет в подлесок.

Среди лиственных на опушке все чаще и чаще попадаются игольчатые. Пардон, хвойные. Игольчатые, это про пистолеты. Но Брайан у нас специализируется в другом виде. Мысленно выхватываем из заплечных ножен, существующих тоже в уме, наше настоящее метательное оружие и швыряем на самый предел досягаемости, черт с ним пока, с поражением. Вылавливаем в воздухе возвращающийся нож и с ходу повторяем, вкладывая в бросок инерцию всех мышц, от ступни до ладони. На этот раз клинок летит ощутимо дальше, сантиметров на пятнадцать, как минимум. Если так пойдет, через какой-то месяц мы и на полкилометра достанем. Но это вряд ли, темп желаемого возрастания обычно стремится к неуклонному замедлению. Выражаясь сугубо философским языком, такова неизбывная паскудность бытия.

Но Брайан, естественно, плевал на принципы устройства мироздания, поэтому просто бросает нож, несмотря на. Раз за разом. Пока есть время. Пока долина не начинает расширяться, а

в ее ложе среди нахального окустья не обнаруживаются каменные домики с зияющими провалами окон и обильно проступившим лишаем по змеящимся сверху вниз трещинам.

Вихрастый пробирается по взломанному покрытию центральной аллеи в дальний конец лагерных развалин, к бугристой площадке перед стоящим поперек одноэтажным же, но уже несомненно зданием то ли столовой, то ли клуба. А может, того и другого вместе. Хлеба и зрелищ! Да подавитесь зараз.

Попинав лежащую посреди кучу хвороста, он вытаскивает пару белых камней из-под невесть откуда взявшегося тут массивного валуна и принимается, не присаживаясь, с размаху высекать ими искру. Явно на показ.

Пригнувшись, скользим размытой тенью за первым рядом деревьев, огибаем по краю расширение котловины и, выбрав место, с которого просматривается не только сама площадка, но и восточно-северо-восточные подступы к ней, затаиваемся за кряжистым стволом, прислонив левую щеку к шершавой коре. Ждать, возможно, придется не меньше часа, сохраняя внимание, однако, на всем протяжении времени, то есть, с первых минут. Оставляем куммулятивно-кинетические развлечения и сосредотачиваемся на наблюдении.

Лагерные постройки разумно размещаются не на самом дне долины, а на первой террасе нашего склона. Судя по рельефу, нижняя часть должна затопляться весенними паводками. Вон в той петляющей полосе кустов и пролегает русло ручья, в настоящий момент, правда, сильно пересохшего. Далее пойма подступает почти вплотную к подножию противоположного склона, который с ходу круто лезет вверх. Если скользнуть взглядом вправо, ближе к сужению, то склон придется, пожалуй, переименовывать в обрыв. С хорошо заметными следами каменистости. Неслышно по такому не спустишься, непременно что-нибудь посыплется следом. Проще сразу же бежать с криком. Бравурно-матерным, дабы никому не пришло в голову, что прокололся со скрытностью.

Так что ожидать хозяев, скорее всего, следует из горловины.

Сам створ просматривается неплохо, но подходы к нему видны лишь ближние, до первого извива. Точка обзора недостаточно высока, чтобы охватить окрестности целиком.

Посему данный кусочек пейзажа на ближайший час становится его центром, который нужно неотрывно держать взглядом, по крайней мере, боковым.

Тянет дымком. Вихрастый уже запалил на площадке сигнальный костер, побросал в него наломанных в кустах зеленых веток и теперь занят не вдруг-то понимаемым делом.

Прохаживается взад-вперед, периодически откалывая какие-то балетные коленца, то подволакивая правую ногу, то резко выбрасывая ее на весь мах.

Вникнув в движения, догадываемся, что он тренирует неожиданное попадание снизу. Незаметно цепляет босыми пальцами валяющийся на земле камешек и с силой мечет в воображаемую цель.

Похоже, из пацана выйдет толк.

И Брайан не с именного оружия начинал.

С чего под руку попадется.

…Кушать, говоришь, хочется, шкет? А вон вишь на кедре шишки? Бери палку и сшибай, пока белка тебя не обошла.

Высоко ведь.

Тогда слюни пускай, тоже занятие…

Встряхиваем затуманившейся головой, не ко времени сейчас воспоминания. В самом деле пробудившиеся или же родившиеся по обратной ассоциации. Коли прошлого нет, часто начинает свербеть подспудный соблазн придумать его. Покрасивше, а то и пожалостливее. Раз уж зашла речь, от необходимости пить-есть, равно как и наоборот, герой избавлен, можно хотя бы на это не отвлекаться. Мы и не отвлекаемся.

А кто у нас там за сдвоенной елочкой маячит? Весь такой в шкурах. Уж не сам ли Чингачгук Большой Змей забрел ненароком? Нет, в напряженной правой руке сжимает он дротик, не томагавк. Да и кто бы в здравом уме решился использовать гордого вождя на побегушках? Получается, наш долгожданный рядовой добытчик змеиного яда, кому ж еще быть.

Кузнец вроде поминал, что мужик, приходящий заказать наконечников, диковат, но чтобы в звериных шкурах… Хотя, возможно, для выхода в люди имеют они и тщательно сберегаемый комплект цивильного.

Однако по-любому, из могикан он или нет, но намаемся мы за ним следить по его исконной территории. Чует сердце. Или, может, без изысков, по-простому? Догнать, завалить и, брызжа слюной в лицо: «Шпрехен зи дойч? Их штаб, штаб! Говори, подлюга!» Но вдруг он, и вправду, немой? А брать проводника на родине Сусанина себе дороже. Да и кто сказал, что этот олень бегает медленнее? Для подобных случаев в арсенале надо болу иметь. Размахнулся пошире, и разогнавшийся было клиент с заплетенными ногами рушится, как подкошенный. Спокойно подходи, садись на него и жди, когда придет в себя. Но о боле в нашем снаряжении почему-то никто не позаботился. Так что нахрапный способ лучше, наверное, приберечь в качестве последнего средства.

Шкурастый выскальзывает из-за елочки, которая вполне может быть пихтой, и, продолжая держаться левого склона, где кусты, подступающие к подножию, заметно гуще, проникает в котловину. Появление его с того края обусловлено не наличием удобного спуска, а укоренившейся привычкой к скрытному передвижению.

Метнув ногой последний камень, пацан демонстративно закладывает руки за спину и поворачивается в ту сторону. Срисовал-таки. Что ж, и мы не лыком шиты.

Застуканный апач перестает красться и выходит на площадку в открытую.

Встреча представителей разных племен не начинается с раскурения традиционной трубки. То ли ранг не тот, то ли с табаком ныне напряги. Переговорный процесс не затягивается, отчасти из-за четкого разделения: вихрастый недолго говорит, шкурастый ровно столько же слушает. Потом производит некое движение головой, которое вполне можно истолковать как согласие. Вихрастый кивает и без задержки пускается в обратный путь. Шкурастый остается смотреть ему в спину. Не оборачиваясь, вихрастый машет высоко поднятой в воздух рукой. И тебе, братишка, пока. Бог даст…

Чингачгук тщательно затаптывает угли сигнального костра своими мокасинами ручной работы, затем совершает рыскающий рейд по кустам и возвращается с охапкой нового хвороста. Складывает его шалашиком и, скосившись напоследок в пустую аллею, направляется прямо к горловине. Трогаемся и мы. Следом, но по гребню.

Двигается наш делавар в самом деле очень мягко. Подножными сучьями не хрустит и попутных ветвей не касается. То есть, если потерял его из виду, то потерял окончательно. На всякий случай сокращаем дистанцию, уповая на то, что в родных краях редко кто оглядывается. А если мельком и оглядывается на подходе к дому, то именно назад и через левое плечо, как правши привыкли. А мы-то для него в значительной степени с правого боку.

За стесненной горловиной долина разбегается вширь и начинает бугриться по всему горизонту скученными холмами. Как раз здесь по весне собираются талые воды, перед тем как ринутся дальше вниз единым потоком. В удобных спусках недостатка тут нет. Пересохшая дельта в перевернутом виде.

Шкурастый правит к середине, потом вообще начинает прижиматься к правому краю. Что за хорды на маршруте?

Следуя по гребню, приходится постоянно выписывать синусоиду по вертикали, поскольку склон то и дело размыкается

выходами из распадков. Сбежав на дно третьего по счету, снова наверх уже не лезем, продолжая движение по кустам вдоль подножия.

Чингачгук едва заметно увеличивает темп, потом неожиданно ныряет вправо и пропадает из поля зрения. Ускоряем шаги, затем осторожно заглядываем в овраг. Пусто. И тихо. Только уже у самого изгиба, вроде, мелькает что-то рыжеватое.

Ладно, допускаем, что вычислить нас возможно, но вот оторваться… Это уж дудки! Резко выдыхаем, вентилируя легкие, истомленные долгим сдерживанием, и стартуем на полную. За первым же поворотом цепляемся взглядом за спину легконогого сиу, сокращаем дистанцию, затем уравниваем скорости. С потрошением с наскоку мы, конечно же, погорячились, ссориться с охотниками нам не с руки, по крайней мере, пока. Да и их представителю с нами, скорее всего, тоже, поскольку велика вероятность, что в поселении каждой брехливой собаке известно, куда мы направились. Конфликтовать двум сапиенсам, оба из которых при оружии, надо осмотрительно. Тут, коли преступил черту, дальше все идет на рефлексах, считай, в автоматическом режиме. Рассорились насмерть – в данном случае уже не метафора, но добротный казус белли. А ведь всего-то надо было: одному отыскать то самое стойбище, другому его туда не привести. И посему на сцене неминуемо, похоже, возникновение достаточно забавной ситуации, когда действующие лица с обеих сторон будут упорно сохранять вид, что каждый бежит сам по себе, просто захотелось вдруг размяться. Естественно, при этом он постарается нас завести подальше и потерять, а мы, наоборот, от него не отстать.

Сторожится больше ни к чему, а, поддержать тонус мы никогда не против. Резвый Олень идет ходко, но не на пределе, изначально настроившись, видать, на стайерскую дистанцию. Есть возможность потренироваться заодно и в метании ножа на бегу. Мысленно выхватываем, примеряемся в шею и швыряем со всей силы. Ничего кроме убойного поражения на таком расстоянии не отработаешь. Вылавливаем клинок в воздухе и снова вколачиваем в цель. Однако еще через пару бросков оставляем занятие. Слегка все-таки сбивает дыханье, а кто знает, может, у дакота в этом ритме и марафоны принято проходить.

Наш индеец делает полуприставной шаг вправо, отталкивается на развороте и с разгону одолевает левый склон помельчавшей балки. Повторяем маневр и выносимся за ним на поверхность. Скакучий Козел уже сигает, оказывается, в соседний овраг. Еще чуть, и мы бы не заметили, в каком месте. Запрыгиваем следом и сокращаем дистанцию до совсем уж

неприличной, оставив лишь место для экстренного торможения, на тот случай если у клиента сдадут нервы, и он плюнет на геополитические соображения. Но Чингачгук даже ухом не ведет, знай себе перебирает ногами.

В верховьях опять перескакиваем в другой отросток овражьей сети. Потом снова и снова. Затем еще не раз и не два. Подходящие наречия исчерпываются, а перескакиваниям не видно конца. Ежели сложить все проделанные по пути повороты, вырисуется, похоже, общее направление на юго-юго-восток. Но на большом расстоянии и пяти упущенных из виду градусов с лихвой хватит, чтобы на возврате к пункту отправления безнадежно промахнуться. Теряться нам точно не стоит. Можно, конечно, будет просто спуститься по оврагу, любой из них вроде должен в конце концов выводить в водосборную котловину, но знающий, где спрямить дорогу, Хитрый Гусь заведомо нас опередит. В неспешную перевалку вернется в стойбище и в кругу гогочущих соплеменников у вечернего костра примется показывать в лицах, как обвел бледнолицего вокруг поднятого среднего пальца.

Больно длинные фразы стали получаться. Темп надо держать, а не рефлектировать. Тем более что Неугомонный Лось вдруг взялся его наращивать, одновременно меняя направление на сугубо восточное, поперек водоносной системы. Так что дальше движемся в рваном ритме. Проламываемся по кустам от одной балки до другой, затем с разбегу ухаем вниз. Набираем на спуске ход и по инерции взмываем на противоположный склон. Перепрыгивать даже достаточно узкие не самая удачная мысль, если и не споткнешься, скорость все равно потеряешь.

Через каких-то полчаса Хриплый Шакал начинает, похоже, сдавать, уже огибает густые заросли по краешку, притормаживает перед обрывами, выбирая, куда прыгнуть, а потом и вовсе обмишуривается. В очередном овраге ему не хватает недобранной инерции, он замирает почти у самого гребня, наклоняется вперед, видимо, намереваясь привлечь к процессу руки, но оскальзывается на глинистой осыпи и скатывается на дно. На ноги, правда, поднимается еще на ходу, но после этого, даже не отряхнувшись, поворачивается и бредет вниз по ложу. Получается, восвояси.

И величания своего отпадоша…

Так и следуем, он понуро, а мы гоголем.

В одном пологом месте перекочевываем в соседнюю балку, потом еще в одну и через полтора часа достигаем изрезанной дельты. Попетляв меж крутобоких бугров, выбираемся в водосборную чашу, заворачиваем влево, спускаемся в нижнюю

котловину и выходим на площадку с сигнальным костром. Наступивший на собственные же грабли индеец садится на валун, упирает рядом свой дротик и застывает с отрешенным лицом, неподвижный взгляд устремлен поверх деревьев в сторону западного окоема. Ну как есть Чингачгук.

В предвечерней тишине звучит чистый и чуть печальный перелив оповещающих колокольчиков.

ЛИЧНОСТЬ
СПОСОБНОСТИ:
3. Выносливость 4
ЗДОРОВЬЕ:
94 хита
Ситуационный модификатор: 3.
Персональный модификатор: 3.666(6).
Ситуационное соответствие: 1.222(2)

Все чудеса проявленной за последнее время наблюдательности опять впустую.

Зато никто не скажет, что Брайана можно сбросить с хвоста.

А включать восприятие придется, видимо, еще сегодня. Чингачгук нас в стойбище не поведет. Это у него на лбу выгравировано. Сдохнет, но с места не тронется. Пока мы не покинем края окончательно.

Кстати, как ему удалось нас учуять с самого начала? Вроде ни разу не оглядывался, ни через правое, ни даже через левое плечо. Не иначе как срисовал еще на подступах, когда мы крались от ствола к стволу по гребню. И скорее всего, находясь при этом на одном уровне, где-нибудь вон там, на крутом левом обрыве. Прав был, похоже, вихрастый, должен поблизости иметься удобный оттуда спуск.

Оставляем площадку и поднимаемся в горловину, придерживаясь подножия левого ската. Вот и сдвоенная елочка, за которой мы в первый раз углядели шкурастого. А где же следы в округе? Ни тебе обломанных ветвей на соседнем кусту, ни фольги от жвачки, ни выкорябаных букв на стволе: «Здеся был Чинг». Верно, совсем дикий.

Стоп, а это у нас что? Приседаем. К удлиненному листу конского щавеля прилипла маленькая дольчатая тыковка. А ведь косточка от боярышника! В свежеобглоданном виде. Оглядываемся. В пределах прямой видимости даже близкородственного шиповника не просматривается. Сорвал ягоду, выходит, где-то в другом месте. Потом долго перекатывал во рту, растягивая занятие. Сосредоточившись на наблюдении,

придавил посильней, чтоб не отвлекала. Перед тем как двинуться дальше, машинально выплюнул остатки.

Подняв взгляд, следуем дальше. Спуститься, конечно, есть где, но склон на всем протяжении сильно сыпуч, и проделать это совсем бесследно не удастся. Только на излете сужения замечаем не то чтобы тропку, но череду выпирающих из крутого ската камней, которые сами просятся использовать их в качестве ступеней. Так и поступаем.

Первым делом наверху в глаза бросается боярышниковый островок почти у кромки обрыва. Правим в ту сторону. Наблюдательный пункт устроен со всем удобством, даже крепкое еще бревно прямо на опушке лежит. Причем повдоль. Хошь сверху восседай, хошь за ним залегай в засаде. Для того туда и несколько охапок травостоя кинуто. А под деревьями и шалашик прячется на случай сильного ливня.

Присаживаемся на бревно. Так и есть, вся долина до самых своих низовьев как на ладони. Перебираемся за него и аккуратно выставляем глаз над верхним краем. Взгляд утыкается в противоположный гребень. Вон к тому дубу мы прижимались щекой, затаясь в долгом ожидании. Подавляем желание досадливо крякнуть и приближаемся к краю обрыва.

Чингучгук на площадке продолжает изображать памятник самому себе.

– Ого-го-го-го! – разносится крик Брайана над долиной.

– Го-го-го-го! – отвечает эхо.

Чингачгук, кажется, скашивает взгляд.

На всякий случай Брайан прыгает на месте, размахивая вперекрест обеими руками.

Чингачгук отворачивается. Плевать ему на нас и на то, найдем ли мы стойбище. Главное, не он за собой чужака привел.

Правильно, Чинг, нет тут твоей вины. А в тягании с Брайаном, коли уж угораздило ввязаться, самое умное вовремя в сторонку отойти, чтоб поменьше народ смешить.

Описываем полукруг по кустам. С какого тут боку к наблюдательному пункту подходят чаще? Верно, с дальнего. Вглубь зарослей змеится и вполне различимая тропинка, видать, не один год местечком пользуются.

Тропа полегоньку уклоняется вправо, в постепенное понижение рельефа. Воздух заметно сыреет. Закатное солнце, золотящее верхушки, уже не достигает подножия деревьев. Надо поторапливаться, ночной лес не самое удобное место для поисков.

Чу! никак что-то журчит? Будто бы ручей, да не простой, а горный.

Действительно, дно распадка выстлано какой-то твердой породой, в которой упорная вода проточила себе глубокую извилистую щель. Сколько же лет крохотному ручейку надо для этого стараться? Или он знавал и более изобильные времена?

Тропа пропадает на левом берегу, а на правом не появляется. Следовать, впрочем, удобно и по скальному ложу. Отдельно лежащих камней вроде бы нет, так что опасность оступиться даже в сгустившихся сумерках невелика. Склоны распадка мало-помалу крутеют и сдвигаются. И как ни странно, верхние их кромки возносятся все выше и выше.

Вот тебе раз! Заворачиваем вправо и обнаруживаем почти перед самым лицом сплошную чуть ли не отвесную стену. Тупик, однако. А как же ручей? Ощупываем скос, никаких тебе расщелин. Вода, оказывается, выбивается прямо из подножия скалы.

Что-то тут не так. Но в наступившей темноте, разбавленной лишь светом звезд, разобраться в геологическом феномене трудно. Где, кстати, луна? Почему отлынивает?

Делается слегка не по себе. Словно невзначай, касаемся рукояток обоих ножей, какой из них удобнее лежать в ладони?

Впрочем, не стоит перебарщивать. Поднимаемся, проводя попутно руками по карманам. Вот оно, ведьмино зелье, похоже, приспело его время. Вытаскиваем пузырек, отковыриваем пластмассовую пробочку, взбалтываем и решительно употребляем внутрь. Вкус у него именно тот, каковой сам по себе и предполагался. Нас передергивает сверху донизу. Только не надо резко выдыхать, как бы оно не устремилось следом. Совсем не к месту вспоминается топологическая аксиома про то, что через точку прокола любой тор можно вывернуть наизнанку. Ладно, не умничай, Брайан.

На душе залегает тяжесть, но в глазах проясняется. Пейзаж подсвечивается слегка зеленоватым. Темное начинает проступать на темном. Оказывается, в нем достаточно оттенков, чтобы при наложении не сливаться. Какое-то странное впечатление производит мир, в котором видно и без наличия света. Хотя, может, и не сам мир, а лишь наше в нем присутствие. Словно мы уже и не от него. С другой, так сказать, стороны.

От пограничных размышлений отвлекают колокольчики навигатора.

ЛИЧНОСТЬ
ЗДОРОВЬЕ:
95 хитов
ОСОБЕННОСТИ:

ночное зрение

Хорошо бы глаза в темноте не стали светиться. А то это вроде как чересчур…

Отодвигаемся на пару шагов и задираем голову. Боковые откосы ущелья практически отвесны, и взойти на них без специального на то снаряжения, видимо, не получится. А вот перегораживающая стена достаточно уступчива. В обоих смыслах. И ногу, есть куда пристроить, и сильно противодействовать она явно не будет.

Значит, вперед!

Треть подъема одолеваем без помощи рук, исключительно за счет разгона и умения держать равновесие. Дальше, правда, приходится уже карабкаться. Но не особенно долго. Уцепляемся за шершавый обломок скалы и вылезаем на верхний край. Который скорее гребень.

Продолжающееся дальше ущелье слегка расширяется, дно его заполнено водой, подступающей к самому подножию крутых склонов. Другого берега не видно, потому что теснина заворачивает вправо.

Каменоломни, случается, ведут свое происхождение от заброшенных рудников. И коли так, перед нами, вполне возможно, остатки одного из старых хвостовых отвалов, а то, на чем мы стоим, выходит, хорошо сработанная насыпная дамба.

Перемычка по уровню сильно не дотягивает до верхних кромок ущелья, так что на них не переберешься.

Плюнув напоследок в искусственное горное озеро, спускаемся обратно. Это не тот путь, которым наблюдатели возвращаются в стойбище.

Устремляемся вниз по распадку.

Когда боковые скаты становятся достаточно пологими, лезем на левый.

Поднявшись на лесистый гребень, оглядываем доступное. Из-за деревьев можно заметить лишь то, что на западе небо слегка синее. Но это ведь от закатившегося солнца, а не от далеких костров.

Втягиваем носом ночной воздух. Но мы с наветренной стороны, а принюхиваться против ветра что толку?

Настораживаем ухо. Скучающего собачьего перелая не слышно, да охотничьи псы попусту, наверное, и не брешут.

Что там еще перцепцию обеспечивает? Осязание и вкус. Пощупать и попробовать на зуб. Действенные методы, но на расстоянии трудно применимые.

Остается главное чувство поисковика – интуиция.

Посему без дальнейших раздумий двигаем на север, но не прямо, а через восток.

Пересекаем отрог и ныряем в соседний распадок.

Осматриваемся. Сначала с открытыми глазами, потом с закрытыми. Чутко притопываем.

Не то.

Перебираемся в следующий.

Повторяем исследование.

Опять не то.

В четвертом распадке задерживаемся на дольше.

Неуверенно поднимаемся до первого поворота.

Нет, показалось.

В пятом, по одному лишь рельефу сразу же понимаем, вот оно. Дорога из бывших рудников выходила именно здесь. Такое ни с чем не перепутаешь. Профиль, он и через столетия профиль.

В подтверждение срабатывает навигатор, мелодично оповещая о свершившемся изменении.

ЛИЧНОСТЬ

СПОСОБНОСТИ:

5. Восприятие 4

ЗДОРОВЬЕ:

97 хитов

Ситуационный модификатор: 3.

Персональный модификатор: 3.777(7).

Ситуационное соответствие: 1.259(259)

Можно было, наверное, обойтись и без бегания за Лукавым Куропатом по оврагам, но, с другой стороны, отчего ж не размяться, когда предлагают?

Да и интуицию надо ведь еще пробудить, не все же время она бодрствует в полной готовности.

Она у нас дама утонченная, изнеженная, разве что не ленивая. Склонная поваляться в праздности, похихикать, глядючи, как прочее простонародье чувств упирается по-черному. И раньше, чем остальные свесят набок языки, подключиться ее не допросишься. Не желает она, видите ли, в общую телегу впрягаться. Свои у нее методы, особенные, другим не очень-то и понятные.

Но мы знаем, как с кочевряжливыми обходиться.

Потому и не сидим впотьмах, а целеустремленно движемся вперед.

В данный момент по распадку.

И его широкое ложе ведет нас в верховья.

От дороги собственно осталась лишь характерная приподнятость полотна с плотно утрамбованным насыпным покрытием, на котором до сих пор травы селятся неохотно.

Куда, кстати, везли отсюда все нарытое, а потом и наломанное? В той долине, по которой мы поднимались за вихрастым, следов дороги нет. На выходе из распадка она, видать, заворачивает в другом направлении, дальше в холмы.

Боковые гребни опять начинают возноситься выше и выше, а склоны делаются все круче, постепенно превращаясь в откосы.

Из-под осторожной ноги стремительно вышуршивает длинное извивающееся тело и, размашисто загребая лапами, прытко прет прямо по осыпи вверх. Хвост потеряешь, дура!

Судя по размерам, эта ящерица тут с эпохи матриархата.

С перепугу могла ведь и броситься. С мозгами-то у них действительно не шибко.

А не грянуть ли нам дурачкову запевку? Для прелиминарной острастки.

Ну и для поддержания духа. А то вроде как опять тянет поежиться.

Но предполагаемое стойбище все ближе, ночь глубже, спится, наверное, слаще, и подбирающиеся к дому крики в таких случаях, как правило, не возбуждают в кондовых хозяйских душах доброжелательности. А мы ведь именно в гости идем, пусть и без приглашения.

Заканчивающийся пологий поворот открывает вид на дальнюю часть ущелья, перегороженного в самом узком месте высоченной баррикадой из наваленных друг на друга камней. В оставленный посредине проход можно протиснуться лишь по одному, да и то боком. Что называется, не размахнешься. А если еще при этом навстречу примутся тыкать копьем в лицо, то желание рваться вперед очень быстро угаснет.

Со штурмом тут голимый но пассаран.

Копьеносцев не видно, но, наверняка, окрестности под приглядом.

Отступаем назад за поворот и двигаем обратно, пока что не солоно хлебавши.

Как только откосы превращаются снова в склоны, лезем на правый. Выискиваем на гребне сосенку потолще и устраиваемся с обратной стороны в углублении между корней, прямо на хвойной подстилке. Завернувшись в куртку, отключаемся.

Утро мудренее.

Особенно когда канунный вечер выдался мудреным.

Глава XI

Пробуждает нас солнце, поднявшееся достаточно высоко для того, чтоб высветить сосенные корневища уже прямыми лучами.

Нехорошо, Брайан. Кто рано встает…

Придется, видимо, нам с тобой сегодня обходиться без подачек.

Выдыхаем остатки сна и вбираем в себя энергию ближайшей к планете звезды.

Правильно, мы сами кому хошь подадим. Если, конечно, на деле захочем. То есть, захотим. Выражаясь штилем, буде таковое желание возыметь соизволим.

Ну-ну, давай-ка без перехлестов. Гордяк с утра обычно к облому.

Спускаемся по склону, потом поднимаемся по ложу распадка.

В природе тихо, не сказать, настороженно.

Относим это за счет традиционного начала действия. Герой вышел на сцену, в зале перестали обсуждать свое, поерзали и замерли. Ждут. Не отчебучит ли он чего с ходу?

С ходу не отчебучит, у нас тут не скетч. Эпическая поэма. Правда, без списка кораблей. Плыть пока некуда.

Жуя сорванную по пути травинку, появляемся из-за поворота и неспешным шагом направляемся к завалу.

Над ущельем повисает длинный свист. Из прохода выбираются двое стражников с копьями, на верхние камни высыпают еще четверо с дротиками. Острия не то чтобы уже нацелены, но и в сторону не глядят.

Вся стойбищенская охрана без исключения одета только снизу, причем, большей частью не до конца. Обувкой форсят лишь копьеносцы. Дротикометатели, видать, рангом еще не вышли.

Правый привратный гвардеец, распространяя шкурный дух, выдвигается чуть вперед и без околичностей интересуется:

– Чего надо?

И начинает заговорщицки подмигивать.

Но вряд ли из желания предупредить, видимо, это просто тик.

Брайан отводит взгляд и скользит им по окоему.

– Да вот, записаться к вам хочу.

Привратник на пару секунд застывает, затем принимается

семафорить глазом с удвоенным пылом.

– Записаться? Грамотный что ли? Писарей нам не треба, жалобы строчить некуда.

– Ну, вступить в ряды, – меняет Брайан формулировку.

Сосредоточившись на скоростной морзянке, правый гард отключается от беседы. Вместо него назидательное слово берет левый, с шевелящимся хрящеватым носом.

– Вступают в коровью лепеху. Ненароком.

– Тогда стать вашим членом, – пробует Брайан.

– Да мы сами с усами, – взгагатывают наверху, – своими силами управимся.

– Слушай, – восклицает включившийся вдруг правый, – а может, он на испытание приперся? Чего-то такое говорилось. Ну-кась покличьте Шмыгу.

Верхние, поворотясь назад, начинают размахивать руками и выкликать искомого по имени, сначала вразнобой, потом, подстроившись друг к другу, хором.

Минут через десять из прохода выныривает упитанный недомерок с выпученными от старания глазами.

– Позови-ка сюда Сухорукого, – говорит ему правый гард. – Скажи, на испытание пришли.

Недомерок разворачивается и бросается обратно.

Спустя четверть часа возвращается и задышливо докладывает:

– Сухорукий не может, пайки делит. Велел действовать по ритуалу.

Правый начинает чесать в затылке. Потом обращает взгляд на левого. Тот сразу же берет быка за рога.

– Сгоняй-ка к костру, – говорит он недомерку, – уточни, кто у нас по ритуалу?

Шмыга исчезает в проходе.

Через пятнадцать минут появляется снова и бодро докладывает:

– Гугня!

– Чего гугня? – не сразу въезжает левый гард.

– По ритуалу у нас Гугня.

– А! – светлеет тот ликом. – Тогда зови Гугню.

На этот раз Шмыга оборачивается за двадцать минут.

– Гугня занят.

– Чем? – удивляется правый гард.

Недомерок бросается назад.

– Стой, – орет левый, – это не надо, обидится еще. Спроси лучше, что делать?

Шмыга скрывается в проходе.

Обратно предстает лишь через двадцать пять минут и уже не совсем бегом.

– Говорит, пусть начинают ритуал.

Возникает пауза.

По истечении оной стражники принимаются переглядываться и перетаптываться.

– Э… – произносит раздумчиво правый гард, усиленно подмигивая.

– Эта… – вторит левый, вовсю шевеля носом.

Но находятся не они, а один из верхних со лбом, который язык не поворачивается назвать высоким, хотя он и занимает на лице ровно половину.

– А с чего начинать?

Нижние недовольно косятся, но ситуация вынуждает, попустительствуя вылезанию поперед, согласиться, что вопрос в самую точку.

Правый дает отмашку недомерку:

– Разузнай.

Левый добавляет уже в спину:

– И поподробнее.

На исходе получаса Шмыга возвращается чуть ли не шагом, но с обстоятельным посланием от Гугни:

– Начинать с загадок. Которые на прошлой неделе заучивали. Загадывать в таком порядке: Дергун, Носач, Умник. Если кто чего перепутает, Сухорукому будет сказано, чтоб урезал пайку, для просветления памяти.

– Вот гундюк! – с чувством произносит правый гард, но тут же спохватывается: – Этого передавать не надо.

– А чего надо? – спрашивает Шмыга, но не получает ответа.

Левый смотрит на правого.

– Тебе первому. Помнишь?

– Летом и зимой… черт, не складно…

– Еще по одной? – неуверенно подсказывает левый.

Правый морщится:

– Да нет, там про то, что все едино…

– Я! Я знаю! – орет с баррикады долголобый. – Я и Гугне помогал выбирать их.

Привратники слажено косятся вверх. Правый тоскливо вздыхает:

– Ладно, спускайся.

Долголобый скрывается за обрезом, затем появляется уже из прохода. Первым делом осматривает ноги Брайана.

– Ботиночки где брал?

– Далеко, – отрезает Брайан.

– Может, отойдем? – предлагает левый гард правому, кивая в край завала. – А то подслушает.

– Э, наверху, не спать! – рявкает тот.

Оценив уровень моментально возросшей боеготовности, направляется к подножию откоса. Сотоварищи следуют за ним.

Репетиция не затягивается на очень уж долго, учитывая состав труппы.

Со стороны хорошо видно, как увлекшийся долголобый пытается дирижировать процессом. Старшие привратники уклоняются от взмахов рук, не забывая периодически наступать ему своими чунями на босые пальцы.

Через полчаса исполнители возвращаются на основную сцену.

Премьера запускается без трех звонков.

Правый гард набирает в грудь воздуха и начинает:

– Зимой и летом одним цветом, кто это?

– Кто, говоришь? – усмехается Брайан. – Конечно, конь.

Правый подмигивает обоими глазами, потом поворачивается к левому. Левый шевелит носом и переводит взор на долголобого. Тот расправляет плечи:

– Это с какого такого конь?

– А с какого такого не конь? – легко отражает Брайан выпад и, не давая противнику опомниться, устремляется в свою атаку: – Где ж ты видал, чтобы кони цвет меняли?

Долголобый морщит верхнюю часть лица и принимается искать достойный ответ.

Застоявшийся без дела Брайан переходит к добиванию.

– Конь не заяц, шубы у него нет, скидывать по весне нечего. Да и прятаться ему не от кого. Верно я говорю, мужики?

Старшие привратники молчат, но, похоже, не от несогласия, просто не привыкли к резким поворотам. Наконец, левый бросает вопросительный взгляд на правого. Тот пожимает плечами.

– Ну, получается, моя очередь, – произносит левый, решительно поводя носом. – Не лает, не кусает, а в дом не пускает. Кто это?

– Опять конь, – отвечает Брайан без раздумий.

– Подожди, – начинает суетиться левый. – Не лает, не кусает, ладно. Но почему не пускает?

– А ты пробовал войти в дом, когда в дверях конь стоит, да еще задом?

Левый смущенно чешет в затылке:

– Ну, коли задом, пожалуй, и лягнет.

– То-то и оно! – хвалит его Брайан за сообразительность.

– А чего это конь на крыльце делает? – раздается подчеркнуто насмешливый голос долголобого.

– За овсом пришел, по-другому не допросишься, – отвечает Брайан, не поворачивая головы, и быстрыми точными мазками завершает картину: – Внутрь не лезет, следить не хочет. Стоит себе в дверях, поматывает хвостом да ржет потихоньку. Ждет, когда же в хозяине совесть проснется.

Картина производит впечатление.

– Хватит умничать! – рявкает на долголобого правый гард. – Доставай ужо свою.

– Хорошо, – смиряется тот, – но предупреждаю заранее, у меня она совсем другого склада.

– Давай-давай, – подбадривает его левый, – предупреждун складенный…

Долголобый вылезает вперед и, хитро сощурившись, начинает:

– Не сеют, не сажают, а сами вырастают…

– В конюшне? – уточняет Брайан, не дослушав вопроса.

– Почему? – тормозит тот. – В любом месте.

– Это точно, – вздыхает правый гард, – где придется.

– А потом мамку впрягут в телегу, – подхватывает левый, – а он весь день за ней бегает, выискивает момент, чтоб молочка пососать.

Лиц стражников касается своим крылом печаль.

В наступившей тишине слышно, как Шмыга шмыгает носом.

– Да не может быть, – вскрикивает вдруг долголобый, – чтоб, куда ни кинь, всюду конь!

– Уверен? – переспрашивает Брайан. – Тогда я свою загадаю. Никто не против?

Возражающих не обнаруживается. Правый гард машет рукой: чего уж сейчас.

Выдержав паузу, Брайан повышает голос:

– Кто над нами вверх ногами?

Собравшиеся искоса взглядывают в небо, кое-кто как бы невзначай делает шаг в сторону.

Левый гард подводит черту:

– Точно, теперь ночь напролет кошмары будут мучить. А все из-за тебя, складун предупредучий. Пошел наверх!

Долголобый скрывается в проходе, затем появляется на гребне и пристраивается там с самого краешку.

Правый оглядывает ряды и натыкается на Шмыгу, которого тоже можно послать. Он так и поступает:

– Вали доложи Гугне, что загадки кончились. Пусть сам голову ломает, чем дальше заняться.

Шмыга послушно сваливает.

Молча ждем. Смотрим друг на друга. Охранники сообща на

одного Брайана, Брайан на всех разом.

Отдохнувший за время конского парада Шмыга оборачивается чуть ли не за десять минут.

– Гугня позже подойдет. Велел к заданиям переходить.

– Как это позже? – не сдерживается правый гард.

– Не знаю, – Шмыга отводит честные глаза, – с шаманом они там о чем-то спорят.

Левый находит вопрос по существу:

– А задания-то какие?

– Самим, сказал, придумать. Чего, говорит, кому надо, пускай то и задает.

Проворней всех реагирует пришедший в себя долголобый.

– Мне ботинки надо, – заявляет он с высоты. – И как раз на толстой подошве.

Брайан тщательно замеряет его взглядом, затем приступает к осаживанию:

– Это не задание, а мздоимство. Вернее, мародерство, учитывая, что снять с меня что-либо можно только с мертвого. Ты хорошо подумал? До такой ли степени тебе их надо?

Долголобый отворачивается. Похоже, не до такой.

Но опять находится раньше остальных.

– Тогда пусть ящерицу уберет.

Левый гард смотрит на правого. Тот фыркает и пожимает плечами. Левый разводит руками:

– Ну…

Долголобый приосанивается и объявляет:

– Задание первое: убрать мерзкую ящерицу.

– Что за ящерица? – переспрашивает Брайан.

Долголобый передергивается.

– Двухвостая. Как увижу, с души воротит.

– Действительно, два хвоста?

– Еще хуже, он у нее раздвоенный на конце. – Долголобый брезгливо надувается. – Тут вообще сплошные уроды.

– Особенно один, – подсказывает правый гард. – Которого пора, похоже, снова учить.

– Да я не о присутствующих, – спохватывается долголобый.

– А я как раз о тебе.

– Ладно, мужики, давай ближе к делу. Где она водится?

– Да вон, на том уступе, – долголобый кивает на левый склон. – Снизу ее никак, очень уж осторожная. Даже когда на камне греется, только хвост видно.

Карниз, проходящий на высоте метров четырех, выглядит неприступным. По всему отвесному подножию ни выбоины, ни щели. Ни краешек подошвы пристроить, ни даже пальцами

зацепиться.

С другой стороны, четыре метра не четырнадцать. Всего-то два роста. Если встать на цыпочки и вытянуть руки.

Брайан поворачивается к долголобому:

– Поди-ка сюда.

– Это еще зачем? – подозрительно вскидывается тот.

– Подсобишь немного.

– Почему я?

– Ты задание придумал или не ты?

Брайан переводит взгляд на левого.

– Он, он, – злорадно подтверждает гард.

Долголобый с недовольными бормотаниями спускается с баррикады, затем появляется из прохода.

– И чего делать?

– Да почти ничего, – успокаивает его Брайан. – Присядь на корточки у откоса, вон там. Да не спиной, так не сдюжишь.

Долголобый разворачивается.

Брайан приближается, примеряется и влезает ему на плечи, как в седло.

– Так. Теперь упираемся руками в стену и потихонечку встаем. Давай-давай! Или попросить, чтобы тебя копьем в зад ткнули?

Долголобый кряхтит, но все же поднимается.

– Нормально, – оценивает Брайан ситуацию. – Теперь моя очередь.

Немного поерзав, выбирается из седла и взгромождается долголобому ногами на плечи. Затем, перебирая ладонями по откосу, выпрямляется во весь рост.

Пальцы до предела вытянутой левой руки нащупывают срез. Но на одной руке не вымахнешь, а правая в своем краю до опоры почему-то не достает. Ладно, есть еще запас.

Брайан ставит левую ногу на вершину долгого лба и подтягивается на одной левой, посылая правую в разведку. Та, наконец, плотно, всей ладонью, обхватывает шершавый выступ на карнизе.

Пошел!

Брайан с силой отталкивается левой ногой, вытягиваясь в струнку, фиксирует вес тела на правой руке и забрасывает левую дальше и чуть шире. Та, в свою очередь, находит удобную выбоину уже на самом уступе.

Остается лишь подтянуться, скребя носками башмаков по откосу, забросить одну ногу и перевалиться на карниз.

Спокойно полежать не получается, потому что почти перед носом вызывающе шевелится темно-коричневый раздвоенный

хвост об трети метра длиной.

Хлоп! Метнувшаяся ладонь с размаху прижимает его к поверхности. Прочие части тела дергаются, отрываются и разлаписто несутся по неровностям скалистого уступа.

Без оглядки и, кажется, сломя голову. В дальнем конце карниза все это дело вместе с каменистым крошевом рушится вниз.

Чего ж так убиваться? Новый бы вырос, уже треххвостый. На радость долголобому.

Где он там, кстати?

Стоит у стены, послушно ждет, поскольку другой команды не было.

– Ну-ка, – окликает его Брайан, – глянь! Оно?

И бросает хвост в подставленные руки.

– Бе! – немедленно доносится снизу. – Бэ! Буэ!

Он что, все подножие решил заминировать? Как же теперь спускаться? Придется искать другое место. Следуем по пути, прочертанному бывшей хвостоносицей. Немного не доходя до обвального финала, обнаруживаем небольшое понижение уступа с удобной закраиной. Уцепляемся, повисаем на руках и, слегка оттолкнувшись ногами от склона, прыгаем с разворотом. Приземляемся и с полуприседа переходим в кульбит через левое плечо. Символически отряхиваем штаны и возвращаемся к баррикаде.

– Ну как? – интересуемся, приблизившись.

– Здорово! – отвечает правый гард.

– Теперь он три дня точно есть не станет, – добавляет левый.

– Будем считать первое задание выполненным, – подводит итог Брайан. – Излагайте второе.

Правый с левым переглядываются, согласно поджимают губы и морщат лбы.

– Давай ты, – решает правый. – Мне еще подумать треба.

Левый щурится и скребет в виске. Наконец, начинает:

– Да, в общем, оно у меня тоже дурацкое…

– Не боись, Умника все равно не переплюнешь.

– Ну вот, – говорит левый гард, – птицы.

– Чего птицы? – недопонимает правый.

– Чего-чего, гадют на подлете! – прорывает левого. – До твоей стороны, может, и не достают, а на меня то и дело попадает. Да и сожрут кого, кости вниз бросают, и тоже не промахиваются. Стой тут и косись постоянно, как бы не зацепили.

– Ну, не знаю, – пожимает плечами правый гард, – птицы, они и есть птицы, как же им не гадить?

– Хорошо тебе с того края смеяться, а у меня уже скоро шея

скривится!

Не расположенный к отвлеченным темам Брайан прерывает затягивающийся спор:

– О каких птицах-то речь?

Левый тут же оборачивается.

– Вон видишь на верхушке склона раздвоенный пик? Прямо под ним и гнездуются. Где-то в углублении, снизу не усмотришь. Возле гнезда они мусорить не хотят, вылезут на край уступа и швыряют подальше. Долетает в аккурат досюда.

– Экие зловредные у вас соседи, – сочувствует Брайан.

– Я и говорю, специально метят, никакого спасу от них.

– Но будь ты трижды орлом из орлов, – наставительно произносит Брайан, – а и на тебя укорот сыщется.

И поднимает с земли обломок камня.

Подкидывает на ладони. Тяжеловат, пожалуй.

Подбирает другой, потом еще один.

Прохаживается перед завалом, поглядывая на склон.

Найдя самую подходящую точку, останавливается. Примеряется, затем с резкого, веретенообразного, разворота на месте посылает камень вверх.

Прочертив параболу, тот ударяется прямо в острие правого пика с внутренней его стороны. Вкупе с выбитыми осколками сыпется в пиковую седловину и, увлекая за собой сопутствующее крошево, лавинообразно выкатывается на уступ. Оттуда раздается заполошный клекот, в воздух взлетают три птицы, одна другой крупнее, разметанная туча хвороста и каменистая шрапнель. За исключением взорливших пернатых, все поднятое рушится вниз, судя по траектории точно на баррикаду.

– В укрытие! – зычно командует правый гард, и охранники проворно запрыгивают в узкий проход.

Брайан, наоборот, отбегает подальше.

Град обломков накрывает сторожевой завал, замысловато киксуя и рикошетя при падении. Непечатные выкрики из прохода навеивают мысль, что при атаке с воздуха убежище из него никудышное.

Когда стихает осколочный дождь, за дело берутся пернатые. Двое самых крупных заваливаются в пике, выравниваются над баррикадой и на бреющем полете проносятся вдоль узкой щели, поливая укрывшихся жидким пометом.

Совершив два полновесных захода, остаются в вышине, наблюдая, как их действия старательно повторяет меньшой.

Правильно, хороший повод освоить родовую тактику.

После чего всем семейством исчезают за обрезом правого склона, возможно, чтобы нагулять новый боезапас.

– Все, мужики, – весело объявляет Брайан, – вылазь! Отбой тревоги.

Опасливо покашиваясь в небо, из прохода показываются стражники, прихрамывая, потираясь и отряхиваясь.

Больше всех, похоже, досталось левому привратнику. Отряхнуться у него никак не получается, надо, видимо, отмываться.

Опять же верно, заварил кашу – хлебай в три горла.

– Ну и методы у тебя, – бормочет он, подозрительно шевеля носом.

– Есть проблема, – Брайан выворачивает ладони вверх, – нет проблемы.

Следом появляется правый. Он пострадал заметно меньше, всего лишь шальным камнем раскровянило губу.

– Теперь я уже и не знаю, – говорит он, вовсю подмигивая, – чье задание умнее.

– Ты свое сначала придумай! – огрызается левый.

– А я тем и занимался, – продолжает веселиться правый, – пока нас с твоей подачи дерьмом закидывали.

– Вот и излагай.

– Вот и излагаю.

Выпятив грудь, правый ведет взглядом по полукругу и натыкается на стражников, переминающихся с одной босой ноги на другую перед завалом.

– А вы чего повысыпали? Ну-ка на место!

Те гуськом втягиваются в проход, затем вылезают на бруствер с обратной стороны.

Оценив расположение, правый возвращается к начатому.

– Так вот. Тут у нас пониже в долине камень есть. Может, видал, когда шел?

– Не помню.

– Ну, не просмотришь, заметный. А рядом с ним тропка. И примерно в полдень с одного склона на другой пробегает кабан. Каждый день. С диким визгом и хрюком, будто его уже режут. Даже здесь слышно. И все время в одну сторону, с моего края на тот. В обратную ни разу не было, назад где-то в другом месте перебирается. Зачем ему это нужно, я не знаю.

– Да выдрючивается просто, – фыркает левый. – Потому как скотина.

– У меня, – правый быстро выставляет поднятые ладони, – претензий к нему никаких. Пусть бы развлекался, коли настроение хорошее. Но ведь мясо… И какое! Совсем не то, которым нас кормят. Смекаешь, куда речь?

– Дротиком пробовали?

– Естественно, первым же делом. Все впустую. Он хоть в одно время выбегает, но каждый раз неожиданно. И с таким ревом, что рука сбивается.

Брайан скребет в затылке одним ногтем.

– Ладно, веревку надо, подлинее.

– Заарканить думаешь? Пытались, дохлый номер. Бежит он с опущенной мордой.

– Наугад? – уточняет Брайан.

– Ну да, не глядя. Изучил уже дорогу.

– Это хорошо. И пару бойцов мне. Из тех, что поплоше.

– Как скажешь, – соглашается правый и обращает лицо к баррикаде. – Э, бечеву сюда. Тебе, тебе говорю, нечего пучиться.

Лупоглазый страж на левом фланге вздрагивает, падает на колени и начинает шарить под ближним камнем. Затем вскакивает и поднимает в руке веревочную петлю со свернутым в кольца хвостом.

– Я сказал сюда, – напоминает старший привратник.

Пучеглазый отшатывается и во весь рост валится назад. Чудом там не убившись, выныривает из прохода и протягивает веревку.

Брайан забирает ее и вешает на плечо.

– Как тебе боец? – спрашивает правый гард.

– В самый раз. Но еще одного надо.

– Может, Умника возьмешь? – предлагает левый.

– Да он вроде занят.

– Э! – повышает голос правый. – Ты долго там еще будешь стену заблевывать?

– Бу-буэ! – изыскивает Умник скрытые резервы организма.

– Да-а, – тянет задумчиво левый, – это такое дело, что отвлекать себе дороже.

– Одного не понимаю, – добавляет правый, – как он ухитрился столько сожрать?

– Тихушничал, видно, – предполагает левый.

– Мужики, – прерывает философские размышления Брайан, – вы еще про «не в коня корм» вспомните.

– В смысле?

– В смысле, уж полдень близится.

– Верно, – спохватывается правый гард и гаркает: – Гусак!

Правофланговый стражник вытягивает длинную шею и согласно поименованию откликается:

– Га?

– Подь сюды, говорю!

Гакнув еще разок, тот спускается с баррикады и вышагивает из прохода, высоко задирая ноги и покачивая в такт верхней

частью тела.

Не тратя времени на объяснения, Брайан бросает уже через плечо:

– За мной!

И устремляется вниз по ущелью.

Откосы мало-помалу становятся положе и постепенно переходят в каменистые скаты, поросшие редким корявым хвойняком. Метров через семьдесят за местом нашей предыдущей ночевки на левом склоне, ближе к подножию, замечаем большой светлый камень в форме отвернувшейся конской головы.

И тут он, главный персонаж народных загадок.

Перед ним сверху вниз вьется натоптанная парными копытами тропка.

Брайан снимает веревку с плеча и, не разворачивая, заарканивает камень.

Отходит на нужное расстояние и вынутым ножом отхватывает последнюю треть. Сматывает обрезок, вешает себе на шею и жестом подзывает пучеглазого.

– Толчковая у тебя которая? Ладно, не напрягайся, лучше прыгни. Да не в высоту, в длину. Так, левая. Теперь присядь здесь за елочкой. Не на зад, на корточки. Правое колено на землю, левое наоборот подними. Ступню немного вперед. Ладони разверни и упри по бокам. В одну линию с большими пальцами. Это положение называется «с низкого старта», запомнишь? Впрочем, не обязательно. Просто замри.

Брайан опускается рядом и в районе щиколотки привязывает тройным узлом конец веревки к задней ноге изготовившегося спринтера.

– А сейчас самое главное, – подчеркивает он голосом, – установка. Ты взрослого кабана когда-нибудь видел?

– Видел.

– На клыки внимание обратил?

– Еще бы!

– Теперь представь, догоняет он тебя и со всего маху поддевает на них. Что будет? Правильно, спать тебе придется лишь на животе. А если зубами вцепится? Полсиденья напрочь вырвет. Потом и все остальное. Да, подожди, не трясись. Героя мы из тебя делать не собираемся. Как услышишь кабаний рев, вскакивай и что есть мочи беги к завалу. Товарищи с баррикады тебя прикроют. Только варежку не разевай и не оглядывайся. Замешкаешься, никто за твою жизнь и гроша ломаного не даст. Все понял? Ну, молодец, молодец. Я в тебя верю.

Брайан похлопывает подопечного по плечу. Потом поворачивается ко второму:

– А ты поднимись на склон и выломи там слегу метра на четыре. Да не на наш, на тот. Потом приткнись где-нибудь за стволом и нишкни, пока не позову. Насторожишь еще клиента. Ты ведь ему не товарищ? Га?

– Га! – подтверждает тот.

– Давай, лапчатый, давай.

Длинношеий ушагивает на другую сторону.

Брайан проходит вдоль лежащей на земле веревки, тщательно присыпая ее трухой.

Оглядывает окрестности и прячется за конским бюстом.

Над полем будущего действия устанавливается тишина.

Лупоглазый чутко замирает в предстартовой готовности.

Брайан, изогнувшись за камнем, вяжет на конце своего обрезка петельку.

С противоположного склона доносится одинокий треск сломленной ветви.

Пора бы уже.

Сверху слышится барское чавканье, потом какая-то удивленная утробная отрыжка, и некто, явно свинячьего рода, с нарастающим тяжелым топотом и разудалым похрюком устремляется вниз по склону.

Но еще громче над распадком звучит визг натасканного на рывок спринтера, который, как и учили, стартовал без замедления, но на втором же шаге рухнул, словно подрубленный, и теперь, яростно скребя землю скрюченными пальцами, изо всех сил ползет вперед на месте.

Кабан от неожиданности рыскает на курсе, не зная, куда принять, чуть вправо или слегка влево. Все прочие варианты исключает набранная инерция.

Пока он думает головой, опущенным пятаком цепляется за натянутую лупоглазым веревку и совершает знатнейший кульбит с переворотом и приземлением плашмя на всю спину. Пропахав не менее пяти метров, застревает в своей же борозде.

Настает черед Брайана.

Движения его легки, точны и пластичны.

Он выскальзывает из-за бюста неизвестного коня и набрасывает изготовленную петельку ухарю на хрюкальник, прихватывает оный семью быстрыми обмотами, стопорит узелком и уводит веревку к передним, а затем и задним ногам, фиксируя их попарно-намертво.

Оглядывает результат.

Болой, не болой, а посидеть на поверженном противнике можно.

Он так и поступает.

Писанное маслом полотно непременно вошло бы в бессмертную сокровищницу, потому как должно же и от человечества что-нибудь остаться.

Однако хватит красоваться.

Брайан поднимается и приближается к увлекшемуся спринтеру, который, похоже, настроился переходить в стайеры. Наклоняется и похлопывает по спине:

– Все-все, тормози, ты его уже сделал.

Затем высвистывает длинношеего с выломленной жердью. Пропустив последнюю меж спутанных ног бывшего лихого свина, ныне пребывающего в прострации, велит бойцам впрягаться и тащить добычу к завалу. Сам следует обочь.

Бойцы под тяжестью шатаются и продвигаются по извилистой. Кабан, которого активно мотает на слеге, приходит в себя и начинает визжать сквозь зубы.

Поздно, братец, раньше нужно было мудрости набираться.

Повадилось кувшинное рыло в калашный ряд – там ему и лежать.

За поворотом показывается баррикада. От нее тут же отделяется фигура старшего привратника.

– Стой! – орет он, размахивая руками. – Заворачивай обратно! Сейчас Гугня заявится, потребует, чтоб в особую кладовую несли. Нам и хрящика не достанется. Давай в соседний распадок к ручью. Освежевать, и на склон к нашему кострищу.

Заметно повеселевшие бойцы выписывают дугу и пускаются в обратный путь. Правый гард напоследок гладит упитанный бок.

– Черт, три года кабанятину только издалека нюхал. Вот удружил так удружил, – продолжает суетиться он. – А я-то каков с заданием! Не то что некоторые. Ящерицы им двухвостые, видите ли, не по нутру, птицы объедками кидаются. Нет бы о деле!

С баррикады доносится предупредительный свист.

Привратник оглядывается.

– Пойдем, прется ужо. Сейчас гугнить примется.

Направляемся к завалу.

– Хороший ты парень, – говорит вполголоса гард, – а стараешься зря. Все равно он что-нибудь придумает. Не одно, так другое. Не жалуют тут вашего брата. Еще ни разу через проход не пустили. Только я тебе ничего не говорил, ты сам догадался. Лады?

Гугня встречает нас перед завалом.

– Чего это вы? – вопрошает он в нос.

– Задание проверяли, – честно отвечает старший привратник.

– Ну и как?

– Опять справился. А оно последнее было.

– Значит, я вовремя, – надувается Гугня. – Ну и что тебе еще подкинуть?

Брайан пожимает плечами, дескать, все едино.

– А, вот, шаман поминал, бражник ему нужон, для вдохновения. Знаешь, кто такой бражник?

– Чешуекрылый, однако.

Гугня настораживается:

– Дошлый что ли?

– Дошлый, пришлый, ушлый, – усмехается Брайан. – Стихи какие-то.

И в самом деле, целая поэма в одной строке.

Переводим взгляд на старшего привратника, занявшего свое место. Тот вовсю подмигивает правым глазом. Может, и не только от тика.

Киваем и двигаем прочь.

– Но чтоб рисунок был четкий и крылья нетрепанные! – кричит в спину Гугня.

Не оборачиваясь, делаем ручкой.

Мелодично переливаются колокольчики навигатора.

ЛИЧНОСТЬ
ЗДОРОВЬЕ:
98 хитов
НАВЫКИ/УМЕНИЯ:
общение +

Благодарить, очевидно, следует кабана.

Светлая тебе память, щетинистое рыло.

Не доходя до конского камня, лезем на правый склон и устремляемся поперек распадков. В пятом по счету, сворачиваем опять вправо и направляемся в верховья.

Как и в прошлый раз, утыкаемся в стену.

С разгону одолеваем треть подъема, потом карабкаемся. Выбираемся на гребень перемычки.

Продолжающееся дальше ущелье можно пройти по левому берегу, теснинное озеро подступает там к склону не вплотную, оставляя узкую полосу щебнистого пляжа. Но туда нужно еще попасть. Скат старинной дамбы под нами почти отвесен и только в самом низу переходит в крутую покатость сыпучего берега, втыкающегося в воду под углом едва ли в сорок пять градусов.

Спускаемся на картузный козырек, придерживаясь левой рукой за плоский скол, слегка наклоняемся, чтобы видеть откос целиком, и мысленно прописываем маршрут. Так, крохотный уступчик там, выпирающий камешек сям. Но начинать

нисхождение, кажется, следует чуть левее. Надо выбираться обратно на гребень.

Подтягиваемся на левой руке.

Пластина выветрившегося слоистого камня надламывается в напряженной ладони. Пробалансировав долгую секунду, понимаем, что проекция нашего центра тяжести не успела вернуться в пределы площади опоры. Сантиметра два-три, но не дотянула. И это уже непоправимо. Принципиально, потому что физический закон. Сознание слегка плывет в каком-то нирванном отрешении, снимает с себя ответственность за происходящее и отстраняется на позицию стороннего наблюдения. Управление берет спинной мозг.

Вместо бесплодного махания руками тело резко разворачивается и бросается головой вниз, не дожидаясь, когда отваливающую дугу падения отнесет чрез меры от вертикальной плоскости склона. В конце оборота приземляется ногами на крохотный карнизик, амортизирует, сколько успевает, и переходит во второй кувырок. На следующем уступе ухитряется еще и вцепиться рукой в какой-то кустик, выдирает его, конечно же, с корнем, но, ныряя дальше, теряет не менее полуметра в секунду ускорения. Где-то в середине стремительно разматывающегося каскада напоминает о себе сознание очень уместным сожалеющим размышлением на тему того, как классно смотрелось бы все это снятое в рапиде. Действительно, отчего ж было загодя не расставить камеры?

Последнюю четверть склона, уже с выраженным положительным углом и густо крытую мелким крошевом, одолеваем колобковым манером, с разгону вкатываясь в свинцовые воды ущельного озера. Выскакиваем над поверхностью и тут же заныриваем обратно, спасаясь от каменного града. Выждав минуту, осторожно поднимаем голову. Все потревоженные детали пейзажа нашли себе новое устойчивое положение и перемещаться больше вроде бы не намерены.

Выползаем на крутой берег, продолжая исподлобья контролировать склон. Снизу он выглядит даже повнушительней, чем сверху. Метров тридцать пять, не менее. Прямой прыжок неизбежно закончился бы переломом обеих ног и, очень вероятно, позвоночника. Что называется, в лепешку, а то и всмятку. Да и в нашем случае, лишний вращательный моментик в любую сторону, и порвало бы на камнях в клочья. Не переключись сознание вовремя на созерцание, не миновать того или иного исхода.

Везунчик ты, Брайан.

Колокольчики взыгравшего навигатора предваряют

сообщение о том, что мы не угадали.

ЛИЧНОСТЬ
СПОСОБНОСТИ:
2. Ловкость 4
ЗДОРОВЬЕ:
100 хитов
Ситуационный модификатор: 3.
Персональный модификатор: 3.888(8).
Ситуационное соответствие: 1.296(296)

Но это, пожалуй, и лучше. Есть надежда, что сумеем повторить, когда понадобится.

Высокие ботинки шнурованы плотно, и внутрь влага не успела просочиться, а вот с остального ручьем течет. Снимаем по порядку куртку, майку, и, не разуваясь, штаны. Выжимаем и вешаем на плечи. Загорать на этом пляже не очень комфортно, того и гляди съедешь обратно в воду. Оскальзываясь на осыпи, добираемся до левого продольного берега. Но и здесь не задерживаемся. Выравниваемся и двигаем дальше.

За поворотом ущелья открывается вид на размыкающий выход во внутреннюю котловину. Озеро заканчивается как раз перед ним. В створе проема дымит костерок, вокруг которого расположены несколько фигур в расслабленных позах. В нашу сторону никто, кажется, лицом не повернут. Если сейчас не шумнуть, непременно решат, что подкрадываемся.

Чего бы насвистать в такт шагам? Собственного марша мы до сих пор, к стыду, не сложили. Использовать мелодию, кою узурпировал пульсирующий рогом, опасно, больно уж она завораживающа. Чего доброго вгонит в глубокий боевой транс, а массовая резня под корень пока не в наших планах. Остается мотивчик про драку, которую – фу! Если еще придать ему частушечную напевность, то получиться в самый раз.

Сидящие у костра поднимают головы.

Один, в бесформенной хламиде, вскакивает, вытягивает шею и со всех босых ног бросается к нам с нечленораздельным, но явно ликующим ревом.

Ба! Да это же наш славный ратный товарищ, неустрашимый змееборец, дурачина несусветная!

Широко раскидываем руки и с адекватным приветственным криком устремляемся прямо к нему, тоже не выбирая дороги.

Встреча происходит на каменистой отмели.

С размаху троекратно обнимаемся крест-накрест, звучно колотим друг друга по спинам, радостно гыгыкаем, потом,

припомнив совместный поход на затаившихся в Логу гадов, зловеще укаем, а напоследок, сцепив руки и поднимая тучи брызг, исполняем ансамблем хороводный вариант знаменитой плясовой, с добавлением брыкающихся коленец из летки-енки.

От костра на нас в полном безмолвии взирают дурачковы соплеменники в заметно возросшем количестве.

Наконец, стоящий впереди всех седой старик, коего изначально там точно не было, ударяет опущенным бубном по ноге и надтреснутым голосом выкрикивает:

– Ладно, пусть вместе и испытываются!

Словно в унисон откликается навигатор.

ЛИЧНОСТЬ
СПОСОБНОСТИ:
8. Удача 4
ЗДОРОВЬЕ:
102 хита
Ситуационный модификатор: 3.
Персональный модификатор: 4.
Ситуационное соответствие: 1.333(3).
Общее отношение: опасливое.
Карма: непрошенный

Все правильно, нам и должно везти, известное дело.

Старик оглядывает собравшихся, почтительно склоняющих головы, и добавляет:

– Ведите обоих в священный чум!

Затем поворачивается и, выпрямив спину, покидает сцену.

Ряды остающихся раздаются, образуя коридор, и не спешат его замкнуть.

Славный собрат слегка подталкивает нас плечом. Коли просят…

Вступаем в подготовленный проход, который смыкается за нашей спиной, и всей этой сложной многоногой фигурой движемся вперед.

Не очень долго. Минут через десять живая «U» подводит нас к полукруглой глухой загородке, составленной из заостренных кольев, у подножия отвесной каменной стены и заталкивает внутрь, где кособочится наспех сооруженный шалаш с двумя брошенными охапками лапника. Узкую щель, через кою нас загнали, тут же заделывают снаружи.

Дурачина опускается на одно ложе и произносит речь:

– Ням-ням мэ-а, хры-хры угу!

Засим отворачивается и засовывает под щеку сложенные

ладони.

Где-то поодаль раздается стук топора.

Обходим забор по внутреннему периметру, не обнаружив ни единой щели, сквозь которую можно было бы высмотреть что-либо осмысленное. Аккуратно уцепившись меж вершинных заострений, начинаем осторожно подтягиваться, и тут же получаем снаружи палкой по пальцам.

Вот уроды, бдят!

Топор за забором не унимается. Чего они там мастерить взялись? Не эшафот ли для камлания с закланием?

Но навигатор только что возвестил об удаче, а склонности к юмору у него вроде нет. Да и собрат наш спокоен, как удав, развалился себе и дрыхнет.

Похоже, сегодня больше нечего делать, пора отключаться.

Глава XII

Утро начинается с массированных индейских воплей снаружи, и через частокол перелетает скрученный жгут, шлепается посреди загородки, разворачивает свои полтора метра и встает на хвост. И тут же принимается спесиво надуваться верхней частью.

– У! – предупредительно вскрикивает боевой собрат.

– Вижу, – отвечает Брайан. – Расслабься, я сам. Ты своего еще в Логу забил, теперь моя очередь.

В Гадючьем логовище аспиды, правда, были попроще, местного происхождения, так сказать, доморощенные. Этот же явно нездешних королевских кровей. Специально, похоже, разводят.

С другой стороны, коли ты не удав, то, по-любому, всего лишь змеюка.

Снимаем куртку, обматываем левое предплечье и, выставив руку, приближаемся. Сообразив, что угрожающим свистом нас не проймешь, кобра совершает молниеносный атакующий бросок. И вцепляется ядовитым зубом в скомканную ткань бэушного комбеза. Им же в ней и застревает. Остается только слегка придавить ей горло, чтоб разомкнула челюсти, и с размаху вышвырнуть обратно через забор в направлении особо усердного улюлюканья.

Сменивший его рев свидетельствует, что и на слух мы не промахиваемся.

В следующие четверть часа из-за частокола доносятся прерывистый топот и очень оживленные восклицания, большей частью эмоционального характера. На фоне сугубо междометийных возгласов выделяется лишь дребезжащий окрик:

– Куда с копьем? Вот я сейчас тебя самого им огрею!

Потом в звуковое сопровождение вплетается неоднократно поминаемый мешок вкупе с известным эпитетом, и наконец, после мощного всплеска победных кличей, гомон удаляется от загородки.

Оглядываемся на собрата. Тот расплывается лицом и тянет лапу. Пожимаем ее в ответ. Кажется, с первым этапом мы справились.

На долгих полчаса устанавливается тишина.

Затем снаружи ко входу в загон приближается сдерживаемое

шушуканье, надсадно скрипит выдираемая из пазов запирающая жердина, и узенькие ворота распахиваются. Выстроившийся за ними живой коридор четко указывает желаемое направление нашего выдвижения. Следуем меж двух разномастных шеренг, составленных из вооруженной копьями племенной гвардии с вкраплениями ветхих старушенций с хворостинами в руках, коими они, беззубо ощерясь, хлещут куда придется.

Прогнав сквозь шпицрутены, нас ставят у плоского валуна напротив жердяных подмостков, вероятно, и сколоченных за ночь. По настилу, похлопывая себя бубном по бедру, ковыляет взад-вперед седой старик шаман, набираясь, видимо, таким образом вдохновения ввиду отсутствия не принесенного бражника.

На камень за нашими спинами вскарабкивается горбатая карлица и принимается деловито обмерять нас замусоленной веревочкой с узелками. Уж не для гробов ли? Впрочем, не похоже, интересуют ее исключительно верхние половины тел. Не станут же они отпиливать нам ноги перед захоронением.

Ну-ну, Брайан, не увлекайся, параноидальный синдром никого не красит.

Служитель культа начинает свою речь без обращения к собравшимся и, более того, даже не глядя на них.

– Великий Хранитель, – вскрикивает он дребезжащим дискантом в небо, – перед переходом в иной мир предупреждал, что избранный явится незвано-негаданно, но неминуемо, другими словами, прибытие его все равно неизбежно. Поэтому по традиции мы допускаем к испытаниям всех пришедших. Не нам решать, кто достоин. Наше дело обеспечить условия, для того и оставлены возле самого места.

Шаман принимается выстукивать о колено какой-то навязчивый ритм, похоже, подбирая на ходу. Сбивается, начинает заново. Затем вдруг замечает присутствующих и визгливо рявкает:

– Ну чего рты раззявили? Ведите их в Ящерную падь. Гугня, командуй!

Гугня суетливо обегает ряды, выстраивая вокруг нас новую фигуру, направленную острием к дальней северной стене котловины. Туда, где виднеется перекрытый опять же частоколом узкий проем.

На подходе собранная фигура размыкается сверху, образуя уже знакомую букву “U”. Гугнивый наш полководец отпирает калитку, и нас проталкивают внутрь. Но это еще не сам нутрь, а только лишь путь к нему. Далее, по щелевидной теснине, перекрытой в конце аналогичным дрекольем, продвигаемся уже усеченным составом.

Гугня широко распахивает скрипучие воротца, и нас с собратом загоняют теперь уже точно внутрь. Сопровождающие взбираются с наружной стороны на приступочку и высовываются лицами поверх частокола, явно изготовясь к зрелищу.

– Ну! – гугниво выражает предводитель общее нетерпение. – Так и будем стоять или уже пойдем?

– Заходи, да пойдем, – отвечает Брайан. – Чего за забором засел?

– Это без меня, – надувается главный церемониймейстер, – я в охотники не рвусь.

– На кого, кстати, охотиться нужно? А то убьем еще не того.

– Ты двигай давай, на месте разберешься.

– А убивать чем? Как там по ритуалу?

Гугня наклоняется, шарит внизу, затем выбрасывает к нашим ногам пару дротиков, попутно гугня про то, что коли такой ушлый, мог бы и голыми руками.

Брайан поднимает и осматривает выданное оружие.

– Предыдущие-то хозяева, поди, от старости померли?

– Нет, – злорадно тянет старший гундос, – во время испытаний. Одного на втором этапе загрызли, другого кондрашка хватила, когда по дерзости своей неуемной на третий замахнулся.

– Ладно, – отвечает Брайан. – Значит, нам потренироваться надо. Чтоб с первого же удара.

После чего прицеливается в насторожившуюся рожу собеседника и мечет дротик, в последний момент оставляя его, правда, в руке.

Гугня отшатывается и обрывается вниз, исчезая из поля зрения.

Брайан кивает собрату на второй дротик:

– Ну-ка, на счет три по остальным! Готов? Три!!!

Зрители рушатся с забора еще до замаха.

– У! – кричит повеселевшая дурачина и бросается к частоколу.

Утихомирить собрата, сильно настроившегося на преследование, удается не сразу, только после того, как тот, войдя в раж, выламывает ворота. На секунду остановившись, он получает от Брайана раскрытой ладонью по медному лбу и под крик «Тпру!» приходит, наконец, в себя.

Силен, бродяга. От греха подальше нужно загодя заложить установку.

– Кто у нас главный? – строго вопрошает Брайан.

– Ты! – рявкает собрат, не задумываясь.

– Тогда без моей команды ни шагу. При передвижении держаться сзади, страховать спину. Ясно?

– Ага!

– Ладно, пошли глянем, чего они там приготовили.

Тот самый нутрь, в который нас загнали, представляет собой вытянутую котловину в форме продолговатой супницы. Боковые стены у подножия начинаются полого и только потом, в верхней половине, взмывают отвесно.

В камнях что-то шебаршится, затем со склона, загребая в размашку лапами, вниз устремляется огроменный ящерюга. И не просто вниз, а откровенно в нашу сторону.

У! – орет за спиной собрат.

Брайан, не оборачиваясь, вскидывает левую ладонь в успокаивающем жесте, затем, слегка пригнувшись, ждет, не мешая мозгу просчитывать траекторию броска на поражение.

Пора!

Дротик вылетает из руки и вонзается прямо в основание лба, пробивая черепную кость. Пробежав еще с десяток метров, ящерюга утыкается мордой в землю, тормозит и оседает. Похоже, и автопилот отключился. На пару секунд позже, и точно успел бы добраться.

Осторожно приближаемся. Пресмыкающийся ведет себя соответственно научному поименованию. Только слегка поматывает башкой вслед за раскачивающимся древком дротика. Учитывая мощный хвост, в совокупную длину имеет метра полтора. И крашен не очень обычно, чуть ли не в розовое, с бурыми поперечинами. Черт, а ведь и в самом деле варан! В голове даже всплывает видовое название: зем-зем. Ну спасибо, что хотя бы не комодский. Однако и такого не вдруг-то сыщешь. А в эти края вообще специально нужно притаскивать.

– У! – снова раздается предупредительный крик.

Быстро разворачиваемся.

С противоположного склона разлаписто несется вниз еще одно ящерище. И опять прямо к нам, правда, на этот раз собрат не за спиной, а аккурат в створе и, кажется, не очень понимает, что делать.

– Дротиком! – зычно командует Брайан.

Дурачина замахивается со всего плеча и швыряет метательное орудие, держа его за конец, как скалку. Прокрутив в воздухе колесо, дротик прокатывается по вараньей спине и въезжает в кусты.

Ящерюга наддает и в прыжке вцепляется собрату в лодыжку. Тот валится на спину и сучит второй ногой, пытаясь сбить с себя источник боли. Варан вовсю мотает башкой, и только что не рычит.

Однако бродячий пес не успевает загрызть поверженного

Илью Муромца. Потому как набежавший с открытого боку Брайан со всего разгону заезжает ему башмаком под брюхо. Зверюга слегка подпрыгивает, хекает нутром, косит глазом, но ногу богатыря не отпускает, видать, смена тактики не его конек.

Зато наш.

Брайан ловко вспрыгивает охамевшему ворогу на спину, упирается шуйцей в нижнюю челюсть, десницей нащупывает не самое зубастое место на верхней и что есть силы тянет на себя, ну чисто Самсон, взявшийся посредине разгула сыграть на гармошке. Волей-неволей, варанозавр разевает пасть, выпуская нижнюю конечность молодца. Освобожденный Муромец вскакивает и устремляется в кусты. Брайан продолжает рвать кожистые меха в одиночестве. Однако собрат, оказывается, отправился не наутек, а лишь за оружием. На возврате он кидается с дротиком наперевес на обидчика и с грозным «У!» тычет ему в морду острием.

Черт, как бы пальцы не поранил.

Брайан напрягается в последнем рывке. Под руками раздается треск, и варан теряет интерес к битве.

Брайан предусмотрительно откатывается в сторону.

Наступает дурачков праздник. Под аккомпанемент разудалого «У!» он превращает наглую морду в дуршлаг. Затем вбивает дротик промеж глаз и, навалясь на древко могучим телом, мерно ходит по кругу, ввинчивая ящера-разбойника в землю, очевидно, уже в назидание, чтоб и на том свете помнил поганый, как бросаться на богатырский дозор.

Пока длится поучение неразумного завра, быстренько обшариваем глубокую падь и обнаруживаем на склонах множество мелких пещер, входы в которые по большей части завалены камнями. Сквозь оставленные сверху щели изнутри доносится злобное шипение.

Похоже, тут племенная ферма. Еще бы заставить питомцев молоко давать. Хотя они, наверное, и так яйца несут. Впрочем, ну их, звероводство у нас ассоциируется лишь с сопутствующим запахом.

А вот в дальнем конце распадка вырисовывается нечто непонятное, крупное и бесформенное, прячущееся под каким-то покровом.

Двинуться в ту сторону не успеваем, потому что боковым зрением углядываем некое перемещение в районе основного действия.

От входа к нашему боевому собрату, продолжающему показательную экзекуцию, крадутся два хмыря, правда, без оружия. Но проконтролировать встречу все равно надо, собрат

чересчур увлечен, чтобы оглядываться.

Летучим шагом преодолеваем разделяющее расстояние и вопрошаем крадущихся суровым взглядом. Те послушно тормозят и кивают на тела поверженных нами ворогов, изображая жестами, как будут гнуться под их тяжестью. Милостивым кивком разрешаем прибрать на сцене.

Один хмырь лезет на склон, забрасывает первого ящера на спину и, в самом деле согнувшись, семенит восвояси, причем настолько проворно, что мы едва успеваем выдернуть свое метательное орудие из уносимого тела.

Другой хмырь опасливо обходит упоенного сечей молодца, выискивая, откуда б подобраться, потом вцепляется в хвост и тянет к себе. Озадаченная дурачина вскидывает на нас взгляд: как быть?

Все в порядке, успокаиваем его жестом.

– Только дротик вытащи, – добавляем уже словами.

Собрат встает босой лапой на изрядно издырявленную морду, упирается и, мощно крякнув, выдирает оружие.

Закинув хвост на плечо, хмырюга расторопно волочит второго ящера, который безучастно подпрыгивает побитой башкой на частых камнях. Дурачина напутственно пинает его в бок, но уже без злобы. Так, для порядку.

Победно укнув, ударяет себя кулачиной в грудину, затем поворачивается, широко лыбится и тянет нам свою верхнюю псевдоподию. Пожимаем, другой рукой похлопывая по плечу. Заслужил-заслужил. Надо б былину сложить. Но это на досуге.

Киваем за собой и направляемся вверх по Ящерной пади. То, что привлекло наше внимание, вблизи выглядит ровно тем же, что и издали. Странное сооружение, крытое разношерстными шкурами, кое-как сшитыми между собой. В три человеческих роста и достаточной ширины, чтобы полностью перегородить выводящее из распадка ущелье.

Подходим поближе.

Прямо у подножия располагается здоровенная деревянная лохань. Вроде бы совершенно пустая, но запах, исходящий из нее, шибает в нос и кружит голову.

Нельзя ли это дело как-нибудь обойти, впритирочку по стеночке?

– Ууу, – слышится сзади.

Собрат, остановившийся на почтительном расстоянии, выпучив круглые глаза, мотает головой. В смысле, сильно не советует.

– Да брось ты, – принимается увещевать Брайан, – надо же посмотреть, что дальше.

От нижнего входа слышится свист.

Кто-то там у загородки прыгает на месте и машет руками.

Дурачина объясняет жестами, что миссия окончена, старший боевой товарищ забил одного супостата, сам он другого, пора возвращаться и принимать положенные почести. Пока соплеменники не пришли и не потащили силой.

С ритуалом у них, похоже, все продумано.

Ладно, не станем выходить за рамки. Еще квалифицируют как святотатство, и если в верховьях ущелья нет иного выхода, придется пробиваться наружу сквозь офанатевшее стойбище. А учитывая количественное соотношение, вовсе не факт, что успешно.

Да и всерьез настроиться на затяжной бой будет трудновато. В смятенную душу постепенно закрадывается подозрение, что кто-то где-то чего-то напутал. Уж больно отчетливо происходящее отдает даже не фарсом, а клиническим маразмом. И не пора ли нам, вообще говоря, отсюда сваливать, что называется, от греха побыстрее, потому как маразм дюже заразен.

Направляемся вниз, к пляшущей у частокола фигурке.

При приближении усматриваем в ней известного Шмыгу.

– Зовут, – говорит он, отводя неназойливый взгляд.

– Зачем? – строго интересуется Брайан.

Шмыга разворачивается и со всех ног устремляется за разъяснениями.

Поднимаем было руку, потом обреченно роняем ее. Могила исправит.

Неторопливо двигаем следом.

Встречающий нас на полдороге Шмыга докладывает:

– На церемонию посвящения!

Делаем отмашку: уйди с глаз!

Шмыга послушно исчезает.

Возле жердяного настила царит оживление. Знакомые хмыри не только освежевали наших ящеров, но и спустили с них шкуры. В данный же момент, насадив на вертелы, водружают голые тела на рогулины, воткнутые по краям запаленного рядом костра.

Собственно церемония состоит в том, что Гугня сначала отбирает у нас дротики, а потом вручает их обратно. Надо понимать, теперь уже насовсем. Судя по тому, что собрат принимает свой коленопреклоненно, это великая честь.

Из сопутствующей гугнивой речи следует, что отныне мы с собратом обладаем правом на повсеместное ношение личного оружия и на кусок с общего стола всякий раз, когда принесем к нему что-либо съедобное, сегодня, к слову, на двухпядевый кончик хвоста собственноручного отмера.

Прислушиваясь краем уха, Брайан вертит выданное оружие, проверяя украдкой, не нацарапала ли какая скотина чего-нибудь на древке? Не прямо сейчас, так загодя. Но беспокойство оказывается напрасным, грамота тут не в особом ходу.

Однако куда же его засунуть? Можно, конечно, носить, словно жезл, або скипетр, как и поступает дурачина, прохаживаясь с расправленной грудью перед настилом, но мы больше привыкли иметь руки свободными. Оруженосца теперь что ли заводить?

Размышления прерывает приковылявшая карловатая горбунья с двумя блестящими свертками подмышкой. Один она передает собрату, другой нам.

Собрат со знанием дела разворачивает и встряхивает свой, являя взору щегольскую жилетку почти крокодиловой кожи.

Неужели из наших варанов? Наверное, все-таки из предыдущих запасов, с такой скоростью невозможно работать.

Дурачина скидывает свой балахон, оставаясь в мешковинной же набедренной повязке, напяливает жилетку на голый торс, затем на ощупь запихивает дротик тупым концом за спину в имеющийся там специальный паз и тут же принимается почесываться затылком о торчащее острие.

Повнимательней рассматриваем свою. Похоже, модная деталь одежды исполняет преимущественно разгрузочную функцию, представляя собой два сшитых слоя кожи, перегороженных сквозными швами на отдельные отсеки. Сплошные клапаны, петельки, пистончики и карманы на любой вкус.

Так, наши регалийные вороненые иглы и серебряные заколки замечательным образом пристроятся в нагрудных газырях, а вот метательному ножу перекочевать из левого голенища за спину, похоже, не удастся, там только три длинных паза размером под древко дротика.

Подзываем до сих пор гордую дурачину:

– Мама Карла где тут у вас рукодельничает?

Дурачина очень удачно изображает попытку понять смысл вопроса.

Переходим на язык жестов, с трудом протыкая неподатливую кожу тупой иглой и с силой протягивая суровую нить.

Дурачина облегченно кивает и ведет нас к скопищу шалашей посреди котловины. Возле одного, с опущенным пологом из невыделанной шкуры, останавливается и слегка сторонится.

Заглядываем.

Ух-ты, да у нее и швейная машинка имеется. С ножным приводом. Исправная. Местная мастерица, видать, та еще аккуратистка. За такое время любого Зингера можно доломать.

Рукодельница слегка выпрямляет согбенную спину и поворачивает морщинистое лицо с горбатым же носом.

– Знаешь, мать, – начинает Брайан, – я по поводу жилетки.

– И что с ней?

– Переделать бы чуток.

Карла ухитряется немного откинуться.

– Хочешь сказать, криво получилось?

– Да нет, я в восторге. Просто там на спине ножны для дротиков, а я ими вообще не пользуюсь.

– Охотникам полагаются дротики. До копья тебе еще расти и расти.

– Да у меня их столько и нет.

– Ничего, через год еще один выдадут. Если к тому времени первый не потеряешь, будет уже два. А там и до полного комплекта недолго терпеть.

– Я так далеко загадывать не привык, – убедительно врет Брайан.

– Загадали уже за тебя.

– Нет, давай ты все-таки переделаешь крайние под ножи, а в середке, черт с ним, пусть останется для дротика.

– То есть, я отложи всю плановую работу, которой выше крыши, и займись твоими прихотями?

– Минутку, – отвечает Брайан и выбирается из шалаша.

Затем направляется к костру. Дурачина с дротиком наизготовку следует чуть сзади. Бывшие хмыри, произведенные в вертеловые, поворачивают полные достоинства лица.

– Слышь, кашевой, – обращается Брайан к тому, который ближе, – Сухорукий-то где?

– Плошки пересчитывает.

– Ладно, не будем отвлекать. Отхвати-ка мне положенный кус. Приблизительно. Что называется, на глазок, но, само собой, не меньше. Понимаешь мою мысль?

Не заметив готовности, Брайан обращается через плечо к боевому собрату:

– Попробуй, может, тебе удастся выразиться доступнее.

Ориентируясь больше на интонацию, собрат выступает вперед и длинным рыком прочищает горло.

Дальний вертеловой вытягивает руки по швам, ближний бросается к костру и вынутым из-за пазухи ножиком открамсывает от вараньего хвоста три пяди с хорошим гаком. Потом обертывает листом лопуха и подает.

– Добрый кусок, – оценивает справедливый по натуре Брайан и двигает обратно.

Войдя в рукодельный шалаш, с порога протягивает горбатой

мастерице порцию жареной варанины.

– Хи-хи-хи, – хитро щурится та, раздувая ноздри, – знаешь ты подход к людям. Показывай уж свой арсенал.

Помянув светлым словом удалого кабана, учившего нас общению с народом, вытягиваем из одного голенища метательный клинок, из другого ятаган.

Мама Карла снимает с них мерку своей веревочкой, потом поднимает глаза:

– Расшить толком не удастся, я лучше поверху двухслойные накладки сделаю, прочнее получится. Значит, в центре у нас паз, как есть, а по обоим краям ножны такой ширины?

– Да.

– С остальным как?

Вытаскиваем из воротника судьбоносные регалии.

– Эти штуки вроде в газыри нормально сядут.

– Какие с какой стороны?

Показываем, иглы слева, заколки справа.

Рукодельница вставляет их все до одной.

– Заузить слегка нужно, чтоб случайно не вывалились. Больше ничего?

– Пока ничего. Но этих штук предполагается больше.

– Сколько?

– По три. Хотя, на всякий случай, лучше по девять.

Мама Карла крякает, потом машет рукой:

– Ладно уж. Загляни через полчасика.

Возвращаемся к костровой площадке, высматривая по пути жреца местного культа. Тот в компании гугнивого помощника сидит за небольшим столиком перед сооруженным на отшибе чумом.

Чум крыт берестой, столик явно персонален, а культовой сосредоточен – катает по столешнице, изрисованной рунными загогулинами, свой бубен. Из левой руки в правую, потом, соответственно, наоборот.

Гугня просто ждет – ничего другого ему по рангу не положено.

Брайан подходит и усаживается прямо напротив шамана, так что Гугня, ненароком пихнутый локтем в бок, вынужден отодвинуться на самый край скамейки.

– Тебя звали? – интересуется шаман, не понимая глаз.

– Нет, – отвечает Брайан, – сам пришел. Как и предсказывалось.

Шаман зыркает, но тут же снова переводит взгляд на катающийся бубен.

– В охотники произведен, дротик получил. Ступай себе.

– Я на третий этап явился.

– На третий?

– Именно, не ящериц же мне погонять хотелось.

Жрец с сожалением оставляет свое занятие.

– Ритуал знаешь?

– Расскажешь, ты ведь главный специалист.

– В двух словах, последнее испытание проводится в верхней части ущелья. Но вход туда преграждает Дух Зверя.

Ну, дух там, помнится, точно стоял. Всем духам дух, сногсшибательный.

– Чтобы умилостивить, – продолжает шаман наставительным тоном, – его нужно кормить. Регулярно. Один раз, но каждый день. Начинать можешь прямо сейчас. Гугня, покажи претенденту, где у нас жертвоприношения.

– А долго кормить-то? – переспрашивает Брайан с зарождающимся подозрением.

– Заранее неизвестно. Год-другой. Сам увидишь. Как подобреет, так пропустит.

Шаман снова берется за свой бубен. Аудиенция окончена.

Гугня встает и выбирается из-за стола, роняя через плечо:

– Ужо пойдем.

Затем ведет в сторону жердяного настила, к тому его, кажется, боку, у которого свежевали добытых нами ящеров.

Ну, так и есть.

Не приближаясь, Гугня кивает на корыто с вараньей требухой:

– Хватай и волоки, а то он уже заждался. Чего доброго сам за приношением явится.

Действительно, то-то еще зрелище получится.

Чешем в затылке, не решаясь подойти вплотную. Знакомый дух шибает в нос и за десять шагов.

Слушай, Брайан, а ты уверен, что нам это надо?

Для нашей великой миссии?

В инбридинговом-то паноптикуме?

Что вообще может скрываться в балагане, кроме пшика, портящего воздух?

Все разумные слова впустую.

Брайан у нас целеустремленный, ни маразмом, ни утробным звериным духом с пути не собьешь. Сказано же, появление его неизбежно, следовательно, и продвижение вперед неотвратимо.

Но в одиночку тащить корыто возможно только супротив груди, а так недолго и сознание потерять, даже устремленному.

Оглядываемся, где там боевой собрат?

Да как и положено, рядом.

Ухватываем лохань с одной стороны и поднимаем взгляд.

Догадается сам?

А то! Подскакивает и вцепляется с другой.

Но торящим, которому придется двигаться задом, его лучше, пожалуй, не пускать. Приставным шагом описываем своим краем полукруг, ложась на курс.

Ну, поперли. Не расплескать бы, а то сами же и поскользнемся.

Так и вышагиваем по стойбищу с помойным корытом в руках, дурачина с надутым важным лицом, мы – придерживая дротик подмышкой и вывернув шею, чтоб куда не въехать.

На полпути к проходу в ящерное ущелье вспоминаем про жилетку и заворачиваем к рукодельному шалашу. Тормозим процессию перед пологом, ставим корыто на землю и заглядываем.

Мама Карла подозрительно морщит нос.

– Что там у тебя?

– Да вот, Духа Зверя собрался покормить, а то еще ноги с голодухи протянет.

– В полную сбрую решил, значит, влезть?

– Ну, чего я решил, только потом выяснится. С жилеткой-то как?

– Готово, можешь примерить.

Снимаем куртку и влезаем в двойную варанью шкуру. Как влитая. Перекладываем метательный нож из левого голенища за правую лопатку, рассовываем иглы и заколки по новым местам. Хоть меряно и веревочкой, но с точностью до полумиллиметра. Все сидит плотно и при движении не мешает. Даже пристроенный за спину дротик острием по насторожившемуся затылку не елозит, если, конечно, не вскидывать надменно голову. Надеваем куртку обратно и застегиваем ее до половины.

Выходим и впрягаемся в требуховое корыто.

Ложимся на курс.

Полный вперед!

Закладываем виражи меж шалашей, поминая вслух галсы, гюйсы и фалы, чтоб не лез кто ни попадя под форштевень.

Спугиваем стайку визгливых девок в шароварах и монистах.

Выгребаем в открытые воды. Пора паруса поднимать, да мачтой впопыхах забыли обзавестись. Можно, правда, воткнуть в днище дротик и набросить куртку, но тормозить неохота, да и с ветром все равно полный штиль.

Возле распахнутых воротец прохода маячит Гугня. Дождавшись, когда груженая каравелла минует створ, произносит напутственную речь:

– Не забудьте пустую лохань забрать.

И остается в фарватере. Следить, очевидно, чтобы мы сами жертвоприношения по дороге не сожрали. Черт, а мы уж было настроились, ненароком споткнувшись, вывалить за борт хотя бы половину. Придется идти с полным трюмом до пункта назначения.

Забираем мористее.

За кормой, на фоне дрекольных береговых укреплений, виднеется мельчающий силуэт соглядатая от ритуала, на обоих траверсах все спокойно, прямо по курсу встает, постепенно вырастая в размерах, фигура давно не кормленого Духа Зверя. Надо б наддать, а то учует и в нетерпении навстречу ринется. Затопчет ведь, туша неповоротливая.

С разгону причаливаем, сдвигаем ногой пустое корыто и опускаем на его место полное.

Дух Зверя воротит от приношения рыло.

Что, воняет не так сильно, как положено?

Вот же скотина кочевряжливая!

Брайан обходит бесформенную фигуру колосса и в сердцах пинает его в бок.

Содрогнувшись всем телом, Зверь с треском оседает на землю, являя на свет из-под шкурных лохмотьев жердяные кости развалившегося скелета.

Похоже, испустил дух.

– Ууу! – протяжно взвывает за спиной дурачина.

Действительно, как же теперь без идолища? Конец света, не меньше.

В головной части что-то тускло поблескивает.

Наклоняемся.

Из обломка жерди торчит каленая игла с оборкой пластикового оперения.

Вытаскиваем и поднимаем. Легкая вибрация вокруг правого запястья, заставляет бросить взгляд на экран кумулятивно-кинетического браслета.

На нем высвечен контур пройденной нами Ящерной пади с мелкой россыпью раздраженно-оранжевых точек на склонах и двумя зелеными тругольничками в самом конце, один из которых дополнен белым штришком.

Перекладываем миниатюрный дротик в левую руку, вытягиваем и описываем широкий полукруг. Яркий штрих на экране повторяет движение.

Похоже, проблем с его поиском у нас не будет.

Вставляем вороненую иглу в пустой газырь на левой стороне груди, рядом с двумя предыдущими.

Заливаются колокольчики навигатора, оповещающего о

внесении изменений в наши файлы.

ЛИЧНОСТЬ
ЗДОРОВЬЕ:
105 хитов
СУДЬБА
ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ:
устремленность + + +

Да, Брайан, упертость твоя достигла трех крестов. Пробивнее только окованное на торце таранное бревно. Но тому, правда, в комплект необходим специальный приводящий механизм вместе со штатом обслуги.

Ладно, погордились, и будет. Пора двигать дальше.

Оглядываемся на собрата, с нами?

Тот в сомнении качает головой.

Показываем на пальцах: он да мы, с молодецкого плеча, остальное побоку, один на всех, битый за небитого и самого черта в плен не брать.

Кажется, пантомима производит впечатление. Дурачина страгивается с места и, опасливо переступая останки Зверя, следует за нами по узкому проходу, выводящему на окаймленное плато, похожее на чашу, наклоненную краем на запад.

Ощущение места тут совершенно другое.

Пусто, заброшенно, открыто.

Воздух заметно свежее, хотя ветра, вроде, нет.

Посреди плоской котловины лежит одинокий камень.

Не то чтобы совсем гладкий, но окатанный и сплюснутый ледниковым периодом в достаточной степени для того, чтобы удобно было присесть.

Приближаемся, продолжая держать взглядом окружающее пространство.

Да, именно здесь он и устроил сторожевой пост, сначала поднимаясь к нему лишь периодически, а в последнюю неделю, когда напряжение достигло предельного уровня, уже и не отлучаясь.

Сидел, положив нож на колени и не сводя глаз вон с той выемки. Терпеливо ждал, когда Зверь, Дух коего затем, как сумели, соорудили выродившиеся потомки, покажется со стороны западной гряды.

Тот шел почти на бреющем, набирая высоту очень тяжело, проваливаясь в ямы, рыская заодно и по курсу. Что-то с ним было не в порядке. В отличие от другого, до поры таившего свое присутствие, умело скрываясь в поле первого, а теперь сразу же

мощно рванувшего на север.

Место для заставы было выбрано со знанием дела. Перевалив низкий западный гребень, крутой восточный Зверь заведомо не одолевал.

Чтобы не врезаться во встающие скалы, пришлось резко сбрасывать скорость, в последний момент вписываясь в створ узкого ущелья, в верховьях которого, наконец, удалось, плюхнувшись на землю, кое-как затормозить и оборотиться к преследующему по пятам противнику…

Сюда же он вернулся и после битвы.

Опустившись на вековой камень, просидел в опустошении три дня, и это оставило в окружении более ощутимый отпечаток, чем предыдущее долгое ожидание.

Мир изменился, утратив изначальный смысл.

Кто с кем борется?

Серебряный кинжал на него никак не действует, недреманное око не наливается предупреждающим светом, значит, это не есть абсолютное Зло.

Но если оно не абсолютно, то почему даже сильнее?

Волны, исходящие от того, который движется по окоему вправо, не затухают, а наоборот, накатывают все мощнее.

Похоже, мы перестали чувствовать длинные линии. Видимо, возникла еще более протяженная, чем способны воспринять наблюдающие старцы. И в самом ли деле, в таком случае, мы от абсолютного Добра?

В чем теперь черпать уверенность?

Эпицентр деформации стремительно удаляется на север. По пути его, понятно, уже не перехватишь. Предстоит долгая дорога к месту новой стоянки.

Но с каким арсеналом? Специально предназначенный нож всего один, передается из поколения в поколение, другого такого попросту нет.

Выходит, тоже обрыв традиции.

Пред мысленным взором постепенно всплывает некое лоскутное устройство, с едва зарубцевавшимися швами, торчащими охвостьями узлов и разномастными заплатами, прикрывающими прорехи, уже не поддающиеся никакой штопке.

Как ни крути, на этом посту теперь нужен другой, которого наспех перелицованное мироздание не ввергает в бессильную тоску, не кажется безвозвратным развалом.

Пора готовить преемника.

Иначе не освободиться.

Поскольку обязанности нельзя бросить, можно лишь переложить.

Пока еще не поздно…

Но последователь должен прийти сам.

Только когда созрел ученик, наступает время учителя.

Остается ждать.

Сколько хватит жизненных сил, в этом мире, а потом и в ином.

По-другому все равно не отпустят.

Те, на ком долг, люди подневольные.

Но сколь ни печально, роль учителя в этом деле невелика, разве что произнести напутственное слово, да в узловых местах расставить указующие знаки.

Дойти все равно можно только самому.

Уж таково добровольно принимаемое на себя служение, не заканчивающееся даже с жизнью, предполагающее неослабную бдительность, постоянную готовность и полное одиночество. И – необратимость стези, начиная уже с испытательного этапа…

Взялся за гуж, полезай в кузов.

Это мы добавляем от себя, возвращаясь из трехсотлетней глубины.

Впрочем, по местным мерками прошло не более века.

Когда мы садились на камень, солнце касалось западной гряды, сейчас же еще не выбралось из-за крутой восточной.

Сколько мы отсутствовали?

Опыт подсказывает, что не одну ночь.

Сверяемся по экрану навигатора.

Ровно десять дней.

Все правильно, семь плюс три.

Дурачина уже умаялся сторожить нашу спину.

Но судя по кучкам снеди на камне, похожей на вареную брюкву, занимался он этим не безотрывно, несколько раз наведываясь в стойбище за положенным обедом.

Ладно, ну а куда засунуто предназначенное нам напутственное слово?

Да где ж ему быть, кроме как под валуном?

Наклоняемся и шарим у подножия.

Так и есть, из выемки, присыпанной мелкой галькой, извлекаем на свет стеклянную баночку, горлышко которой плотно заткнуто выструганной деревянной пробкой и залито поверху расплавленным воском.

Внутри болтается нечто продолговатое, обернутое то ли папирусом, то ли берестой.

Учитывая местные реалии, вероятнее последнее.

Выковыриваем затычку и вытряхиваем содержимое.

Разворачиваемая полоса березовой коры являет взгляду

текст, озаглавленный, как и было объявлено:

НАПУТСТВИЕ

Камень, брошенный в озеро, вызывает разбегающиеся по воде круги. Отраженные береговой кромкой, волны сталкиваются вперехлест и постепенно гасят друг друга, но характерные линии остаются на прибрежном песке. Даже после того, как разгладится рябь на поверхности.

Всякое явление в мир несет в себе источник постоянного на него воздействия.

Бросивший камень ушел, но он был, а значит, его былое присутствие обнаружимо.

Наступает черед помыслов.

Не каждое намерение оказывается запечатленным в пейзаже, но все они, как одно, проницаемы. Даже не нашедшие пока случая выразиться, даже потаенные, даже тщательно маскируемые под иным обличием.

Важна лишь способность по следам в окружении выявить другого и поставить себя на его место.

Дальнейшее зависит от глубины проникновения и степени перевоплощения.

P.S. На распутье обычно возлежит валун. Равно как и наоборот. Там, где есть придорожный валун, обязательно имеется развилка или, по крайней мере, ответвление. Пусть взгляду и не видимые.

Напутственное слово Хранителя совсем не похоже на завещание флибустьерского казначея. *Отмерь пятнадцать шагов на восток…*

Ветхий манускрипт ползет под пальцами и осыпается трухой.

То ли нарушение технологии приготовления, то ли так и задумано.

Но осталось то, что было в него завернуто.

Знакомая заколка белого металла, стилизованная под стилет с черненой рукоятью. Но в отличие от двух предыдущих, в перекрестье вставлен какой-то крупный желтый камень.

Очевидно, недреманное око, начинающее светиться вблизи абсолютного Зла.

Втыкаем заколку в пустой газырь на правой стороне груди, камнем наружу. Пусть бдит. А то еще вылезет из кустов лукавый, хвост и рога быстренько прикроет, прикинется добрым попутчиком. Не распознаем, а он и рад стараться, заведет-

заблудит. В их ведомстве-то, поди, уже известно, что мы идем на смену.

Навигатор мелодично сообщает об очередном повышении.

ЛИЧНОСТЬ
ЗДОРОВЬЕ:
108 хитов
СУДЬБА
ГЕРМЕНЕВТИЧНОСТЬ:
эмпатия + + +

Оглядываемся по сторонам.

Что-нибудь изменилось в мире, верее, в нашем его восприятии?

Мнится ль нам, или действительно впереди справа сквозь толщу скал проглядывает малиновое пятно?

Правое запястье окольцовывают слегка щекочущие мурашки. Опускаем взгляд на куммулятивно-кинетический браслет. На экране прорисована начальная половина плато с двумя зелеными треугольничками возле валуна. Далее пустое поле, но в правом верхнем углу и впрямь что-то ярко высвечивается. В самом деле малиновое пятно. Очертания ни о чем не говорят.

В любом случае, надо проверять.

Все равно необратимость стези, наверное, уже вступила в силу.

Взяв серебряный кинжал с недреманным оком в перекрестье, мы тем самым, надо полагать, миновали точку невозврата.

Отдаем охотничий дротик, чтоб не мешался, собрату и направляемся к разлому в крутом восточном склоне, ведущему к месту последней битвы Хранителя.

Дурачина следует за спиной, держа дротики, будто мечи, как паладин, привыкший прорубаться сквозь сарациновы тьмы обеими руками.

Глава XIII

Отвесные склоны плавно загибающегося к северо-востоку ущелья ограничивают видимость до пятидесяти метров.

Становится прохладнее, хотя встречного движения воздуха не ощущается.

Ощущается всевозрастающая угроза, словно с каждым шагом мы приближаемся к подстерегающей опасности, которой хорошо известно о нашем приближении.

Правая рука не может выбрать, куда ей тянуться – к голени или лопатке.

Перекладываем именное оружие во вшитые ножны другого башмака, передоверяя его заботам левой руки.

Надо вырабатывать новый рефлекс. Сначала швырнуть метательный нож, и только потом ввязываться в рукопашную. Время перекинуть ятаган в правую останется. Когда порядок действий укоренится, можно будет вернуть его на привычное место.

Прижимаемся к правому склону, выигрывая пару метров видимости.

Под ногой едет случайный камень.

Замедляем ход, не отрывая взгляда от линии, открывающей обзор.

Длинный поворот все никак не заканчивается.

Хватит ли у нас реакции в случае неожиданного броска?

Атакующей скорости противника мы не знаем.

При ста километрах в час пятьдесят метров покрывается за две секунды.

Даже чуть менее.

Успеем?

Должны.

А при двухстах?

Закидываем руку к лопатке, сжимая в ладони рукоять метательного клинка.

Теперь можно и посоревноваться.

Тем более что скорость нужно еще набрать. Малиновый контур, просвечивающий сквозь скалы, до сих пор неподвижен.

Времени сверяться с браслетом нет.

Боевой собрат с силой сопит за спиной.

Похоже, тоже чувствует нарастающую угрозу.

Давай, насыщай кровь кислородом. Если нас снесет, между тобой и посмертной славой ничего не останется.

Ха, мы, кажется, на шутки способны.

Уж не блефует ли затаившийся?

Да нет.

Никакой намеренности в угрозе не чувствуется.

Тщание напрочь отсутствует.

Запугивание в его умыслы не входит.

Подавление воли есть лишь сопутствующий эффект.

Смятение является естественной реакцией организма на неконтролируемую мощь.

Но злоба этой мощи в самом деле запредельна.

И четко нацелена.

Если молния во время грозы бьет что называется по площадям, то тут точно не приходится сомневаться, куда будет направлен первый удар.

Но с другой стороны, источник молнии заведомо недосягаем, даже для хорошего метательного ножа.

В этом смысле настоящий расклад справедливее.

Все-таки кто кого.

А значит, бабушка положит, может, и не поровну, однако, по-любому, надвое.

Ну давай, вылезай уж!

Чего выжидаешь?

Все равно не разминемся.

Разумная мысль отклика не находит.

Продолжаем медленно продвигаться.

В конце заканчивающегося изгиба в поле зрения постепенно вплывает завал, образованный вывороченными из склонов обломками скальной породы.

А поверху, припав к камням и подавшись вперед…

…чудовищная харя, впившаяся в пришедших широко раскрытыми глазами с острым разрезом вертикального зрачка неугасимо желтого цвета.

Девятым валом накатывает сметающая волна первобытного ужаса, от которого только опрометью.

– Аааааааааааааааа!!!

По ущелью шарашится эхо, но сам вопль быстро удаляется за спиной.

Собрат, вперекор возрасту, не сильно отдалившийся от детства, не выдерживает давления.

Однако упрекнуть его, язык не поворачивается.

Нас самих спасает только оторопь, словно от удара в грудную клетку.

Когда удается, наконец, выдохнуть, бежать, открывая спину, наверное, уже поздно.

К тому же, взбудораженные рефлексы позвоночника тормозит возникающая на заднем плане сознания мысль.

Что-то тут не так.

Прошло не менее двух, трех, четырех секунд, а противник по-прежнему лишь ест нас глазами.

Не мигая.

И не шелохнувшись.

Ну что, поиграем в гляделки?

Слегка пригнувшись, устремляем глаза в глаза, в самую глубину зрачка.

Но тут же мотаем головой, отрывая взгляд.

Погорячились мы с тобой, Брайан.

Еще чуть, и выжгло бы мозг.

Смотреть ему в глаза нельзя.

Даже на прямой находиться не стоит.

Смещаемся в сторону.

Взгляд не отпускает, следуя за нами.

Но это всего лишь известная оптическая иллюзия, когда зрачок расположен ровно в середине глаза.

Нас такими фокусами не проймешь.

Тем более что в краткий момент погружения мы успели почувствовать главную боль Зверя.

Он не может двинуться.

Видимо, полностью парализован.

Еще с тех времен.

Вопреки покаянию на камне, Хранитель свое дело знал.

А вон, кстати, и рукоять ножа над переносьем торчит.

Специально предназначенного, передающегося из поколение в поколение.

Следовательно, теперь уже нашего.

Так что придется вернуть.

Покрасовался и будет.

Есть и другие желающие его поносить.

Так же во лбу, словно третий глаз.

Смещаемся еще вправо, почти вплотную к склону, чтобы окинуть экземпляр одним взглядом.

Размерами стойбищенские ваятели, похоже, ему польстили. До трех брайановских ростов он явно не дотягивает. От силы полтора.

С другой стороны, они же не Зверя увековечивали, а его Дух, величие коего может намного превосходить габариты тела.

К тому же, в обычном состоянии драконы не припадают к

земле.

Держатся на задних лапах, гордо выпятив грудь.

И если он посильнее напыжится, то, пожалуй, и свой Дух превысит.

Хотя, помнится, пульсирующий рогом передвигался по заснеженной котловине совсем в иной манере.

Извивающейся.

Издалека не рассмотришь, перебирал ли лапами, или плыл над настом.

Но точно не летел. Раскинутые крылья не совершили ни одного взмаха.

Да и размер их не достаточен, чтоб поднять такую тушу.

Возможно, это не классический подвид дракона.

Не исключено, что и вовсе не дракон.

Не случайно, в плясовом заговоре имя его усечено.

Значит, так ему отныне и называться.

Драк.

Вытянутая массивная башка с узким костяным наростом на носу, разбросанные кожистые крылья, черное веретенообразное тело за два с половиной метра в поперечнике, две пары маленьких в сравнении лап. Совокупная длина в данный момент не установима, поскольку хвост глубоко подвернут и поджат. Но и пятнадцать метров, оставшихся на виду, впечатляют.

Сгусток злобы.

Повержен, но не смирен.

Похоже, не считает существующее положение окончательным.

Впрочем, может, у них просто натура такая, у драков.

Однако глубже, под оболочкой родовой самоидентификации, чувствуется еще и смятение, ощущение собственной непонятной ущербности. Сугубо индивидуальной.

Из-за которой и неуязвимость подкачала.

Но Брайан не лечить его душевные раны пришел.

И даже не исповедовать.

Он за специально предназначенным ножом явился, принадлежащим ему по праву наследования.

Посему взбирается на завал, вцепляется в торчащую рукоятку и тянет на себя.

Безрезультатно.

Брайан упирается ногой в обломок скалы сбоку и начинает раскачивать.

Драк елозит мордой по камням, но добычи не отпускает.

Брайан наваливается всем телом, словно перекладывая румпель.

Влево, вправо. Влево, вправо.

Драк послушно перекатывает башкой, но и только.

Брайан меняет вектор.

Вперед, назад. Вперед, назад.

Драк то набычится, то принадменится. Однако не более того.

– Отдай нож, скотина!

Брайан резко выпрямляет тело, пытаясь вывернуть рукоять назад.

Башмак соскальзывает с выступа, Брайан скребет подошвами, выискивая, от чего оттолкнуться, нашаривает новую опору уже значительно выше и победно завершает разгибающий рывок.

Напряженной ногою с хрустом выламывая позади себя костяной нарост из носа драка.

Рог с каким-то металлическим звуком брякается о камни.

Нож во лбу остается недвижимым.

За сто местных лет врос намертво.

Возможно, впрочем, Хранитель в свое время не выдернул его не потому, что не сумел, а просто делать этого было нельзя.

Видимо, специальный дракобойный нож придется нам, Брайан, самим выковывать.

Хотелось, конечно, спрямить путь, но, пожалуй, так будет правильнее.

Ближе к эпосу.

Слезаем с драковской морды и поднимаем рог.

Внимательно осматриваем.

Около полуметра длиной.

Узкий, не более семи сантиметров у основания.

Сильно сплюснутый по бокам.

Обоюдоострое лезвие, но не бритвенной заточки.

Таким не режут, а пробивают и рвут.

Из непонятного материала, для кости чересчур тяжел.

Именно таким где-то там, в снегах, пульсирует плывущий над настом.

Но этот абсолютно черен. Лишь самую малость отдает фиолетовым.

Ладно, ослепительные вспышки нам ни к чему. Другое в нем интересует.

Подкидываем в руке с переворотом.

С размаху влипает обратно в ладонь. Что-то очень уж быстро вернулся. Какая-то инерционность в движение ощущается.

Ну-ка!

Разворачиваемся и с силой швыряем его вдоль ущелья.

Размашисто крутясь в воздухе, докатывает до поворота, замирает и с ускорением устремляется назад.

Вылавливаем на лету. Руку, правда, отбрасывает аж за плечо.

Мощная штука.

И сколь ни странно, кажется, признавшая нас.

Все, драк, у твоего рога теперь новый хозяин!

Оставаться здесь дольше незачем. Направляемся к выходу.

Драк злобно сверлит нам спину неподвижным взглядом.

Ничего-ничего, и ножом во лбу обойдешься. Будут забижать, бодайся.

Перед самым поворотом, не оглядываясь, делаем ручкой.

На другой, несущей в этот момент добытый рог, срабатывает оповещающий сигнал рейдового навигатора.

ЛИЧНОСТЬ

ЗДОРОВЬЕ:

111 хитов

СУДЬБА

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ:

Призванный + + +

Вот и впряглись мы по полной.

Доходим до конца ущелья.

В створе проема вырисовывается плоская котловина с вековым камнем посредине.

А на нем, положив скрещенные дротики на вытянутые ноги, сидит понурившийся собрат.

При нашем появлении, быстро утыкает взгляд в землю. Горбит плечи и клонит немытую выю.

Изо всех сил виноватится.

Ну да, не выдержал. Но ведь опомнился.

Вернуться в ущелье принудить себя не сумел, однако же и окончательно не сбежал. Остался дожидаться.

Может, чтобы отомстить.

Приближаемся и похлопываем по согбенной спине.

Ладно, с кем не бывает.

Прощеный собрат поднимает голову, разворачивает плечи и выпячивает грудь.

Заметив скользнувшую по лицу Брайана улыбку, подает назад и останавливается на более соответствующей конфигурации своих членов. Не главный все же герой.

Э, а дурачина-то у нас чувствителен.

Куда как адекватнее разных умников.

Направляемся в стойбище. Собрат держится сзади, блюдя дистанцию, достаточную для уверенного прикрытия нашей спины. В случае надобности и своим телом.

У дреколья, перегораживающего выход из Ящерной пади,

мается истомившийся Гугня.

Заперев за испытуемыми починенные ворота, устремляется вслед, суетливо забегая то слева, то справа, в попытках заглянуть в лицо возглавляющего движение Брайана.

Когда наконец удается, тут же отстает и тянется уже в кильватере.

Брайан с растущим хвостом сопровождения приближается к скопищу шалашей и заворачивает к рукодельному.

Откидывает полог и, не оглянувшись, входит.

Мама Карла поднимает лицо, смотрит, затем даже выпрямляется.

– Что-то переделать надо, – произносит она без вопросительной интонации.

– Откуда знаешь?

– Нетрудно догадаться.

Согласно киваем:

– Еще одна накладка нужна, вместо последнего дротика. Вот для этой штуки.

Протягиваем рог.

Мама Карла отдергивает руки. Затем приседает и ладонями сметает мусор на полу.

– Мне касаться не положено. Отпечатай размеры, плашмя и ребром.

Наклоняемся и вдавливаем рог во влажный песок. Следы получаются отчетливыми.

Рукодельница обмеряет их своей веревочкой.

Снимаем куртку и стягиваем жилетку. Накидываем куртку обратно и перемещаем в ее воротник судьбоносные регалии. Клинок ближнего боя перекладываем назад в правое голенище, а метательный нож на его место в левое. Рог оставляем в руке.

Отдаем жилетку мастерице.

– Подожди снаружи, – просит она. – Неспокойно мне, пальцы трястись начинают.

Выходим и присаживаемся на обрубок бревнышка, исполняющий роль завалинки. Видимо, строители шалаша держали в уме настоящую избу.

Кладем рог на колени и слегка откидываем корпус.

Стойбищенцы безмолвными тенями образуют в отдалении широкий полукруг. Боевой собрат, перекрывавший дорожку, смещается влево и, развернувшись боком, снова застывает с двумя торжественно взятыми на грудь дротиками.

Полукруг размыкается, пропуская вперед сухонькую фигуру с седым хвостиком собранных сзади волос и ритуальным инструментом в опущенной руке.

Не доходя пяти шагов, шаман останавливается и долго смотрит нам на колени.

Молчит.

Наконец поднимает выцветшие до белизны глаза.

– Теперь ты все знаешь, – говорит он тихим голосом, в котором за растерянностью проглядывает и надежда на облегчение.

– Вели восстановить Дух Зверя, – отвечает Брайан. – Внутрь никого не пускать. Если надо, сыграй на бубне, наложи табу.

Шаман согласно склоняет голову.

Не дождавшись продолжения указаний, осторожно спрашивает:

– К кузнецу пойдешь?

Брайан в обсуждение своих действий не вступает.

Помявшись, шаман пробует окольный путь:

– Сухорукий у нас вообще-то интендант, заведовать еще и охотой у него не очень получается.

Брайан указывает взглядом на собрата:

– Вот вам старший охотник. Испытание он прошел.

Шаман вскидывает брови, но после некоторого раздумья кивает:

– Хорошо.

– Советника ему только подбери. Где, кстати, тот индеец, что связь с поселением осуществляет?

– Не возвращался еще, – начинает шаман, потом спохватывается: – Какие советы, он же немой!

– Старший охотник тоже не из балагуров. Найдут язык.

Сложным движением лицевых, а затем шейных мышц шаман оценивает и сам ход мысли, и законченность ее выражения.

Переждав минуту и обведя взглядом окоем, как бы между прочим интересуется:

– Чум для тебя где возвести?

– С этим не торопись.

– Стар я уже, тяжело мне и дальше всем управлять.

– Терпи, – отрезает Брайан.

Слегка отодвинув полог, мама Карла высовывает из шалаша жилетку.

Брайан протягивает руку, принимает изделие, впихивает рог в новый паз на спине, встает, снимает куртку, натягивает варанью разгрузку, размещает арсенал. Затем снова накидывает куртку. Застегнув ее до половины, поводит плечами и подпрыгивает на месте. Нигде не жмет, ничего не брякает?

– Понимаю, – вздыхает шаман, – у тебя и другие дела. Ты теперь Хранитель…

– Еще нет.

– И тем не менее, – шаман позволяет себе улыбку посвященного, – уже да. Но не задерживайся с возвращением. Племя тоже на тебе.

– Помню, – коротко отвечает Брайан.

И прощально хлопнув по плечу хлюпнувшего носом нового егеря, направляется к южному склону котловины, в котором, левее частокольного загона для испытуемых, проглядывает вертикальный пролом парадного выхода.

Стойбищенцы расступаются и неотрывно смотрят вслед.

Брайан не оборачивается.

Шаман прав, есть у нас и другие дела.

И приоритеты расставляем, кажется, не мы.

По узкому проходу с отвесными откосами добираемся до перегораживающей баррикады и боком протискиваемся сквозь извилистую щель наружу.

Стража четко исполняет на караул.

Машем ладонью: вольно!

– Слушай, – неожиданно спрашивает Брайан у правого гарда, – тебе вождь в племя нужен?

– Ммм, а при нем мяса больше будет?

– Ну разве что он от своей порции откажется.

– А если не откажется?

– Тогда, получается, меньше.

– А может, – начинает подмигивать старший охранник, – мы как-нибудь без вождя обойдемся?

Так и я про то! – веселеет Брайан, подмигивает в ответ и следует своим путем дальше.

Для начала по распадку, ведущему к изрезанной дельте, в водосборной системе которой мы с Чингачгуком Большим Скакуном чуть ли не полдня развлекали друг друга догонялками.

На месте примыкания распадка отмечаем, что профиль когда-то существовавшей здесь дороги действительно загибается влево, направляясь вверх в холмы. Но нам прямо в противоположную сторону.

Сворачиваем вправо и через четверть часа втягиваемся в сужение, соединяющее верхнюю долину с нижней, где у самого начала левой террасы расположились останки лагеря, куда, по словам вихрастого, в свое время ссылали детей.

На взбугренной площадке перед облупившимся остовом культурно-питательного здания по-прежнему лежит окатанный камень, а на нем до сих пор изображает памятник самому себе последнему несгибаемый могиканин.

Вероятно, другого пути вниз нет, а поскольку нас тут еще не

видалось, опасность привести хвост не миновала.

Поднимаемся на террасу и выходим на площадку.

Дав косяка, отводить беглый взгляд Чинг передумывает.

Смотрит сначала так, потом поворачивает и лицо.

Встает и, не спуская глаз, ждет.

Что ж, с шестым чувством у него все в порядке.

– Возвращайся в стойбище, – говорит Брайан. – Будешь помогать старшему охотнику.

Едва заметно кивнув, Чингачгук направляется к горловине и как-то очень быстро теряется за деревьями.

Справятся они, Брайан, не дети же малые.

У каждого свой путь.

Тем более, если он уже начертан.

Чтобы не прыгать по вздыбленным плитам центральной аллеи, забираем круче на склон и следуем почти по гребню долины.

Солнце, зависнув в верхней части своей дуги, припекает левую щеку.

Из местных обитателей на глаза попадается один только пестрый дятел, деловито долбящей ствол рябины.

Не сказать, что очень умная птица, однако заметно повышающая бодрость духа.

Помельчавший суходол выходит в широкую низину с разбросанными строениями поселения, окаймленного пустырями и огородами.

Прямо по курсу, где-то вон в том бесхозном бурьяне, начинается балка, выводящая к крепостным стенам бывшей камвольной фабрики.

Но если обогнуть репейно-полынное море слева, можно попасть на начало улицы, которая чуть дальше становится центральной, а в самом конце, перед тем как нырнуть к въездному мосту в Надоль-аль-Ненадоль, открывает подход к воротам последней стоянки сельской механизации. Эмтээс на локолингве.

Берем левее и вскоре, еще задолго до начинающихся домов, выбираемся на дорогу.

Куда она ведет из поселения?

Оборачиваемся.

А никуда! Заканчивается еще на подступах к лесу.

Даже не до околицы.

Хотя, вроде, положено вообще *за*.

Но с чего она здесь?

Дорога возникает, только когда кто-то в этом месте ходит.

Глаза бы мои на вас не глядели! Махнет человек рукой и

двинется куда подальше. Отойдет на триста шагов, потопчется на месте, потопчется и – назад. Но до конца жизни, наверное, будет греться ощущением, что побывал за пределами. Иначе, зачем бы сюда ходить? Судя по натоптанности, край света посетил каждый надоль-аль-ненадолец.

Первые дома располагаются лишь на правой стороне улицы, слева примыкает широкое поле, посреди которого в густой мураве копошится какое-то мелкорогатое, издали не разберешь мекающее или бякающее. На обочине с кнутом на плече стоит мужик и задумчиво жует веточку. Мысль, кою он пытается разрешить, наверняка, из умом не осиливаемых. Что-то вроде: как действеннее, по рогам или промеж? Идти же проверять, видимо, в лом.

Минуем ответвление, ведущее к площади и далее спускающееся вдоль фабричной ограды к выездному мосту, за которым начинается крутой подъем в Харино и заросший проселок в Нарынок, огибающий по пути общий поселенский погост.

Появившиеся на левой стороне строения наводят на мысль, что начиная отсюда улица уже становится центральной. Впрочем, от центральности в ней лишь то, что дома тянутся более или менее вровень, да задом ни один не повернут.

Из скрипнувших ворот первого дома показывается белобрысая девочка лет шести в огромных сапогах и, волоча ноги по земле, выходит к дороге.

– Ты кто? – спрашивает серьезно.

– Вождь змеебоев, – отвечает Брайан. – Правда, беглый. А ты?

– Я горе луковое.

– Ну, это, пожалуй, покруче, – признает Брайан.

– А обратно ты когда будешь возвращаться?

– Не знаю. Скорее никогда.

– Но я не могу с тобой пойти, – разводит девочка руками. – Я свои чуни потеряла.

– Если хорошенько поискать, непременно найдутся.

– Как же, найдутся! Их лягушки утащили.

– Куда утащили?

– К себе на дно.

– И как они ухитрились?

– Ну, я пустила чуни поплавать, а они налезли и утопили.

– А где, говоришь, это лягушачье царство?

– Пруд что ли? Там, за огородом, – мотает девочка головой.

– Ну-ка пойдем глянем. Давай, веди.

Девочка навостривает кирзовые лыжи к углу забора.

– Слушай, а может, тебе скороходы свои дома пока оставить?

– спрашивает Брайан, притормаживая.

– Бабушка не велит босиком, – пыхтит девочка.

– Ладно, тогда я совершаю скрытый марш-бросок в одиночку, а ты подтягивайся, как получится. Постараемся застать наглых лягв врасплох.

Брайан ускоряется, достигает дальнего угла забора и выворачивает на зады.

Окаймленная камышом лужа на пруд тянет с трудом, хотя и оборудована почти стационарными мостками. Хорошо, ряской не затянута, да и вода достаточно прозрачна. По крайней мере, неглубокое дно на виду. Выше колена, но ниже всего остального.

Брайан перекладывает ятаган за спину, скидывает башмаки, стягивает разовые носки и засучивает штанины. Спускает ногу с мостков и нащупывает дно. Дно держит.

В дальнем конце что-то с маху плюхает в воду. Надо полагать, марсовый дозорный. Наверное, прямо с бизани ухнул. Самое время выступать, пока оборону организовать не успели.

Осторожно раздвигая волны коленями, Брайан бредет к стене камыша у другого берега, внимательно вглядываясь себе под ноги.

Почти у середины натыкается на инородное образование. Засовывает руку по плечо и поднимает на поверхность затонувший корабль. Выливает воду из трюма и вытряхивает заодно пару мелких пиратов, позеленевших от злости.

А чуня-то вовсе не чуня, не из веревочки плетена, шита из кожи, так что ближе к мокасинам, хотя, может быть, и черевика. Левая.

Правая обнаруживается чуть дальше, и корсаров в ней уже трое. Которые тоже без разговоров заныривают в глубину и устремляются к дальним камышовым зарослям оттренированным брассом. Трусоваты, однако, флибустьеры в надоль-аль-ненадолевских морях.

Пора возвращаться на берег, где уже ждет белобрысая золушка в ботфортах чуть ли не по пояс.

– Мерить не будем, – говорит Брайан, добираясь до мостков, – сразу видно твои. Да и просушить надо. Только ты их сначала в ограду занеси, а то опять утащат. Очень уж они лягвам полюбились. Замечательные у тебя чуни. Откуда, кстати?

– От сапожника. Бабушка ему петуха нашего снесла.

– Не жалко петуха?

– Жалко. Красивый был, хоть и клевучий страшно.

– А сапожник-то его в суп?

– Нет, на развод. Говорю же, красивый.

– Ну, тогда ладно, – произносит Брайан, притопывая

надетыми башмаками. – Беги уж домой, а то лягвы сейчас опомнятся, на берег полезут. А я вон тем проулком на дорогу выберусь.

Прижав найденные туфельки к груди, золушка волочит сапоги вдоль забора. На углу оборачивается и, привстав на цыпочки, машет высоко поднятой рукой, словно с берегового утеса в открытое море.

Делаем ответное движение растопыренной ладонью на уровне плеча.

Вот завалим Моби Дика, тогда и займемся поисками алого шелка на паруса.

На запястье срабатывает сигнал оповещения. Скашиваем глаза на экран навигатора.

В связи с тем, что все персональные характеристики достигли установленного для данной локации предела, повысить ни одну из них не представляется возможным.

Так уж ни одну? А модальность, которая еще осталась?

Хотя, модальность, кажется, проходит по разряду судьбы, а ту личностными достижениями не проймешь.

И все равно, можно было найти, куда вставить плюсик.

Но, вероятно, это один из способов подтолкнуть нас к продвижению вперед.

Пожимаем плечами и, обогнув пару огородов, по боковой тропинке выбираемся обратно на дорогу.

Ковыряющаяся в палисаднике дома напротив старушка разгибается и провожает нас долгим взглядом. То ли мы кого напоминаем, то ли изменяющаяся деталь пейзажа сама по себе достойна внимания.

Дальше в смысле людей совсем пустеет. На глаза попадаются только собаки.

Отпущенные на волю машут хвостами и норовят лизнуть ботинок, а привязанные во дворах бросаются на заборы и рвут горло взахлеб.

Презабавный, однако, народец. Стоит кого посадить на цепь, гордость моментально взлетает в заоблачные выси.

Ошейник как знак аристократического отличия от прочего быдла.

В собачьем аду, наверное, все слоняются неприкаянно, а в раю каждый навечно прикован к будке.

Впрочем, всякий имеет право на свое счастье.

Если он, конечно, не призван для чего-то другого.

Заворачиваем в проулок, ведущий к железным воротам

эмтээса.

Толкаем недовольную створку и направляемся к бетонной коробке кузни.

Из открытой двери в лицо ударяет волна жара.

Так и есть, работа кипит.

Гном клещами ворочает на наковальне раскаленную железяку и постукивает по ней молоточком, а огрообразный подручный играючи лупит кувалдой.

Через полминуты кузнец отстраняет помощника взглядом, проходится по поковке серией заключительных аккордов, коротко сует ее в зашипевшую бочку и бросает в кучу у станины.

Вытирает ладони о брезентовый передник и поднимает лицо.

Да так и застывает, наткнувшись взглядом на рог, вынутый Брайаном из-за спины.

Затем всплескивает руками, приседает и колотит себя по бедрам.

– Вот это да! А я-то думал, папаша мне сказки рассказывает. Чтобы, значит, с малых лет к работе приохотить. Ну-ка, дай!

Гном бросается вперед и вцепляется в артефакт. Но тут же передергивается сверху донизу и роняет его на бетонный пол.

– Чччерт! Словно ударило. А ты как держишь?

– Нормально.

– А, это он чужим не дается, папаша что-то такое говорил. Ладно, пихай в огонь, греть будем.

Брайан подходит к печи и засовывает рог в раскаленные угли. Кузнец начинает собственноручно качать меха.

Рог остается темным.

Кузнец рвет воздуходувный рычаг сильнее, яростнее, наваливаясь всем телом.

Но и через четверть часа рог не меняет цвета.

Гном скребет ногтями наморщенный лоб:

– Ну давай в холодную попробуем. Только ты верти.

Брайан перемещает рог на наковальню, кузнец хватает свою маленькую кувалду и наносит несколько чутких ударов. Затем наворачивает уже со всего плеча и отбрасывает инструмент.

Отходит к столу и садится.

– Бывает, вещь не поддается потому, что ты прилагаешь не достаточно усилий, – произносит он с философскими интонациями. – А бывает, просто тебе неподвластна. Как ни упирайся. И, похоже, это тот самый случай.

– Ну, и что будем делать? – спрашивает Брайан, к любомудрию не склонный.

Кузнец обхватывает голову заскорузлыми лапами и принимается выискивать в ней ответ. Впечатление такое, что

прямо пальцами.

Затем вдруг останавливает копание и взглядывает из-под кустистых бровей.

– Перед самой смертью папаша наказывал, если столкнусь с работой, к которой не пойму, как подступиться, вскрыть дедову шкатулку. Несколько раз, помнится, повторил. Так что пошли ко мне домой. Тут не далеко.

Гном снимает фартук, вешает его на дверцу шкафа, взамен накидывает кургузую курточку и устремляется к выходу. На пороге оборачивается и адресуется к подручному, примостившемуся возле ведра с питьевой водой:

– Штырь пока своему солдафону выпрями, вдруг ему завтра же захочется перед кем покрасоваться. Но ежели к моему возвращению перестанешь лыко вязать, сегодня же зайду к Харе и велю цену на меч до тридцати услов скинуть. Пусть им лучше какой сарай подопрут. Не можешь зеленого змия победить, неча об оружии даже мечтать.

Бугай сглатывает, громко бурчит животом, но рта не раскрывает. И правильно. А то в помещении получилось бы оглушительно.

Запихиваем рог в наспинные ножны и следуем за кузнецом.

За воротами он берет вправо, огибает ближний угол и выводит нас на кочковатый луг.

Пересекает его по диагонали и направляется к вполне ухоженному на вид домику с флюгером на фронтоне. Отпирает щеколду на калитке и пропускает нас в ограду. В дом не приглашает, да и сам не заходит. Миновав крыльцо, скрывается в боковой пристройке, явно подсобного назначения, и долго гремит чем-то внутри. Пару раз пинает не видимое, но хорошо слышимое ведро.

Наконец показывается наружу с немалым железным ларцом в руках. Кузнецов дед подошел к своему посланию со всей серьезностью.

День нынче выдался заветным. Сначала напутствие, теперь наказ. Точно, к дороге.

Гном водружает сундучок на верхнюю ступень и обметает рукавом. Проводит пальцами по пазам, надавливает и пытается откинуть крышку. Та остается на месте.

– Та-ак, – тянет весело, – значит, с секретом.

Ворочает ларец, осматривая со всех сторон. Скважина обнаруживается на задней стенке.

– Ключ-то прилагался? – спрашиваем поверх плеча.

Кузнец мотает головой.

– Скорее всего, задумано было самим изготавливать. Судя по

рассказам, дедок большим ехидством отличался. Но ведь и мы не пальцем деланные.

Гном спохватывается с колен и устремляется в сарай. Возвращается с целым отмычным набором из проволочки, шила и сапожного ножика.

Для начала мелко гнет проволочку и елозит ею в замке. Затем принимается ковырять шилом. Даже не попытав резак, бросается в свою подсобку и выносит топор. Опрокидывает сундучок на спину, всовывает лезвие в щель, наваливается сверху и с кряканьем взламывает крышку.

На крыльцо выкатывается бутылка с просвечивающей сквозь стекло бумажкой. Кузнец поднимает ее, отколупывает пробку и вытряхивает свернутый в трубочку наказ.

Раскручивает и старательно шевелит губами.

Через минуту позволяет листку скататься обратно и протягивает нам.

Разворачиваем в свою очередь.

Неозаглавленный наказ начинается с обращения.

Потомкам

На исходе девятого года нового летоисчисления Великий Морадин созвал всех членов клана в цеховую кузню. Не скрывая печали на лице, вышел к притихшему собранию и заявил, что мастера чересчур увлеклись изготовлением украшений для себя и бросили заниматься другими вещами. Потерявшие веру люди уже перестали к ним обращаться. Кузнечное дело захиревает. Если не принять решительных мер, процесс скоро примет необратимый характер. Посему он своею волей переводит всех в разряд подмастерьев и накладывает схиму – идти в народ, расселиться по миру и служить людям. Ковать, что ни попросят: серпы, плуги, колесные ободы, обручи для бочек, гвозди, штыри, пробои, вилы, дверные петли, щеколды и прочее, потребное в хозяйстве. Вместе с тем, никогда не отказываясь от необычной работы, сколь бы трудной она ни выглядела.

Напоследок добавил, что сам будет поддерживать огонь в главном Горне. Как только кто из подмастерьев получит заказ, не выполнимый в местных условиях, пусть возвращается в клан, чтобы поработать в цеховой кузнице. Если сумеет справиться, останется при ней уже старшим мастером. Поэтому каждому нужно запомнить обратную дорогу и передать своим детям и внукам.

Исполняя высочайшее повеление, сообщаю, что отравная точка возвращения из наших краев находится на старом стрельбище у

разъезда, в качестве пароля достаточно назвать главный Горн.

Но если кто из вас привык больше ломать, чем строить, пусть сидит дома, проку от него в главной кузне все равно никакого не будет.

Последнюю фразу гномий дед присовокупил, видимо, от себя лично. И, похоже, как раз внуку. Во всяком случае, тот явно принял ее на свой счет. Повернулся в профиль, выпятил нижнюю губу и сопит.

Трогаем его за плечо:

– Ну, что, пойдешь к Горну?

Кузнец мотает головой:

– Коли то не сказки, на должность уже давно кто-нибудь пристроился. Да и как я все брошу? За подручным вон глаз да глаз нужен. Так что давай без меня. Пароль тебе известен.

– А отправная точка? Где это самое стрельбище?

– Не знаю, спроси у вояк в городке. Наверняка, помнят. Святое для них место.

Гном машет рукой и выходит за штакетник. Оставив калитку незакрытой, бредет через луг к поселковой кузнице.

Мы же заворачиваем влево, огибаем задний угол сельскохозяйственного кладбища и спускаемся в заливную пойму. Пересекаем местную реку по перекинутым рельсам и крутой тропой выбираемся в поле, на противоположной стороне которого виднеются городошные строения. Справа над гаражами выпирает фронтон греческого клуба, а слева за кованой оградой степенно разлеглись английские газоны континентальной культурной миссии. Там же уткнулась в небо мачта дальней связи.

Вспоминается ночной голос с того конца, не сдержавший высказывания по поводу выпускающих инструкторов.

А кстати, повысили ли нам код доступа в курирующей организации?

Пожалуй, стоит проверить.

Может, мы теперь еще на что право имеем.

Пересекаем поле по тропинке, вьющейся среди спелых трав.

Закатное солнце просвечивает пейзаж почти горизонтальными лучами. Узкая тень радиовышки дотягивается аж до поселенского погоста. Впрочем, тамошним резидентам символизм до фонаря. Их уже ничем не взволнуешь, они упокоены. В отличие от тех, кто лишь дожидается этой милости под сенью Мертвого леса.

На дальнем углу культурного забора сворачиваем влево.

Дверь привратницкой раскрыта, внутри темно.

Пружиня шаг, поднимаемся на крылечко и суемся в проем.

– Куды прешь?

В проходе вырастает знакомая фигура бравого штырегнува.

– А я думал, ты отошел, – пожимает плечом Брайан. – По какому-нибудь делу, большому или маленькому. Ладно, зови того, кто у вас для общения.

– Ты б еще ночью приперся. Днем приходи.

– Днем не могу. Занят, а подмениться некем. Давай, звони.

Продолжая бурчать, старикан включает настольную лампу, набирает на аппарате короткий номер, и, прикрыв трубку ладонью, произносит несколько неразборчивых слов.

Через минуту из здания показывается костюмированный.

Войдя в будку, слегка приподнимает правую бровь. В голосе, правда, никакого удивления не чувствуется.

– Добрый вечер, молодой человек. Слушаю вас.

– Решил вот на прощание справиться о здоровье нашего пациента.

– С ним все в порядке. Намеченные процедуры полностью прошел, переведен на амбулаторный режим.

– На амбулаторный? И на приемы является?

– Нет. Но это как раз свидетельствует о том, что надобность в дальнейшем лечении отпала. А вы, значит, покидаете наши края? – меняет он тему.

– Пора.

– Наверное, вы знаете, что делать.

– Знаю.

– В таком случае, счастливого пути!

Кивнув, костюмированный разворачивается и отбывает.

Если наш код доступа и повысился, то не настолько, чтобы расстилать перед нами ковровые дорожки.

Покидаем сторожевой форпост культуры, сворачиваем влево и в наступивших сумерках следуем вдоль забора, а затем и дальше. Достигаем дверей арсенального склада и костяшкой согнутого пальца выстукиваем плясовой ритм дракобойного заговора. Металлическая створка чуть отходит, пропуская нас внутрь.

– А я уж думал, ты совсем ушел, – встречает нас братуха приветственным словом.

– С дорогой требуется еще разобраться, – отвечаем в аналогичной манере. – Старое стрельбище в какой стороне располагалось?

– Где-то на востоке. Подъезд там, правда, был круговой, да и тот потом обвалом перекрыло. Наш призыв туда уже не возили, стрельбы перенесли в глиняный карьер за Мертвым лесом. Если надо, могу уточнить.

– Надо.

– Ты ведь не прямо сейчас отправляешься?

– Выспаться, наверное, следует.

– Разумная мысль. А я пока в архивных кроках пороюсь.

Заваливаемся на гостевой топчан и отключаемся, не забыв, однако, перезаписаться. Привычка. Та самая, которая давно уже вторая натура.

Глава XIV

Просыпаемся от прикосновения к плечу.

– Грех, конечно, – говорит стоящий рядом братуха, – будить выходящего в рейд раньше времени, но ты сам посмотри.

Протираем глаза. Внутренность закутка залита призрачным фиолетовым сиянием, исходящим от висящей на гвоздике вараньей жилетки. Вернее, от основания костяного отростка, выглядывающего из наспинных ножен.

Подносим поближе раскрытую ладонь, потом трогаем пальцем.

Совершенно холодный.

– Что там у тебя?

– Драчий рог, – отвечает Брайан. – Или драковский, слово еще не подобрал.

– То есть?

– То есть, рог драка.

– Что за зверь?

– Тоже пока не ясно. Просто Зверь, но с заглавной буквы.

– Где ж ты его отыскал?

– В заброшенных каменоломнях. Валяется в одном из ущелий с тяжелым ножом во лбу, вбитым по самую рукоять. Затопляет окрестности волнами злобы, но двинуться уже не может. В отличие от второго, сразу же рванувшего на север. И, видимо, под объектом в браслете подразумевается именно он. Тот, который в данный момент пульсирует в снегах аналогичным рогом.

Братуха встряхивает головой.

– Подожди, получается, ты и есть тот гарпунщик, блюдущий линии?

– Похоже, что отныне да. Во всяком случае, где-то там решено, что должно быть так.

– Кем решено?

– Сие неведомо.

– А отказаться ты можешь?

Брайан задумывается, вслушивается в себя.

– Понимаешь, – произносит медленно, – это единственное, что у меня есть.

– Да я только к слову, – машет ладонью братуха, – сам из таких.

Неожиданно оттенки окрашенности внутрискладского

интерьера меняются. Рог в наспинных ножнах, медленно наливающийся внутренним светом, ускоряет процесс, с ходу минует лиловый и выдает слепящую вспышку дугового разряда.

– Что за черт? – прикрыв глаза, братуха отшатывается.

Насыщенность освещения постепенно опадает, рог возвращается к своему черно-фиолетовому.

– Не знаю, – покачивает головой Брайан, – и на родном носу, и потом в дороге ничего подобного он не выкидывал. Я думал, это с самим драком связано. С ним что-то было не в порядке. Изначально, еще до того, как потерял способность двигаться. Слушай, а ведь тебе, пожалуй, больше известно.

– С чего ты решил?

– Обоих драков содержали на вашей пусковой, в пустых ракетных шахтах. Видимо, какие-то эксперименты проводили. Понятно, в режиме секретности, но что-нибудь всегда просачивается.

Братуха морщит лоб.

– Ну была там какая-то лаборатория. Считалось, что влияние фоновой радиации изучают. На предмет снижения последствий. Особо и не скрывались, лекции даже в клубе читали, рекомендации по нашему питанию разрабатывали.

– Ладно, – говорит Брайан, – давай зайдем с другой стороны. У тебя на складе ничего лишнего нет?

– Что значит лишнего?

– Не относящегося к обеспечению, или неизвестного, с каким-нибудь непонятным названием в инвентарной описи.

– Да там все «изделие номер…»

– Но за эти годы ты, наверное, с каждым разобрался?

– Ну, более или менее. Хотя… В самом деле, имеется тут одна комнатка в дальнем углу. Полностью обшитая железом. Можно сказать, бронированная. С кодовым запором. Я как-то сунулся со своей мыльницей, но замок сразу же распознал несанкционированное вмешательство и заблокировался наглухо. О чем и объявил каркающим голосом из динамика над дверью. Потом добавил, что следующая попытка приведет к инициации ядерного заряда внутри. Может, и шутка. В смысле, что ядерный.

– Чего хранится, знаешь?

– Нет, но, кажется, видел, как оно выглядит издалека. Завозили именно в то утро, когда я тут на посту стоял. Подошла фура, развернулась задом, изнутри высыпали бравые ребятки в армейском камуфляже и бегом выстроили оцепление. Не наши, по повадкам натасканные волкодавы. Из тех, что сначала стреляют, а потом начальство за них думает, чем обосновать. Мордатого прапора выгнали из склада, меня начкар тоже отвел за

линию. Потом двое выволокли из кузова контейнер, типа бака с двумя ручками, и протащили в арсенал. Третий просто сопровождал. Минут через пятнадцать вышли обратно, все загрузились в фуру и отбыли. Мордатый начал было бурчать про то, как же ему нести ответственность, коли ключа не оставили? Начкар посоветовал обращаться к командиру части. Других разговоров по этому поводу не припомню.

– Контейнер-то металлический?

– Судя по тому, как носильщиков гнуло, может, даже свинцовый.

– Плюс бронированные стены, – раздумчиво добавляет Брайан. – И тем не менее, не экранирует. А счетчиком Гейгера возле комнаты проверял?

– Отклонений от общего уровня нет.

– Какие еще индикаторы излучений существуют?

– Биологический, – усмехается братуха. – Правда, с надежностью он только одно определяет. Ежели все сразу померли, то излучение точно есть.

– Подожди-подожди, а ежели наоборот?

– В смысле, не все?

– В смысле, совсем не померли. Ни сразу, ни потом. Когда бы уже и удивления не вызвало.

– А, вон ты о чем. Ну а что за резон в таком случае прятать чудодейственный контейнер в гарнизонном складе? Пользовались бы наперебой.

– Возможно, это всего лишь побочный эффект. За теми, которые исследовали, и не распознанный. Когда, говоришь, его привезли? За какое время перед тем, как ты заступил на свою последнюю нескончаемую вахту?

– Да почти накануне, где-то за неделю. Думаешь, одно с другим связано?

– С уверенностью не скажешь, но именно в последнюю неделю стало понятно, что Зверя уже не удержать.

– Слушай, – загорается братуха, – а давай ковырнем прямо сейчас!

– А ну как в самом деле рванет? Разнесет все по окрестностям, тогда уж точно растащат. Получится, не исполнил долг. Последний оплот рухнет. Кстати, я тут к тебе пацана направлял, вихрастый такой…

– Был вихрастый. Познакомились. Обсудили, как лучше выяснить, куда Харя своих подопечных сплавляет. Разработали одну многоходовку.

– Благое дело. А то тут все потихонечку приберут к рукам, пока местные дремлют себе. Три века, как один. С места не

стронешь. А если и стронешь, корневища дальше не пустят. Пацан-то, вроде, из других. В следующий раз когда собирался?

– Обещал на днях, как первые результаты появятся.

– Можешь ему просьбу передать? – поднимает взгляд Брайан. – От меня лично.

– Отчего же не передать?

– На востоке есть змееловное племя, он знает. Пусть как-нибудь заглянет к ним, не нужно ли чего? Заодно дурачку нашему привет передаст.

– Как он там?

– В гору пошел, теперь уже старший охотник.

– Представляю, – смеется братуха. – А они что, все такие?

– Ну, в общем… друг друга стоят. Хотя за главного в стойбище шаман, так тот достаточно толковый. Обращаться лучше к нему. От места встречи, к которому вихрастый меня водил, нужно подняться в верхнюю долину и свернуть в пятый распадок по левой руке. Запомнишь?

– От места встречи вверх и пятый распадок налево.

Братуха сопровождает слова последовательным загибанием пальцев на вскинутой шуйце, оставляя оттопыренным лишь мизинец.

Наглядно.

– А про старое стрельбище удалось что-нибудь выяснить?

– Выбираемся из городка через ворота, минуем блокпост, по главной подъездной выписываем длинную загогулину, выходим на северную магистраль и первый же сворот вправо.

Для иллюстрации братуха привлекает уже десницу. Сначала изображает ею колено змеиного извива, затем из сжатого кулака выбрасывает в правую сторону большой палец.

– А дальше по прямой?

– Ну, в том смысле, что безвариантно. Примыкающая дорога загибается обратно к югу, достигает железки из рудников и тянется вверх до разъезда. Пересекает пути и почти в самом начале восточного ответвления заныривает в каменоломный карьер. Схемку я тебе набросал.

Братуха достает из нагрудного кармана обрывок старого плаката.

Рассматриваем изрисованный оборот. Затем ориентируем план в соответствии с розой ветров.

Так и есть, примерно из тех краев мы вчера и вернулись. Та же возвышенность, склоны только другие, уже не западные, а северные, ну, может быть, северо-восточные. Железнодорожная ветка начинается, видимо, на вершине, так что непонятно, которым кругом до искомого стрельбища ближе, через

заброшенный лагерь и рудничную станцию или по дороге, использовавшейся военными.

– Обвал в каком месте? – спрашиваем у братухи.

– Да вроде уже на подступах. Там железка выбирается из ущелья, а его как раз и завалило. Заодно с переездом, который прямо на выходе.

– Ущелье-то длинное?

– Кто знает, на кроках оно прорисовано не до конца, просто обрезано. То ли посредине, то ли еще как. Полностью копировать с двухверстки, наверное, было лень.

Похоже, путь через вершину отпадает. Ну и ладно, семенить по шпалам не самое великое удовольствие. Хотя Брайану сие, возможно, и неведомо.

Зато ему ведомо другое. Пора!

– Ну что, братуха, – говорит он, поднимаясь с топчана, – пойду я.

– Иди, – отвечает названный. – Или оставайся, если хочешь.

– Лучше ты со мной.

– Да тоже не могу. С поста меня никто не снимал. Не то чтобы я такой правильный. Просто в самом деле есть ощущение, пока склад стоит в неприкосновенности, прежнее не умерло. Как только разграбят, все станет уже бесповоротно. Всосет в себя. Чавкнет и над головой сомкнется. Хотя и ерунда это, конечно. Последний гвоздь, честное слово…

– А на что еще миру опираться в эпоху развала?

– И то верно.

– Ну, бывай, атлант. Держи своды.

– Бывай, гарпунщик. Блюди линии.

Выходим наружу, прикрываем за собой створку ворот.

Край неба на востоке едва начинает светлеть. День получится длинным.

Направляемся влево, оставляем сзади ангар, огибаем угол амбулатории, на двери которой привычной таблички уже не виднеется, и выбираемся на плацевое поле, изрядно изрытое во время субботника, организованного тем же Брайаном.

Но дальше первого дня прудоустройные работы, похоже, не двинулись. Верхний слой грунта снят, в одном углу на пару штыков, в другом на все три, но и только. Кирки с ломами свалены в носилки, лопаты прислонены к тачкам. Осталось дождаться дождей, чтобы приступить к затяжному ржавению.

На постаменте располагается деревянный сундучок с продольной круглой ручкой, именуемый среди профессионалов столярно-плотницкого ремесла почему-то рашпиль, точно так же, как самый крупный напильник, в нем и носимый. В общем,

загадка, но не из тех, что побуждают к длительному размышлению.

Напильники нам ни к чему, ни драчевые, ни бархатные. А вот молоток сгодится. Однако не ему предстоит исполнять главную роль. Роемся дальше. Стамеска? Лезвие широковато, бывают и поуже, вот, например, кажется, долото. Но с другой стороны, мы же не собираемся мельчить. Возвращаемся к стамеске. Берем ее в левую руку, правую вооружаем молотком и приступаем к давно задуманному делу.

Тук-тук. Выбиваем на лицевой стороне постамента диагональный штрих, слева сверху вправо вниз. Откинув голову, оцениваем. В самый раз. Тук-тук, тук-тук. Высекаем еще одну черту, теперь уже справа сверху влево вниз и ровно в два раза длиннее, серединой касающуюся первой. Отклоняемся, любуемся. Замечательно.

Тук-тук. Двигаемся дальше. Наносим три вертикали и соединяем их понизу горизонталью. Тоже смотрится.

Сооружаем рядом нечто конгруэнтное, но поставленное на попа.

Затем принимаемся за сложнейшую фигуру – равнобедренную трапецию с удлиненным основанием, опирающимся на две рахитичные ножки, к изображению коих приходится привлекать отложенное долото.

Следом идет то, что уже красуется на втором месте, причем, в том же положении.

Замыкают парад почти идентичные гвардейцы, правда, над последним маячит какая-то перелетная птица.

Выковыриваем из пазов крошки, выдуваем пыль и отступаем на пару шагов.

Достойно войти в историю.

Слушай, Брайан, а ты случаем не из шумеров?

Да кто теперь скажет?

– Еще и солнце не отважилось глянуть на дольний мир в полный глаз, а некто в камуфляже уже взялся долбить на весь городок, не спамши, не емши… – подобравшийся сзади кофтастый переходит на плохо разборчивый, но откровенно непечатный речитатив, перемежаемый судорожными позевываниями.

– Негоже ему было оставаться безымянным, – снисходит Брайан до объяснения.

– Ты про кого это?

– Про памятник.

– Какой еще памятник?

– Да перед тобой же.

Кофтастый смотрит на пустой постамент.

– Ну, а сам памятник-то где?

– Да ты читай, кому он, – кивает Брайан на свежую клинопись.

Шевеля губами, кофтастый складывает слоги:

– У-шед-ший.

– Теперь доезжаешь, где?

– Ушел! – ахает кофтастый.

– Ну наконец-то.

Кофтастый всплескивает руками и вертит шеей вкруговую.

– Давно ушел?

– Ни свет ни заря, как и положено.

– А в какую сторону?

Брайан машет в направлении ворот:

– Куда-то на север.

– Если на север, – запечаливается кофтастый, – то точно уже не вернется. Оттуда никто еще не возвращался.

– Мне тоже показалось, что насовсем, – подтверждает Брайан.

– Так ты его видел?

– Да как тебя сейчас.

– И какой он из себя?

– Ну, такой, одухотворенный, отрешенный, неудержимый. Пламенный рыцарь, словом.

Брайан приосанивается и обводит ладонями контуры своего бюста, демонстрируя воображаемые очертания.

– Вот же черт, – качает головой кофтастый, – в кои веки появился у нас памятник, а посмотреть не удалось. Слушай, а, может, я побегу, вдруг хотя бы со спины получится увидеть, будет, что детям рассказать.

– А у тебя дети есть?

– Да кто их разберет.

– Ладно, беги, – соглашается Брайан, – только не дальше развилки, а то еще потом обратной дороги не найдешь.

– Да на развилку я и не ступлю, выгляну лишь за поворот.

– Давай, Колумб.

Кофтастый бросается к арке под колокольчиковый перезвон навигатора.

ЛИЧНОСТЬ
ЗДОРОВЬЕ:
114 хитов
МОДАЛЬНОСТЬ: главный герой

Ознакомившись с сообщением, киваем. Так и задумывалось.

Время, однако.

Окидываем прощальным взором окрестности недорытого русалочьего пруда с воздвигнутым на берегу монументом, подсвеченным лучами восходящего солнца, и трогаемся в путь. Все, что было положено, мы тут выполнили и даже память по себе оставили. Глядишь, и красивая легенда родится.

В створе парадного въезда, не оборачиваясь, делаем ручкой.

Словно по сигналу, над сонным городком за спиной возникает объемный фоновый звук и кто-то, прокашлявшись, хрипло рявкает:

– Ахтунг! Ахтунг! Эскимосише панцирен!

Да это ж братуха с последним приветом!

Из открытого окна крайней четырехэтажки высовывается по пояс пышная тетка в буклях и, вывалив наружу то, что не уместилось в ночнушке, визжит:

– Ну чего вам сегодня не спится, оглоеды?!

Затем втягивается обратно и с треском захлопывает раму.

Но братухин привет не столь краток. В динамиках щелкает, и они исторгают из себя завывающий сигнал воздушной тревоги.

Одна за другой гремят закрываемые форточки и фрамуги.

С верхнего балкона слышится грохот чего-то резко развалившегося и затем сиплый баритон:

– Ну когда ж ты уймешься, недоносок?

Э, братуха, на местном говоре данная реплика означает: «Не верю!» Видимо, требуется нечто более радикальное.

Но оно и не замедливает.

От западных лесных окраин до восточных картофельных предместий по городку прокатывается мощнейшая волна последовательных взрывов, вздымающих в утреннее небо фонтаны глины и тучи пыли.

В штурмовой авиации сие, кажется, называется ковровое бомбометание.

Похоже, именно эту операцию долго готовил братуха, пряча по ночам в кронах деревьев репродукторы и закапывая на территории взрывпакеты, соединенные в единую детонационную цепь.

Под продолжающийся вой сирены из бухающих дверей подъездов выскакивают не до конца одетые мужики, очевидно, с верхних этажей, потому что с первого попросту выпрыгивают в окна. Влезая в рубахи и застегиваясь на бегу, устремляются к плацевому полю.

Со своим «не верю!» никто больше не суется. Командные окрики перемежаются истеричными выкриками. Паузы напрочь отсутствуют, так что не вдруг разберешь, где заканчивается одна

реплика и начинается другая.

– Что? Кто? Откуда? Который час? Какой год? Кто у нас толмач? У кого ключи от убежища? Где этот Плешивый? Под деревья надо! Стой, сука! Под трибунал пойдешь! Ни шагу назад! Занять круговую оборону! Окопы в полный профиль! Перемать! Да чем я тебе их собью? Своим попробуй! На крыши кого-нибудь! Вернись! На месте пристрелю! Ведра с песком! Зажигалки тушить! Чего на голову? Да хоть горшок! Сейчас на второй заход вывалятся! Потом мотопехоту бросят! Перекрыть стратегическое направление! Дозоры по всему периметру!

Мимо промелькивает спешно возвращающийся кофтастый и, не снижая скорости, юркает в арку. Верно, друг ситцевый, смерть красна на миру, а не где-то за его пределами.

Но нам-то как раз туда.

Сцепив руки, встряхиваем над головой уже на ходу.

Спасибо, братуха, прощальный салют удался на славу.

На левом запястье мелодично включается навигатор. На дисплее прорисовываются контуры площади перед воротами с мигающим квадратом обочь.

Поднимаем глаза. Придорожный терминал, коий мы уже почти миновали. Видимо, и там имеют, что сказать напоследок. Надо уважить. Заворачиваем в приоткрытую дверь.

В сортирообразном помещении пусто, царит полумрак и попахивает гигиеной. Вмурованный в правую стену агрегат терпеливо ждет всеми десятью дырочками, слегка подсвеченными изнутри.

Приближаемся и вставляем пальцы.

С еле слышным гулом устройство принимается за наши ногти.

Черт, а нельзя ли было туда ногами залезть? – мелькает вдруг в голове запоздалая мысль. – С ними-то, как правило, проблем больше. Впрочем, почему так уж и запоздалая? Закончится маникюрный сеанс, можно попробовать педикюрный. Заодно проверим, тот ли Брайан человек снизу, что и сверху? Вдруг какой-нибудь кентавр. Не про него ли апокриф? *Зверь Китоврас умеет ходить только прямо*…

Темно-серая панель перед лицом наливается черным, обретает глубину, и на поверхность всплывают зеленоватые буквы:

Идет анализ генетического материала, подождите…

Куда деваться, ждем. Наконец, вводная строка уступает место следующим:

Подключение к сети.
Корректировка времени

Высвечивается сегодняшняя дата: ***29.07.0299.*** Начальные цифры принимаются мельтешить, стремительно меняясь, и на экране возникает другое число: ***03.09.0299.***

Вот и осень.

С момента нашего предыдущего посещения сего полифункционального заведения прошла не неделя с хвостиком, а без малого два месяца. Не многовато ли? Даже учитывая местный поправочный коэффициент. А, ну да, камень Хранителя на верхнем плато. Один к трем, уже целый месяц.

Ладно, разобрались, давай дальше.

Проверка персональных файлов.
Идентификационный номер: 9099079979
Используемое имя: Брайан'.
Код допуска 3.
Носитель имеет право на консультацию прикладного характера

Ну, это уже кое-что. Особенно при умелом использовании.

Для начала стоит, наверное, попробовать в лоб. Давай, Брайан, ты у нас специалист по этому делу.

Брайан набычивается и спрашивает прямо в экран:

– Что хранится в бронированной комнате арсенального склада?

Экран мигает, но быстро находит ответ:

На заключительном заседании комиссии по данному вопросу было решено, что там ничего не может храниться.

Во как! А корячились те бравые ребятушки, затаскивая контейнер, значит, чтобы ввести в заблуждение вражьих наблюдателей, эвентуально засевших в окрестных кустах? Ну, предположим.

– Решение комиссии было принято единогласно?

Нет, но абсолютным большинством. Отдельное мнение зав. отделом теоретической физики изложено в специальном приложении.

– В чем его суть?

Приложение к решению комиссии является закрытым.

– Каков код допуска?

Информация об уровне кода засекречена.

Говорите, полностью обезопасились? А если мы зайдем с другой стороны?

– С какого бодуна первый драк махнул на восток?

Очевидно, по причине навигационной ошибки.

– Из-за чего могла произойти ошибка?

Вероятно, вследствие неудачной попытки ампутации органа, ответственного в частности и за ориентацию в пространстве.

– А какой орган у драка ответственен за ориентацию?

Сведения являются закрытыми.

– Что значит неудачная попытка?

Попытка, не достигшая запланированного результата.

– Если попытка ампутации была неудачной, то почему рог в складе светится?

Светится? Вы уверены?

– Естественно. На глазах было.

Проверка файлов, подождите…

На левом запястье раздается длиннющий «биип».

Навигатор-то, оказывается, помимо прочего еще и шпионит за нами, а по просьбе сверху и откровенно стучит…

На экране терминала возникают строки:

В связи с новыми вскрывшимися обстоятельствами вся относящаяся к данному вопросу информация переводится в разряд закрытых.

Вот и проконсультировались.

Ладно, что нас еще интересует?

– Из чего состоит рог драка?

Из кристаллического углерода.

– Это алмаз, что ли?

Нет, структура решетки не гексагональная, ближе к лонсдейлиту. Одна из более плотных, скорее металлических модификаций углерода.

– В каких условиях его ковать?

На современном этапе развития технологии указанный материал обработке не поддается.

– А куда и зачем в таком случае я иду?

Вопрос выходит за пределы компетенции отдела научно-прикладной информации. На кого переключить, на психологов или капеллана?

– Картографов давай, шутник.

Переадресовка связи
Отдел прикладной геодезии…

– Куда ведет отправная точка, отмеченная на кроках?

Приложите кроки к экрану.

Одной рукой, дабы не прерывать контакт, достаем обрывок старого плаката.

Сканирование
Сличение с данными аэрофотосъемки
Идентификация.
Краткая справка:
Настоящий район изучен плохо. Наземная разведка не проводилась. Терминал установлен только на входе. Продвинуться вглубь никому не удалось.

Справка в самом деле краткая, тут не придерешься.

– Враждебно настроенное население?

Про население ничего не известно. С первой же развилки все дороги выводят обратно за пределы, причем каждый раз в разное место. Видимо, район представляет собой зону пространственной аномалии. Принципы, на которых базируется топология названной области, не выявлены. Закономерности возникновения той или иной конкретной модели никак не прослеживаются.

Принципы не выявлены, закономерности не прослеживаются… Сказки надо было в детстве читать. *Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю, что.* Чего уж тут непонятного?

Вынимаем пальцы, осматриваем ногти. Можно и во дворец, царевну сватать.

Над городком стоит тишина. Куда народ-то подевался? Неужли в Холодный овраг отступили? А, вон в кустах акации что-то шевелится. Залегли, затаились.

Обводим взглядом окоем и направляемся по стратегической северной дороге.

Черт, а не примут ли нас в защитных рядах за дезертира? С другой стороны, мы ж не назад, а совсем даже наоборот.

Из густых камышей лягушачьей заводи высовывается лампасный в засученном выше колена галифе.

– Ты куда, да еще в полный рост?

– Разведка боем, – отвечаем, не снижая темпа. – Засекай огневые точки.

– Лады, – отвечает лампасный и скрывается в сомкнувшихся зарослях.

Больше на глаза никто не попадается. Ничейная полоса.

Первые живые обнаруживаются лишь возле развилки. Но серо-грифельные ящерки, выползшие из трещин когда-то монолитного блокпоста, лишь греются в утренних лучах и атаковать никого не собираются. Городок для них вообще за пределами восприятия.

Продолжаем движение вправо.

Дорога принимается выписывать длинный синусоидальный извив в направлении восходящего солнца. Через пару-тройку километров устойчиво берет влево и постепенно выворачивает на север.

На выходе из пологой дуги, уже в спину, раздается хрипловатый голос:

– А ты знаешь, что у тебя между лопаток бабочка прррристрррроилась?

Замедляем шаг и осторожно оглядываемся.

На суку раскинувшегося у левой обочины дуба восседает какой-то странный филин с маленькой хохлатой головой и непомерно большим горбатым клювом.

Ба, да это же старый знакомец, вытащенный из-под барачных развалин! Попугай сугубо армейской раскраски.

– Пусть сидит, – отвечаем, – не велика тяжесть. Или ты настроился ее склевать?

– Б-р-р-р-р! – передергивается экзотический пернатый. – Я столько лет этими бикарррасами питался! Не напоминай, а то выррвет!

Час от часу не легче. Хорошо еще, не под самым стволом остановились. Но тему все же лучше сменить.

– Здесь-то чего делаешь?

– Орррехи да ягоды на завтрррак себе пррромышлял. Теперь перрредыхаю!

Попугай сдержанно икает.

– Ночуешь в дупле?

– Что я, муж совы, что ли? Гнездо у меня в горрродке. Только у них там, похоже, война началась. Уж не пойму с кем. Может, с куррркулями из поселка чего не поделили.

– Отбились городошные, можешь возвращаться.

– Все ррравно мне их рррожи не нрравятся!

– Ты птица вольная, летел бы себе на родину.

– Да я крррроме клетки ничего и не видел! Даже не знаю, откуда пррроисхожу! К востоку или западу забирррать, какой из океанов перрресекать горррдым альбатрррросом! Говорррил хозяину своему, купи книжку, пока еще пррродают, да он из ррайона один лишь коньяк пррривозил, на остальное уже не хватало!

– Подожди, из района? Так это было до?

– Ну да, после им деньги перррестали выдавать.

– «Пока еще продают…» Ты что же, предчувствовал?

– Да как не пррредчувствовать, когда каждый вечеррр пррро то только и слышал. «Вот как гарррркнет! Весь барррдак медным тазом накрррроется!»

– А чем, говоришь, хозяин твой занимался?

– Не знаю, я как-то со скуки поинтеррресовался, так он меня на тррри месяца в темный чулан перрревел, лишь на показательные рррастрррелы выносил вместе с клеткой.

– А работал он где?

– На пусковой. Но не охррранником, да и в ррракетах врррроде не ррразбирррался, все больше пррро какие-то поля талдычил. Однако и на агрррронома не шибко похож, у себя на службе они

вообще в белых халатах ходили, дарррром что в забрррошенной шахте рррасполагались.

– Про халаты-то откуда тебе известно?

– Да он, когда в отпуск уезжал, меня туда на врррремя опррределял. В какую-то огррромную залу, в один угол с белыми мышами в вольеррре. Так вот мужик, которррый корррм нам ррраздавал, всегда был в белом халате, хотя трррезвым оставался ррразве что до обеда.

– Помимо мышей и кормильца еще кого-нибудь там видал?

– Видать не видал и даже не слыхал, но в дальней глубине помещения что-то явно жило. Изррредка врррроде как смотрррело из темноты, хотя никаких глаз и не светилось. Мыши стррршно боялись, до столбняка.

– А ты?

Попугай демонстрирует профиль.

– Не стану врррать, что выпусти меня, полетел бы в ту сторррону на ррразборррки. Скорррее в пррротивоположную.

– Узнать ощущение при случае сможешь?

Попугай приподнимается на цыпочки и вертит головой, выглядывая чего-то у горизонта.

– Ни ррраньше, ни позже все оперррренье дыбом у меня ни ррразу само по себе не вставало. На целый час.

Знатное, должно быть, зрелище. Такое не спутаешь и не скроешь.

– Ну а после того, как гаркнуло, чего твой специалист по полям?

– Поначалу было за ррремонт бытовой техники взялся, да какой в том смысл, если электррричества, все ррравно, нету? Огорррродничеством занялся, да крррроме каррртошки почему-то ничего не ррросло. Но затем дела в горрру двинулись, когда выяснилось, что перррегонный аппарррат его констррукции выдает самогон сверррхубойной крррепости. С прррродуктами в доме стало попррроще, можно сказать, не перрреводились, ррравда, и сивушный дух никогда не выветррривался. В общем, дым корррромыслом и нескончаемый крррруговорррот окрррестного отррребья.

– А куда он потом делся?

– На кладбище перррребрррался. Хотя врррроде еще не померрр, прррроснуться ррросто не мог.

– Сам что ли перебрался?

– Прррриятели снесли. Такие же дегенеррраты, как и он. Орррал я им ррро летарррргию, да они и слова такого отррродясь не слыхали. Рррешили, что ррругаюсь по-научному. Хозяин-то мой у них за ученого слыл. Прррофессорррром кликали.

– А тебя почему ж никто не взял?

– Клюнул я одного дебила. Остальные за компанию обиделись.

– Зачем клюнул-то?

– Да он своим вонючим пальцем полез чесать меня. Словно я ему пес блохастый.

– Ну а потом?

– Забрррали аппарррат и ушли. Дверрри и ставни на окнах закрррыли. Хорррошо еще, клетку заперрреть забыли. Так и жил себе, не знаю сколько. Счет годам потерррял. Все съедобное быстррро кончилось, со врррременем выучился питаться тарррраканами да пауками, чтоб им пусто! Где-то черррез полвека стены темницы рррухнули, но лучше не стало, потому как вообще погррребло! Еще лет пять подавал из-под завалов напрррасные прррризывы на помощь, пока одним утррром в обррразовавшуюся щель не прррросунулась чья-то спасительная рррука. Кусать ее, конечно же, не следовало, но я к тому моменту прррросто-напрррросто озверррел! Ты уж прррости меня.

Попугай театрально склоняет голову.

– Ладно, забыли, – соглашается Брайан.

– И в знак сверрршившегося прррримирррения дозволь мне остаться с тобой. Сам понимаешь, в наших сурррровых крррраях попугаю положено иметь хозяина. Да и существо я компанейское, можно сказать, свой в доску. Опять же, прррри надобности, дорррогу могу ррразведать.

Хохлатый слегка поворачивает шею и косит круглым глазом.

– Похоже, никуда от тебя уже не денешься, – усмехается Брайан. – Еще возле руин зародилось подозрение, что это надолго. Кстати, почему я тебя после того не видал, не слыхал?

– Так хоррронился, клюв без дела не ррразевал. А то ведь отловят и снова в клетку. А затем брррросят в ррразваливающемся барррраке! Корррмись потом опять мокррричами, мерррзость какая!

– А гнездо свое ты где устроил?

– На складе, в отдушине.

– В нее ж братуха пустые банки выбрасывает.

– Ну да, уворррачиваться прррриходилось. Зато всегда в курррсе оказывался!

– Прав был твой бывший хозяин, шпион ты по натуре.

– Осталось лишь выяснить, на кого ррработаю! Схватить за грррудки и трррясти, пока не прррризнаюсь!

– Ну, с работодателями тут действительно напряженно, беру неуместное слово обратно и приношу извинения. Заодно напомни свое имя.

– Нету у меня имени, – отворачивается попугай.

– Но профессор же твой как-то тебя звал.

– Да сам он дурррак был!

– Понятно. Тогда придумай новое.

– Есть у меня на пррримете одно… – загадочно тянет попугай. – Я к себе так и обррращаюсь в последний месяц…

– Назови.

– Не могу.

– Секретное, что ли? Сакральное?

– Врррроде того. В смысле, стесняюсь.

– Как насмелишься, поведай, а пока я тебя буду звать хохлатый.

– Хохлатый? – переспрашивает попугай. – Хохол, хохлатка. Курррей так зовут, а не благорррроднейших птиц!

– Значит, картавый.

– Почему это карррртавый? – опешивает попугай.

– Потому что картавишь.

– С чего ты взял?

– Слышу.

– Ерррунда какая, я грррассирррую!

– Прикажешь величать тебя грассером? Через е с двумя точками?

– Да, в общем, тоже … на позеррра похоже.

– Возвращаемся к тому, с чего и начинали, не нравится – придумай сам. Какое-нибудь другое, которое не постесняешься обнародовать. Мирское, для повседневной, так сказать, носки.

– Попрррробую… – скучным голосом произносит попугай, затем снова оживляется: – Ну а тебя-то, хозяин, можно мне хотя бы изрррредка называть настоящим именем? Очень уж оно пррриятно для пррроизнесения: Брррайан!

– Погоди, а откуда оно тебе известно? По имени ко мне здесь никто не обращался.

– Откуда, откуда. Я столько живу, что успел перррезабыть, откуда чего знаю!

– И сколько же тебе лет?

– Со счета давно сбился.

– А родился когда?

– Рррродился?

– Появился на свет.

– Все ррравно непонятно. Я всегда был, сколько помню.

– Ох, непрост ты, пернатый, – качает головою Брайан. – Сильно непрост. Чую, и отвязаться от тебя не получится, пустые хлопоты. Так что пошли. Или полетели.

– Хозяин, а можно я немножко на плече у тебя посижу? А то

объелся вррроде. Тут у поворрроота лещинновая ррроща и орррехов пррроррррва!

– Ладно, садись. Только раскаты умерь, в черепе дребезжит.

– Я буду старрраться! – кричит спорхнувший попугай в левое ухо.

– Лучше не надо, от стараний у тебя еще круче выходит. Просто восклицательные знаки убери. В смысле, ори поменьше.

– Добрро, – тщательно выговаривает хохлатый, переводя «р» в аффрикаты.

– Уже терпимее, – оценивает Брайан. – Так держать. Поехали.

Прямая в горизонтальной проекции дорога спускается в ложбину и взбирается на следующий холм. Затем снова ныряет вниз.

– Карртон, карртуз, каррапуз, – бормочет картавый апарт, затем не выдерживает: – Ага, еще курргуз с куррдюком! Тьфу, прропасть! Хозяин, все рравно красивее того, что я себе еще месяц назад выбррал, уже не прридумать! Прринципиально!

– Тогда делись, какое имя ты себе выбрал.

Хохлатый приосанивается на плече:

– Бррайан, конечно!

Теперь уже Брайан опешивает:

– Брайан?

– Бррайан!

– Не пойдет!

– Почему? Плохо звучит?

– Звучит нормально, но Брайан у нас уже есть.

– Ну и что? Еще будет! С Бррайанами перреборр невозможен!

– Исключено, Брайан только один. И вовсе не ты.

Попугай взвивается в воздух, трепеща крыльями, зависает перед лицом и визгливо орет, только что не брызжа слюной:

– Это нечестно, хозяин! Ты захватил себе самое лучшее имя и никому не даешь им воспользоваться! Ты узуррпаторр!

– А еще тиран и самодур. Заратустра шпрахт. Ферштейн? Или моргать примешься?

Хохлатый сникает, возвращается на плечо, правда, уже другое, и некоторое время едет молча, глядя строго вправо.

По той же руке на дне очередной ложбины обнаруживается прогал в стене вековых сосен, поросший хилым разноосинником. Ответвляющаяся дорога явно была простой грунтовкой, ничем кроме подвернувшегося слова не крытой. Но пробраться можно, так что свое пока не станем вплетать.

Хохлатый принимается перетаптываться, затем вытягивает шею и заглядывает сбоку в лицо.

– Ладно, хозяин, пусть Бррайан останется один. Ты. А от меня

в нем будет совсем немножко, чуть-чуть, прроцентов семьдесят, а?

– Семьдесят процентов, по-твоему, чуть-чуть? Где тебя арифметике учили?

– Хоррошо, шестьдесят, – быстро произносит картавый, – я согласен.

И вытаскивать-то попугая из завалов было безумием, а спорить с ним – это уже за названной гранью, по ту сторону. Но проценты надо отбивать, иначе совсем охамеет.

– Ты когда-нибудь возле своего горбатого носа кукиш видел? С шевелящимся большим пальцем?

– Ну а сколько тогда? – вскрикивает хохлатый раненой птицей.

– Чуть-чуть, – придаем голосу лонсдейлитовой твердости, – это один процент. Без торга!

Попугай всплескивает крыльями:

– Да в один прроцент и хохолок не влезет!

– А на фига Брайану хохолок? Обойдется.

– Чем же тогда дррака пугать будем?

– А мы его пугать не будем. Он у нас непуганым умрет. Красивее получится.

– Хм, – задумывается пернатый наездник. – Ну рразве что так…

– Именно так. И вот что, братец, не пора ли тебе, на крыло? Вдруг где засада на пути? На нашем пути. На пути Брайана.

– Веррно, хозяин! – хохлатый срывается с плеча. – От моего зорркого глаза никто не укрроется! Бррайан может быть соверршенно спокоен! За мной!

Молотя крыльями, попугай устремляется вперед.

Уф, Иваны Сусанины для местных лесов все же привычнее, чем лже-Брайаны.

Осиновая просека ощутимо забирает в гору, одновременно выписывая длинную обратную дугу вдоль подножия мощного каменистого холма, косо врытого в землю.

На крутом уступе пламенеет оранжевым факелом одинокий клен.

Если пятипалый, то к удаче. А трех, наверное, просто к осени.

Снизу не разобрать, карабкаться же по склону не хочется.

На душе и без того сентиментально.

Серебряными колокольчиками заливается рейдовый навигатор. Опускаем взгляд на левое запястье.

ЭТАП УСПЕШНО ПРОЙДЕН.

Желаете на этом закончить или продолжить дальше?

Ключевые слова повторены ниже в равновеликих подмигивающих квадратиках.

– Хозяин! – раздается с нависающей по ходу суковатой ветви. – В окрруге пусто! Ни за одним кустом никого не пррячется. Может, мы для поднятия духа веррнемся пока в горродок и напоследок набьем всем ррыло?

– Так уж и всем? Не перегибаешь?

– Ну, тогда, некоторрым! Только, чурр, я выбирраю!

– Назад пусть раки пятятся. Тем более, есть ощущение, что дальше с достойными кандидатами побогаче станет. Возможно, и с выбором напрягаться не придется. Разведай лучше, где там завал на дороге. В стычки не ввязываться, себя не обнаруживать.

– За кого ты меня дерржишь, хозяин? Бесшумной тенью прроскользну, ни одна врражина не чухнется!

Попугай, несколько раз присев, раскачивается и взмывает вверх, как с трамплина, заглушая хлопаньем крыльев треск обломившегося под корень сука.

В каком же состоянии вражине нужно пребывать, чтобы не чухнуться?

Находим глазами экран навигатора и тычем пальцем в «***Продолжить***».

Чего было спрашивать, нами давно все решено.

С другой стороны, не одни мы в эстетическом событии участвуем. Вдруг кому уже надоели наши выкрутасы?

Но мы, в крайнем случае, можем двигаться дальше и без зрителей. Тем паче, что в нашем полку заметно прибыло. На треть, если мерить не процентами.

Окрестности оглашаются хриплым криком с неба:

– Брраво, Бррайан!

Ну, тут картавый откровенно переборщил, ничего особенного мы пока еще не совершили. Все это лишь впереди, в ближайшем ли, дальнем, но будущем.

Возможно, впрочем, что у умной птицы просто проблемы с согласованием времен.

LitRPG

Иван Логинов

ПРИЗВАННЫЙ

Возможно, баллада